

Герольд Бельгер

Плетенье
челюхи

ТОМ
3

Герольд Бельгер

Плетенье чензхи

ТОМ
3

Алматы
2017

УДК 821.512.122:161.1(574)

ББК 84Рус-44

Б 44

*Выпущено по программе
«Повышение конкурентоспособности сферы культуры
и искусства, изучение и популяризация казахстанского
культурного наследия и повышение эффективности
реализации архивного дела», подпрограмме
«Приобретение, издание и распространение
социально-важных видов литературы»
Министерства культуры и спорта
Республики Казахстан*

Бельгер Г.

Б 44 Плетенье чепухи. – Алматы: ИП «Спанова А.Б.», 2017.
ISBN 978-601-06-4565-3

Т. 3. – 288 с.

ISBN 978-601-06-4568-4

В книгу вошли дневниковые записи казахстанского прозаика, эссеиста, публициста и переводчика Герольда Бельгера, которые он вел на протяжении всей жизни.

557400

УДК 821.512.122:161.1(574)

ББК 84Рус-44

ISBN 978-601-06-4568-4 – (Т. 3)

ISBN 978-601-06-4565-3

© Бельгер Г., 2017

© Общественно-гуманитарный
фонд Ермака Турсунова, 2017

© ИП «Спанова А.Б.», 2017

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

Тетрадь двадцать третья

* * *

Неимоверно богат казахский язык, его несметные корджуны набиты золотыми, серебряными, жемчужными, искрящимися словами, но все вместе они не в силах всколыхнуть подавленный Дух современных казахов и истребить на корню хотя бы подлейшую пендешевую корысть и коррупцию. Увы, даже язык не все может.

* * *

Вторая сенсация: скончался в Лондоне скандальный олигарх Борис Березовский. Разумеется, я с ним детей не крестил. Видел и слышал только по ТВ. Мне он был с головы до ног антипатичен, хотя мой старший друг Морис Симашко уверял, что он, мол, очень талантлив, выдающийся математик, доктор наук, член-корр. РАН и т.д. Я его воспринимал, как изворотливого махинатора, дельца и проходимца. И внешность, и поступки, и вкрадчивая речь, и скользкая походка вызывали неизменную неприязнь.

И вот умер. Просто и банально. Как все человечки.

А сколько добра наворовал, сколько дров наломал, сколько дворцов заимел, со сколькими судился ради наживы! И что в результате?

Пшик! Все – согласно казахской поговорке – достанется (или уже досталось) шелудивой рыжей собаке.

Не о Борисе Березовском моя печаль. Думы мои о ныне здравствующих доморощенных Березовских. Их у нас тоже не один кошой десяток. Сколько они нахапали – тоже примерно известно. И вдруг завтра они откинут копыта, сыграют в ящик, прикажут долго жить. Голова человека – мяч Аллаха. И куда эти Березовские всех мастей денут свое добро-дерьмо? На тот свет ведь ничего не забережь.

Неужели смерть российского олигарха не наводит на скорбные размышления?

* * *

Документальный фильм о легендарном Роберте Фишере «Бобби Фишер против всего мира» не выходит из моей головы. Значительная часть моей жизни, можно сказать, прошла под знаком этого уникама. Меня он всегда поражал, удивлял, интриговал, восхищал. Десятилетиями я разыгрывал его партии, пытался вникнуть в их суть, логику и красоту. Меня будоражили все интриги с ним и вокруг него.

А сколько разной литературы я о нем читал! В том числе и откровенно клеветнической, уничижительной, разоблачительной, чернодушной! Что он особый, не такой, как все, наверняка гений, было ясно. Со временем это признали и его враги, соперники. В шахматах я болел только за него. И для меня он всегда был больше, чем великий шахматист.

Но я сейчас не о том.

Врезался в душу один кадр. Лопоухий, угловатый, худой подросток с легкой отметиной на переносице стоит на сцене и отвечает

на вопросы почтенного интервьюера. Он говорит: «Я из Бруклина, и мне пятнадцать лет». Фраза звучит чуть-чуть комично. И интервьюер с легкой насмешкой повторяет: «Он из Бруклина, и ему пятнадцать лет».

Зал смеется. Подросток растерянно-смущенно смотрит в зал и тоже улыбается.

Нескладный, большеносый, бледный подросток между прочим чемпион США по шахматам. Гроссмейстер. Но он скован, зажат, напряжен, будто ждет какую-то каверзу исподтишка, и всем своим видом выражает острое сочувствие.

Прошу прощения за невольное сравнение, но он напомнил меня, пятнадцатилетнего из захолустья на берегу Есиля. Я был такой же тощий, бледный, болезненный, передвигался на костылях и комплекс неполноценности тяготил меня. Все меня пугало, причиняло боль и страдание. Я чувствовал себя постоянно виноватым. Перед родителями. Перед сверстниками. И я был тогда примерно так же одет, большенос и угловат. И еще – постылые костыли-подпорки, одна нога короче, вечно в гипсе, в тугоре, в перевязке, напрочь лишенный детства, мальчишеских забав и радостей.

И в отличии от Бобби никаких талантов.

Правда, я был чемпионом школы по шахматам, и то потому, что во всей округе редко кто умел двигать фигурами по доске.

В фильме о Фишере все запомнилось. И дерзкий юноша, и раздражаемый противоречиями молодой человек, и великий путник-безумец, и бородатый старик, помешанный на юдофобстве и глобальных страхах, а особенно – пятнадцатилетний подросток, бледный, смущенный, неуклюжий, зажатый, трогательный, милый. Он не в ладу с собой, с семьей, со всем миром. Он трагически одинок, как всякий гений. Он будущий легендарный чемпион мира. Нестандартная, недостижимая личность.

Фильм взбудоражил мою душу, и я уже несколько дней хожу под его впечатлением.

Востребованный сборник

С живым интересом и удовольствием прочитал эту небольшую по объему книгу, изданную в 2012 году в Алматы Ассоциацией общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» и коллективом газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung».

Книга называется «Культурное наследие немцев в Центральной Азии». Это сборник научно-исследовательских статей, и издан он при финансовой поддержке Федерального Министерства внутренних дел Германии.

В книге озвучено несколько десятков громких немецких фамилий ученых, путешественников, миссионеров, политических и общественных деятелей, военных, административных начальников и работников.

Эти фамилии, главным образом, знакомы специалистам – историкам, журналистам, писателям, краоведам и совершенно или почти не знакомы так называемому широкому читателю. Значит, познавательный, просветительский пафос этой книги по этой части значителен.

В кратком и компактном предисловии четко определено тематика сборника: «Начиная с середины XVIII столетия, немцы стали мигрировать на территорию Средней Азии и Казахстана и ныне составляют компонент полиэтнического населения края и соседних стран. Первые иностранные и миссионерские путешественники проникали в край в период правления императрицы Екатерины Второй с целью составления географического, историко-этнографического и экономического представления об Азиатской России».

Сказанное неоспоримо, однако справедливее будет отметить, что немцы проникали в туркестанские края еще значительно раньше, еще до Екатерины Великой, едва ли не с XI–XII веков.

О том тоже имеется немало сведений.

Разумеется, в данном сборнике более-менее обстоятельно представлено лишь несколько весомых имен. Считаю нужным их здесь перечислить для ориентира: это работы Владимира Проскурина, крупного писателя-краеведа, профессора истории, бывшего алмаатинца, ныне берлинца («Генерал Кауфман и первые образования Туркестанского края»; «В долине заилийских гор. Немецкие сады и парки»); исследования известного казахстанского историка, кандидата исторических наук, доцента Ирины Ерофеевой («Он принадлежал к числу просвещеннейших офицеров русской армии» – о Густаве Христиановиче Гасфортте; «Дипломат, путешественник, исследователь» – о Карле Миллере; «Величайший знаток народов Востока» – о Георге Герхарде Генсе); статьи журналиста, доцента университета «Туран» Аркадия Поздеев-Бошта («Одиссея Готфрида Мерцбахера», журналистов, литераторов Майи Ковальской и Надежды Рунде («Фридрих Вильгельм Радлов – знаток культуры и языков тюркских народов»), биолога Ирины Отрадных («Евгений Михаэлис, прообраз нигилиста Базарова»).

Таково содержание сборника.

Все названные работы продублированы под общей обложкой на немецком языке, обильно проиллюстрированы портретами, рисунками, репродукциями, документами, и снабжены списком использованной литературы, свидетельствующим о серьезной научной основе публикаций.

Роль немцев в окультуривании и облагораживании туркестанского края бесспорно велика. Они капитально, с немецкой основательностью изучали историю, географию, этнографию, культуру очень своеобразного, экзотического края, записывали образцы народного творчества, строили города, поселения, крепости, организовывали больницы, библиотеки, школы, музеи, разбивали сады

и парки, сажали деревья, активно включались во все сферы культурной, общественно-социальной, политической жизни, вступали в деловые контакты со всеми народностями, проживающими в Средней Азии и Казахстане. Эти выдающиеся личности, выходцы из Германии, Эстляндии, Лифляндии, Петербурга, дворяне и разночинцы, воспитанные в традициях немецкой и русской культуры, внесли неоценимый вклад в развитии национального сознания аборигенов.

Разумеется, в активном освоении Азиатской России внесли немалую лепту и царские администраторы – генералы, губернаторы, начальники края и военных штабов, уездные руководители разных рангов. Конечно же, они были ретивыми исполнителями и проводниками царской политики на краю империи. То есть, они были ангажированными чиновниками. Понятно, в литературе их нередко изображали с негативной стороны, с классовой позиции, приглушая их гуманные и позитивные, созидательные мотивы деяний. Выставляли нередко в сатирическом, насмешливом виде. Но многие из этих чиновников – надо отдать им должное – сумели административные, должностные, карьерные обязанности талантливо сочетать с реформаторством, с образованием, с сознанием, с прогрессивными тенденциями, с познавательными, научными целями. В этом убеждают нас авторы выше названных работ.

Центральная Азия была издавна средоточием разных этнокультурных пластов и уникальным краем всевозможных цивилизаций. Приятно, что немцы не стояли в стороне от больших и малых свершений. Ясно, что документальные очерки об этом культурно-историческом процессе вносят серьезный вклад в развитие гражданского общества и углублении казахстанско-германских отношений. В этом смысле данная книга полезна и актуальна. Надеюсь, подобные издания найдут своего продолжения и впредь.

Дом-призрак на окраине города

...Этот дом – громоздкий, нелепый, сорокоэтажный – я навещаю часто. Он призрачен, окутан зыбким маревом, бесконечно тянется в ширь и ввысь, на окраине города, на отшибе, к нему ведут дорожки-тропинки с разных сторон, и все дороги вязкие, в ухабах-колдобинах, в рытвинах-ямах, в лужах, болотных бочагах, и потому добираться до дому трудно и неудобно. Вокруг до самого горизонта простирается пустырь, заросший серым кустарником, колючкой, сорной травой.

Я выхожу из тряского, раздрызганного трамвая на последней остановке, долго хожу по бездорожью, захожу в захламленный, обшарпанный, пропахший гнилью подъезд и жду лифт, тоже старый, скрипучий, лязгающий всеми железными сочленениями, ржавыми тросами, со стертыми цифрами на потемневшей от времени медной панельке. Цифры расположены в странной последовательности, к чему я никак не могу приспособиться: после восьмерки идет двадцатка – вдруг тринадцать, и лифт дергается то вверх, то вниз.

В этом доме с некоторых пор обитают мои родители и сестры Роза и Эльма. Почему-то на разных этажах, в крохотных комнатках, похожих на келья.

Сам дом смахивает на многопалубный, гигантский, одинокий корабль, затерявшийся между небом и землей. Сплошная гиль, нежить, зыбь, сутемень. Дом густо заселен, забит молчаливыми, как тени, людьми.

И нет у него адреса. А, возможно, просто я его не знаю. Или никак не могу запомнить.

Но бываю здесь часто. Особенно в последнее время.

Отец проживает на самой верхотуре. Выше, кажется, только два этажа. Лифт ходит нерегулярно и почему-то вначале кружит вокруг дома, делая далекие круги по земле, точно троллейбус, потом с надрывом, напрягом, начинает набирать высоту, спрутом втягиваясь

в трубу, подолгу останавливаясь на этажах. Кто-то входит, кто-то выходит. И все молчат. Нажимают на стертые кнопки, путая этажи. Многие обитатели мне вроде знакомы. Когда-то, должно быть, их знал. Да, да... этого видел в Коктереке, этого – в Каратале, тех – в Таразе, Байкадаме, а большинство – в Алматы и Ташкенте. Я что-то говорю, о чем-то спрашиваю, а они все молчат, как глухонемые. И никто меня не приветствует, будто знать не знают или я прибыл с другой планеты.

Со скрипом-скрежетом лифт добирается только до 30-го этажа. Дальше нужно добираться пешком. И начинаются умопомрачительные лабиринты, переходы, повороты, линии, узкие коридоры, ярусы и бесконечные ряды одинаковых дверей с таинственными знаками на углах.

Тесень жуткая.

Сколько раз бываю здесь, а запомнить, на каком этаже, в какой каморке-келье обитают мама, отец, сестры, не могу. Каждый раз думаю записать, и все время что-то мешает. Беда! Брожу по лабиринту в полной безнадёге.

Страх. Тотальный пропад.

Вот и сегодня, выйдя из лифта, застыл в растерянности. Наобум поднялся на два этажа, с сердцебиением одолел подъемы и пролеты, спуски, переходы, тускло, еле-еле освещенные, и начал открывать первые попавшиеся двери.

За одной из них смутно, словно через толщу воды, вижу знакомого. В бороде, в усах, клочковатых бакенбардах, в нечесаной, ниже спины, шевелюре, скрестив голые, черные ступни, задрав крючковатый нос, в экстазе, иступленно наяривал на домбре и самозабвенно, но беззвучно пел. На темени его возвышалась лихо накрученная чалма с семигранной алой звездой.

Я застыл на пороге, присмотрелся: ба! так это же Аскар из Созака.

– Асеке, ты?! – спрашиваю радостно.

Он бегло косится на меня, продолжая неистово, всей пятерней хлестать струны домбры, кивком бороды показывает наверх и внятно произносит:

– Катарсис!

– Что-о?

– Трансцендентальная, – бубнит, – апперцепция.

Я испуганно захлопываю дверь, иду дальше. Ноги подкашиваются. Сердце мелко-мелко частит.

Через несколько поворотов приоткрываю еще одну дверь. Растелешенный Мусрепов, сидя на продавленном диване, сам с собой азартно играет в преферанс.

– Габе! – говорю учтиво. – Ассалаумагалейкум!

Он медленно, нехотя отрывается от карт, цедит в растяжку:

– А-а... Бэл-гэр... Прибыл, значит? Ну, добро пожаловать!

– Да нет... я... я... это... так... незначай...

Мусрепов небрежно махнул рукой. Иди, дескать, не мешай...

Немного озадаченный и раздосадованный безразличием Габита Махмудовича к моей персоне, я пошел восвояси, поднялся еще на один ярус, чувствуя, что задыхаюсь и все сильнее припадаю на больную ногу, и только тут заметил, что не опираюсь на привычную суковатую трость, которую видимо, оставил в лифте.

О, господи, как же я пойду дальше? И вообще куда я иду? И как же мне выбраться отсюда? Неужели никто из обитателей этого немого дома ничего не знает о моем отце? Неужели и здесь никто никому не нужен?

На всякий случай толкаюсь еще в одну дверь. Лежит на диване маленький, сухой, как пацаненок, поэт Кадыр и сосредоточенно строчит огрызком карандаша по бумаге. Вокруг, как опавшие листья, ворохом валяются пожелтевшие клочки, исписанные непонятной вязью. На шатком, облезлом столе стоит старая пишущая

машинка «Колибри», рядом висится аккуратная стопка писчей бумаги. Выходит, Кадыр стихотворит и здесь? Я смотрю на него, а он меня в упор не видит. У крохотного, как амбразура, окошка в колченогом кресле сидит его закадычный друг Туманбай, выкашив из помятых шальваров огромные, как кебеже, заросшее рыжей щетиной брюхо. Голова его то раздувается, как шар, то сужается до размера войлочного мячика, которым мы играли в детстве, из беззубого рта со свистом вырывается умильный лепет: «Тумаш... Тумашжан... Туманбай... Туман-ага...»

Боже! Что стало с моими друзьями? Как они изменились за то время, как я их потерял из виду!..

По шатким ступеням, в зыбкой темени, пошатываясь, я поднялся еще на один этаж. Кажется, я выбрался-таки на знакомый ярус. Где-то совсем рядом должен быть мой отец. Поворот, еще поворот, закоулочек, третья или пятая дверь за углом. Нет! Видно, все же не там свернул...

Ташусь через силу.

И тут, как во сне, сталкиваюсь лицом к лицу с сухопарой, темной, седой старушкой и застываю от неожиданности. Либер Хайланд! Неужели?! Это же моя бабушка – Мария-Элизабет Зельцер, умершая еще на Волге в канун войны и депортации. О-о-о!.. Мне было тогда шесть лет, и я ее хорошо помню, носатую, косматую, с запавшими, страдальческими глазами, вся в глубоких морщинах, строгую, не улыбающуюся...

– Ома! Ома! – вырвалось у меня.

Старушка скорбно пронзила меня черными глазницами и утробным басом промолвила:

– Какая я тебе ома?! Я – Эльма!

И я узнаю в ней мою сестру... бедную, бедную Эльму, незадачливую, горемычную.

– Что? Не узнал? Не пугайся... Болезни никого не красят...

– Так... ты тоже... здесь... живешь?

Она ослабилась.

– Здесь, здесь... А ты к папе?

– Ну... Опять вот забыл точный адрес.

– Запомни! – Эльма поднимает костлявый палец. – 38-й этаж, третья линия, пятый ярус, шестой поворот, против террасы, 2011 келья.

– А телефон?

– Что-о?!

– Номер телефона помнишь?

– Хм-м... Здесь нет ни телефонов, ни домофонов, ни диктофонов, ни патефонов... Пошли!

Я покорно бреду за Эльмой. Чувствую: вот-вот рухну. Ноги ватные. Сердце трепещет у горла. С перебоями. Со свистом. С надрывом. Хлюпая клапанами.

Бредем-тащимся целую вечность, будто из палаты в палату, из вагона в вагон. И все запружено, забито человеческими тенями – бледными, зыбкими и беззвучными.

Наконец, дошли. Эльма толкнула дверь, и я увидела отца. В мятой рубашке, залатанных, застиранных штанах, в вязанном, обвисшем джемпере, в изношенных отопках. Длиннолицый, длиннорукий, высохший, тонкошей, со слезящимися светлыми глазами. Точь-в-точь таким, каким я его видел в свой последний приезд на Байсунскую, 59 к его 90-летию. За столом сидели, нахохлившись, две рыхлые, бесформенные бабки, а отец суетливо и неумело заправлял постель.

Моему появлению он обрадовался и одновременно смутился.

– Вот видишь? Подселили меня. Тесно. Везде тесно. Просторно было только в Казахстане.

– А мама разве не с тобой?

– Не-ет... – И отец заплакал. – Она... она в другой зоне. Туда не пройдешь. Я ее только один раз видел. По-прежнему стройная, легкая. Да... Жаловаться здесь некому.

Острая жалость к отцу пронзила меня. В нем появились несвойственные ему смиренность и благодать, кротость и виноватость.

Мы подавленно молчим. Бабки куда-то исчезли, испарились, улетучились.

Мне грустно. Там, на земле, отец с мамой прожили в ладу и согласии шестьдесят один год – на Волге, в Казахстане, в Узбекистане. А здесь их разлучили, поместили по разным этажам, хотя на ташкентском кладбище, Дом-рабат, они лежат рядком по желанию и воле отца.

Стало быть, в этом заоблачном, призрачном доме нет справедливости.

Как и на земле.

– Счастлив ли Дух твой? – спрашиваю некстати.

– Ничего о Духе сказать не могу. Я ведь никогда и не задумывался о том, что такое Дух. Полагал – химера. Выдумка. А тело, плоть охвачены нежитью.

– А как проводишь время?

– Здесь нет времени.

– Как это?

– А вот так – нет и все. Остановилось. Здесь вообще ничего нет.

– Забавно...

– И пищи нет. И забот никаких. И желаний... Нет даже, – отец перешел на шепот, сконфузился, – туалета.

– Ужас!

– Никакого ужаса. Просто в нем нет надобности.

Не по себе стало. Я как раз в этот миг почувствовал надобность. Выходит, надо скорее удалиться, а то еще осрамишься невзначай.

Жалко отца. Он всю жизнь – с раннего детства – вкалывал-пахал, как батрак, никогда не сидел сложа руки, ни себе, ни другим не давал покоя, и вдруг отпала надобность во всем, в трудах, деяниях, хлопотах, порывах не осталось смысла.

Свихнуться впору.

– Слушай! А ты где живешь? В Казахстане или Узбекистане?

– В Казахстане.

– Давно?

– 72 года.

– Год – что такое?

– Отрезок времени.

– Здесь годов нет. А Узбекистаном все еще Каримов правит?

– Он!

– А Казахстаном?

– Назарбаев.

– Давно?

– Порядочно. Обоим ныне за семьдесят.

– О, пацаны! – заключил отец. – Пусть сидят.

Я не возражаю. Для отца они, наверное, в самом деле пацаны. Сколько же моему отцу? Знаю, что за сто, а подсчитать никак не могу. Кажется, я сам приближаюсь к восьмидесяти. И для отца я наверняка тоже пацан.

День – или ночь? – на исходе. Тишь. Пасмурь. За узкими окнами-бойницами густеют тени. Далеко мерещатся очертания гор. Над их пиками, между кудлатыми облаками вроде как луна проплывает.

Отец плачет. Рукавом вытирает слезы.

Я обнимаю его и тоже плачу.

Сердце мое окаменело. Дыхание обрывается.

Откуда-то льется-просачивается Голос:

«Пора, мой друг, пора...»

И я опять бреду по коридорам, ярусам, галереям, этажам, за поворотом – поворот, за кельей – келья... лабиринт-муравейник... господи, доберусь ли я до лифта, выберусь ли из этого сумрачного обиталища теней?..

Тяжко мне, тяжело. От боли, от одиночества, от отчаяния, от гибельной смуты на душе...

Нет сил. Нет желания. Нет воли вырваться из плена, из тлена.

И тут я просыпаюсь.

И не сразу соображу, где нахожусь, когда и как я выбрался из громадины между небом и землей.

Занимается новый день. Из-за стекла книжного шкафа взирают на меня молча и сочувственно Гегель, Гете, Шиллер, Гейне.

Господи, я жив?!

Ощущение жизни медленно возвращается ко мне. Сердце с надрывом хлюпает в горле.

Тук-тук... хррр... провал; тук-тук-тук... ссссс... провал.

Еще не пропад?

Рука тянется к перу, к бумаге. Попытаюсь, если получится, описать мое наваждение, мое приключение, мое свидание с отцом...

26.03.13

* * *

У Петербургского писателя Павла Курсанова спрашивают, в самом ли деле измелывал писатель, как уверяют критики. Писатель утверждает: измелывал читатель. Далее он разъясняет (см. ЛГ № 10-11 за 2013 г.): «В 70–80-е годы прошлого века люди массово зачитывались Фолкнером, потом на смену пришли Набоков, Борхес и Маркес, а теперь и Маркес сложен. Его сменил Коэльо. Читатель на глазах опрошается – фраза, в которую вплетено больше пяти слов, кажется ему головоломкой. Да, определенно проблема сегодняшнего дня – читатель»

Я с этим полностью согласен. Читатель примитивизировался, деградировал катастрофически. Я это наблюдаю по казахской литературе, в которой обитаю шесть десятков лет.

Только я внес бы существенную коррективу: деградирует не только читатель, но и писатель. Читатель привык жевать мякину,

ну, и писатели поставляют ее в изобилии. Современного читателя вполне устраивает постная жвачка а-ля Сабит Муканов. Писатели и поэты и поставляют эту жвачку тоннами. А что еще надо? Важно, чтобы власть эту жвачку тиражировала, поддерживала и отмечала премиями и наградами. А читатель пусть почитывает и облизывается.

Современный читатель и писатель – два сапога пара.

* * *

Со школьных времен (а потом в институте и аспирантуре) мне упорно внушали, что развитие происходит по спирали. Возможно, что и так. Я не спорю.

Ну, вот, что по этому поводу пишет Юрий Лобов:

– Ну как тут развиваться по спирали?
Нас воровство опутало, как спрут.
Чуть отвернешься – и спираль сопрут.
Ведь сколько раз спираль уже спирали!

* * *

Казахские просторы поражали, а живут казахи в тесноте.
А вот немцев в Германии значительно больше, земли же намного меньше, а живут более просторно и ухожено.
В чем дело?
И машин несравненно больше, а пробки не столь дикие.
Народу больше, а шума меньше. Опять-таки чистота и порядок.
Как же так?

* * *

Литературоведы знают: у молодого М.Горького (тогда он был еще А.Пешковым) была поэма «Песня старого дуба». Ее программная строка звучала так: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться!»

Мощная, объемная, дерзкая фраза.

У наших доморощенных писателей независимого периода она скорее звучит так: «Я в этот мир пришел, чтобы лизать пятки» (По-казахски: «Мен табан жалау үшін туған жанмын»).

Ну, что ж... с писателя, поэта какой спрос? Он баловень, неразумное дитя своей эпохи, раб власти, угодник обстоятельств. Он привык служить тому, кто сыплет, как курице, просо. Он клюет просо и жметя к сапогам власть имущего.

Меня это увлекает.

А вот почему так называемые ученые-академики (философы, экономисты, юристы etc.) услужливо лижут чьи-то пятки, прекрасно сознавая, что угодничают, прислуживают, для меня тайна велика есть. Неужели они все свои знания, способности, таланты, трезвый ум подчинили шкурным интересам, мелкому пендешному расчету? И еще хотят, чтобы за это их любили, уважали?!

Эх, сорлыбаюшки!

* * *

Гюнтер Грасс, немецкий лауреат нобелевской премии, время от времени делает такие заявления-откровения, от которых пыль столбом по все Европе.

Многие его «брюзжания» мне созвучны.

В конце каждой недели я в течении двух дней становлюсь пленником-заложником периодической печати на русском, казахском и немецком языках.

Читаю до одури, до умопомрачения. Иногда думаю: какого черта травлю себя, изнуряю свой мозг и сердце? Живут же люди, ничего этого не читая (кстати, в 48-квартирном доме, где я обитаю 37 лет, только две квартиры выписывают газеты).

Мое состояние от чтения газет точно выразил 86-летний Гюнтер Грасс:

Мутит от ежедневной прессы,
где вчерашняя новость уже протухла.
Изнуряет отвращение,
ощущать которое уже стало привычкой.
Еще меня гнетет усталость,
когда ставят вопросы,
которые никак не удовлетворить ответами.
И угнетают игры с цифрами,
где всегда в итоге побеждает ноль...

* * *

Вычитал из газет, что валовый внешний долг Казахстана по итогам 2012 года составил 137,051 миллиарда долларов (против 125,153 миллиарда в 2011 году). Рост за год составил 9,5 процента.

Задумался.

Разделил эту цифру на душу населения страны.

И еще раз задумался. Глубоко и скорбно.

И лишился сна.

И вообще плохо стал соображать.

В голове сверлит-стучит: долг, долг, долг...

Позавидовал нашим властям.

Им хоть бы хны.

* * *

Листаю «Московскую немецкую газету» (№ 14/13). Статья «Искусство уходит» разбирает, кто, как и почему лишился своего высокого поста, добровольно уйдя с политической арены. Мелькают имена Иозефа Ратцингера (папа Бенедикт XVI), Готшалька, Кёлера, Вульфа, Шаван, цу Гуттенберга.

И вот последний абзац статьи – так сказать, соль, суть, изюминка:

«Но если настало время уйти, не стоит ли это сделать как можно раньше, не дожидаясь пинка глумящейся толпы?»

Вопрос поставлен открыто и остро.

Цитирую дальше:

«Ведь еще греческий поэт Эсхил признавал: «У людей есть обычай – добивать того, кто погибает».

Надо же! А я и не знал этих слов Эсхила. Прав был мой аспирантский наставник Е.И.Ривлин: древние греки исчерпывающе сказали всё.

Знаем (по истории и по опыту): есть такой обычай – добивать погибающего. Увы, сами погибающие это слишком поздно сознают.

* * *

«Россия, береги своих детей,
Не то одна останешься на свете»

Этот пронзительный призыв принадлежит поэту Инне Кабыш.

Увы, Россия своих детей не очень-то берегла. И родных, кровных не жалела, а приемных и вовсе отринула, как злая мачеха – депортировала, гнобила, морила, преследовала. И за этот грех она горько и тяжело расплачивается.

* * *

На мой взгляд, казахская литература за годы так называемой независимости в количественном отношении не пострадала. Наоборот. Столько литературных газет и журналов, альманахов – республиканских, региональных, областных, столько издательств и типографий, столько, наконец, писателей на всех предыдущих этапах развития Казахстана никогда не было.

От количества литераторов и литературных изделий в глазах рябит и голова кругом. Жуткий селевой поток. Обвал!

Но есть всемирно известный закон, по которому рано или поздно количество переходит в качество. Думаю, придет время, и этот закон сработает и в Казахстане.

И тогда пойдет качество.

Это и будет новым взлетом казахской литературы.

Осталось набираться терпения.

Озолирующий ветер развеет шелуху. И среди тысяч и тысяч стихотворцев-стихоплетов родится новый Абай, новый Султанмахмут, новый Мукағали.

Это – верю! – неизбежно.

* * *

Вообще-то – не стоит скрывать – за годы независимости (кстати, на мой взгляд, весьма условное обозначение) мы многое потеряли. Я мог бы на нескольких страницах перечислить того, что мы потеряли – скорее всего, навсегда. Но назову здесь лишь одну потерю – ЧИТАТЕЛЯ. О, какой у нас был читатель! Во всесоюзном масштабе! Олжас Сулейменов неоднократно с гордостью напоминает, что в Казахстане у одного казахского литературного журнала «Жұлдыз» было 240 тысяч подписчиков! Сколько книг выходило миллионными тиражами! Вспомним «роман-газету». Фантастиш! Моя первая, очень непрезентабельная книжка рассказов вышла 100 тысячным тиражом. Сорок три года спустя я о таком тираже и мечтать не смею.

Потеряв читателя, мы лишились литературы. А вместе с литературой размылись нравственность, порядочность, совесть, честь, достоинство, благородство, милосердие и многие-многие другие человеческие ценности. Homo sapiens превратился в человека-хапугу, потребителя, шкурника.

Вспоминается давняя немецкая песенка:

– O, mein lieber Augustin,
Alles ist hin

(Смысл: «О, мой милый Августин, все коту под хвост»)

Вспомнишь – взвоешь.

* * *

В последнее время я все острее понимаю, что от меня – от моей воли, характера и желания – ровным счетом ничего не зависит. То есть возможно решительно все.

Вспомнил: такую мысль высказал странствующий старик Иосиф в тетралогии Т.Манна «Иосиф и его братья»:

«Я привык во всем сомневаться, но не потому, что ничему не верю, а потому, что считаю возможным решительно все».

* * *

Наши казахстанские жазушылар (да и не только наши) с некоторых пор романом называют все на свете: роман-очерк, роман-эссе, роман-воспоминание, роман в рассказах, роман-хроника, роман-дневник, роман в стихах, роман-бог весть что.

А ведь эту трансформацию жанра предвидел Томас Манн еще в 1942 году в своем докладе о «Иосифе»:

«В наши же дни дело, кажется, идет к тому, что скоро романом будет считаться все, что угодно, но только не сам роман...»

Как в воду глядел!

* * *

Есть такой современный российский писатель, которого я совсем не знаю: Михаил Шишкин – автор романов «Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник». В «Известиях» (20.01.11) я прочел любопытное его суждение: «Пушкин вот «дорос» до большого европейского поэта, но навсегда в русских границах останется. Как бы Набоков им там «Онегина» не растолковывал, никто Пушкина «нашим всем», кроме русских, не назовет».

Сказано резко, и, вероятно, доля правды в этом есть.

А я подумал об Абае. Он ведь тоже «казахское все». А в переводе на другие языки звучит не совсем адекватно. Говорю о том с досадой. Я этим вопросом много занимался.

Надо, видимо, признаться, что Абай – сугубо национальное явление. Он обречен вечно обитать в чисто казахских границах. Дай бог, чтобы его знали и почитали по достоинству прежде всего казахи.

* * *

Считается большим недостатком русской версификации – глагольная рифма. Русские глаголы поразительно созвучны. И потому глагольными рифмами особенно увлекаются графоманы, женщины и дети. Этот изъян сразу же бросается в глаза и вызывает оскмину.

Прибегал к глагольным рифмам (довольно часто) и Пушкин. И у него это не мозолит глаз, не раздражает слух, а воспринимается с каким-то шармом. Вот пример:

– В синем небе звезды блещут,
В синем море волны плещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Сплошь «дешевые» глагольные рифмы, а играют, переливаются, запоминаются. Магия какая-то!

А попробуй переведи на другие языки. Получится банальная чушь.

* * *

Фраза, рожденная в больнице:

– Если человек очень хочет жить, медицина бессильна.

* * *

Случай, рассказанный кардиологом Ахá:

Композитору Н.Тлендиеву стало совсем худо. Остановилось сердце. С трудом еле-еле откачали, вернули к жизни. На другой день он сообщил коллеге-уйгуру, композитору Кужамьярову:

– О дүниеге барып келдім. Проведал тот свет.

– Ну, и что там увидел? – спросил Куддыс.

– Ой, казахов там переизбыток. Отправили меня обратно. Сказали: уйгур маловато. Пришли кого-нибудь из уйгур.

Посмеялись.

Через два месяца Кужамьяров отправился на тот свет.

* * *

Встретились в больнице двое знакомых. Когда-то вместе ходили на стадион. Пожаловались:

– Нынешние врачи ничего не умеют. Чему их только учили?

– Ой, не говори! Лечат, лечат, а все без толку.

Первому 96 лет, второму – 93.

* * *

Двое лежа под капельницей, беседуют в палате:

– Удивляюсь некоторым мужикам. Извращенцы, что ли? Ну, что они увидели в этой самой Ашкенази?! Доска, два соска и дырка посередке.

– Да, да... Ни сиськи, пи письки...

* * *

Все можно купить, даже здоровье в относительной мере. А вот времени не купишь ни за какие шиши. Его никто не продает.

* * *

Формула моей оставшейся жизни: «Жыкпа – жығылма». Примерно: «Не вали – не падай».

* * *

«Сердце мое в сорока заплатах», – сетовал Абай.

Это метафора.

«Сердце мое в четырех рубцах», – печалюсь я.

Это констатация.

«У-а, у-а, у-ааа», – плачет мое сердце.

«Уа, уа, уа...», – поскуливает.

«С-с, с-с, с-ссс», – свистит с паузами, перебоями.

«Хр, хр, хррр...», – хрипит с надрывом, натягом.

Қайран менің жүрегім! Бедное мое сердце!

* * *

После четвертого инфаркта выписали меня из больницы вдрызг измочаленным, морально и физически подавленным. Состояние, понятно, не ахти. Ну, и перспективы такие же.

Обзваниваю друзей, знакомых. Трое в больнице, двое прикованы к постели, двое – в санатории, двое скончались, двое кое-как передвигаются по дому, кто-то еле-еле чикиляет по двору и лишь один самостоятельно выходит к памятнику Чокана.

Ну, и что скажешь? Иссякли наши ресурсы? Кончились вода и пища нашей жизни?

Какой тут может быть стимул для работы?

Осталось только покориться Судьбе и воле Абсолюта.

* * *

Вглядываюсь (по телевизору) в лица руководителей нашего государства (в т.ч. и депутатов). И ловлю себя на мысли: этот вот удерет, этот слиняет, этот драпанет, этот еще стырит пару-другую миллиончиков, а у этого за кордоном вилла, коттедж, дворец, усадьба, у этого катын-бала давно за бугром. Этот еще недостаточно нахапал, этот повременит, хотя уже намылился...

По разным признакам я это определяю так, как учил меня писатель Алексей Дебольский. Этой наукой я и руководствуюсь. Очень хотел бы ошибиться. Да вряд ли ошибаюсь. Я гавриков этих за тридевять земель чувствую.

Александр Исаевич это сказал применительно к России. Но кто скажет, что Казахстан в этом смысле – исключение?!

* * *

Если у тебя в башке все извилины разгладились и у тебя не осталось ни одной мысли, – иди смело в политику. Там тебе место.

* * *

В своих «Плетениях» я иногда слишком резко обличаю своих друзей, приятелей и коллег. Наверное, нельзя этого делать. Видно, слишком строг к ним. А они ведь не глупее меня. И я ведь не судья, не адвокат и не прокурор. Что поделаешь? Среди них есть и подхалимы, и попрошайки, и лизоблюды, и хамелеоны, и рвачи-юркачи, славолубцы, эгоисты, да мало ли кто. Так их создал Бог или уродливое общество, дешевые соблазны. Значит, они по-другому не могут. Ну, и ладно. Что с них возьмешь? Не мне их судить. Особенно в моем возрасте. Впредь постараюсь быть разумней и осторожней. Я вообще-то стараюсь быть правдивым и объективным. Но, очевидно, моя правда еще не правда для всех. Мой максимализм не всегда срабатывает. А коли так, мне предстоит отвечать только перед собой, перед своей совестью.

* * *

Гляжу на своих сверстников и тех, кто постарше меня. Плохо стареют, неблагородно, неразумно. Одни судятся, другие интригуют, строят козни, погрязли в мелкий пендешілік. Есть и такие, что всячески тешат свое самолюбие.

О, фарисеи-сорлыбаюшки! О том ли заботиться, стоя одной ногой в могиле?!

А вот Лев Толстой на девятом десятке записывал в своем дневнике (1909 г.):

«Дело у меня теперь одно: хорошо умереть. Оно и у всех всегда главное дело, потому что для того, чтобы хорошо умереть, надо хорошо жить».

До чего просто! А многие наши доморощенные патриархи и корифеи живут гадко.

* * *

И эту мысль Льва Толстого хочется без конца повторять: «Ничто так не влечет ко лжи, как забота о славе людской. А освобождение от лжи, жизнь в истине – такие свободы и благо» (6-го сентября 1909 г.)

* * *

Механизм ограбления прост: содрать по одному тенге с каждого члена независимого Казахстана – и то уже наберется шестнадцать миллионов. А если содрать по три шкуры, то и вовсе о-го-го! А ведь есть еще подземные и наземные богатства. Хватит детишкам на молочишко.

* * *

Когда я учился в аульной школе (1944–1953 гг.), ученицы-казашки щеголяли летом в расшитых тюбетейках, а зимой в шапках-ушанках или в лисьих малахаях. Это было удобно, нарядно и привычно. Волосы тщательно расчесывали и в косы вплетали ленты или старинные монеты.

Чем покрывали головы казашки?

Выйдя замуж, надевали сәукеле. Потом – бергек (или желек). Родив ребенка, натягивали на голову платок. Дожив до средних

лет, заменяли его жаулыком. Удобно и опрятно. Став бабушкой, носили кимешек (или шылауыш).

Головной убор, таким образом, определял возрастной и социальный статус. Ныне некоторые молодницы обряжаются в кимешек в 30-35 лет и пляшут на тоях-вечеринках, точно козочки. А иные и в 60-70 лет щеголяют в бейсболках наравне с внуками.

Было время, когда казашки очень следили за своим личиком и головкой, теперь же предельно обтягивают ягодицы и оголяют пупы.

О, время! О, нравы!

* * *

Такая блажь: дневники я веду со второго класса. Для себя. Ради самодисциплины. Исписал к настоящему времени (10.05.13) тридцать пять тетрадей-ежедневников. В будущем намерен их сдать в рукописный фонд Национальной библиотеки. Кое-что издал и, возможно, еще издам.

Ну, о чем, спрашивается, мог писать аульный балашка в девятилетнем возрасте? Всякий бытийный вздор. Недавно обнаружил, что та – первая! – общая тетрадь (газетная бумага, серая обложка) запропастилась. Ну, и Бог с ней! Кому нужны эти корявые, неуклюжие записи?

Остальные тетради сохранились. Для любопытства прочитал записи некого Геры Бельгера – ученика V-IX классов Ленинской казахской средней школы Октябрьского (ныне Шал-акынского) района Северо-Казахстанской области. К сожалению, ничего достойного не узрел. Абсолютно беспомощные вирши (на казахском языке), школьные и интернатовские скудные впечатления, имена забытых приятелей и учителей, перечень прочитанных книг, упоминание статей в областную, районную и школьные стенные газеты, кружки, самодеятельность, первая в ауле новогодняя ёлка,

собрания, игры в шахматы – обычные подростковое бытование. Ничего яркого. Пыль послевоенного аульного бытия.

Того Геру Бельгера, тшедушного, больного, передвигавшегося на костылях, нынешний поседевший Герольд Бельгер и помнит-то плохо, как в тумане промелькнувших лет. Шутка ли: прошелестело более 60-ти годков. Встретились бы ныне – тот и этот, – не узнали бы друг друга. Разве тот мог бы себе представить нынешнего?

Разные люди!

Подумал: пожалуй, целесообразно уничтожить мои ранние дневники – жалкий лепет есильского пацана с Поволжья. В них даже воздух времени отражен зыбко.

Досадно. Мне мерещились эти записи значительней. Чепуха!

* * *

«Тең теңімен? Тезек қабымен», – гласит казахская поговорка.

Смысл: «Ровня с ровней, мешок с кизяком».

Платон пользовался формулой: «Сверстник радуется сверстника, старик – старика».

В «Одиссее» читаем: «Бог, известно, всегда подобного сводит с подобным».

Диалектическая закономерность.

Вспоминается русская поговорка: «Рыбак рыбака видит издалека»

То же латинское выражение: «*idem per idem*» – то через то.

Человек это знал с незапамятных времен. Все стремится к гармонии, к созвучию, к соразмерности.

Таков по Аристотелю принцип стремления подобного к подобному.

* * *

Испокон веку замечаем, что несправедливость большей частью исходит от властей. Она во все времена склонна творить

произвол. Философы это всегда замечали. Платону принадлежат слова: «... если бы оказалось неизбежным либо творить несправедливость, либо переносить, я предпочел бы переносить».

О себе могу сказать, что за свою жизнь изведаль много несправедливостей, начиная с депортации в хрупком возрасте, а сам творил несправедливость мало, разве что на бытийном уровне.

Таковой была нравственная позиция и Сократа: «Нельзя отвечать несправедливостью на несправедливость».

А вот Еврипид, оказывается, утверждал противоположное: «Я считаю, что человеку свойственно делать врагам зло».

Я это вычитал из книги «Античные риторика».

Мысль эту можно развить и подтвердить казахскими эпическими сказками.

* * *

Курс античной литературы нам преподавали в КазПИ им. Абая плохо и поверхностно. Сдали экзамен (или зачет?) и на том конец. Все из головы выветрилось. Позже я читал и Радцига, и Лосева, и Тахо-Годи и кое-какие оригиналы (в переводах, понятно), но толк был невелик. Я понял: окунуться в античный мир, все равно, что спуститься в Аид.

* * *

На скорбные мысли наводят иные предсмертные признания Льва Толстого.

Бывает, люди устают от жизни.

Я встречал таких. Старик Нуркан из Коктерека, долго умирая, говорил мне в отчаянии: «Эй, Кирá, мені енді сүйреп итке тастамасан, болмайтын болды» («Ничего не остается, как меня выволочь собакам на съедение»)

И тогда люди зовут смерть. Эти мотивы звучат у многих поэтов. И она, случается, приходит как благо, как избавление от мук и страданий, как освобождение Духа от земных тягот.

Да-а... человек рождается для смерти.
Истина древняя, как мир.

* * *

Звонит знакомый поэт, переводчик.

– Оу, Абеке, – говорю. – Вам уже 80 исполнилось?

– Уже перевалил. Жаман екен. Уши не слышат, глаза не видят. Худо. – Но... – добавляет хрипло через паузу. – Издал книгу. Готовлю презентацию. Придешь? Выступишь?

Апырай, поэту плохо. Доскрипывает свой век. А помышляет о презентации. Что тут скажешь?

* * *

Максим Горький в очерке о Софии Андреевне Толстой пишет: «Самый страшный вид тупоумия – жадность, свойство зоологическое. Будь люди менее жадны, они были бы более сыты, более умны. Это не парадокс: все ясно, если бы мы научились делиться излишками, которые только отягощают нашу жизнь, – мир был бы счастливей, люди – благообразней».

Об этом не только Горький говорил – многие, с древнейших времен.

Об этом и я посильно долдоню.

И что? Наши олигархи это понимают? Наши правители этому внимают?

Атанның басы! Черта с два!

Никакими излишками они не жертвуют, а только хапают, хапают и пьют-жрут в три горла.

Так что говори – не говори, пиши – не пиши – абсолютно барибир.

* * *

Заметил: те, что сидят у корыта власти, источают «правильные» слова, напропалую вешают лапшу на уши быдла и дурачат его, как хотят. Врут так, что порою и сами верят своему вранью.

А какие у них воля и стремления?

Это точно выразил русский писатель Алексей Ремизов в романе «Взвихренная Русь».

«Добыча» и «наутек» – первые и самые главные мысли.

Честно говоря, от казахской элиты, «елдің игі жаксыларынан» никак не ожидал. По своей, видно, наивности.

«Добыча» и «наутек» – вот цель несправедливой жизни.

* * *

Мне выписывают много казахских газет. В них список поздравлений именитых людей с днем рождения. Называют фамилии и перечисляют ритуалы, звания – доктор, профессор, академик.

Читаешь и дивишься: каждый пятый-шестой и доктор наук, и профессор, и академик. Нередко где-то еще и президент. Думаешь: рядовой шелкопер, каковых пруд-пруди, а нет – он и лауреат двух-трех громких премий, и заслуженный деятель, и член нескольких академий, и профессор, и еще Бог весть кто.

Апырай, сколько же у нас титулованных ученых?!

Многих я знаю: самый заурядный, сеп-серенький чинуша, пиджак с галстуком, а взобрался на какое-нибудь кресло и тотчас оброс дипломами, званиями-степенями, как шелудивый пёс репейниками.

Пошли потоком доктора, профессора, академики.

Тихо радуюсь: я не тот, ни другой, ни третий. А то бы со стыда провалился бы сквозь землю.

У иного корджун званий-побрякушек немного тяжелее, чем он сам. Вот и тащит он его всю жизнь на своем тощем горбу. Одному такому навозному жуку как-то Габит Мусрепов: «Эй, атактың бәрін сен ала бересің бе?!» (Ты что, один хочешь отхватить все звания?!)

Сплошная девальвация! Кризис! Нонсенс!

Обалдеть!

150 аульных университетов Казахстана штампуют дипломированных специалистов, которые в большинстве ни к чему не способны. Потом эти экономисты, юристы занимающиеся Бог весть чем. И что с них взять, если они едва вызубрили таблицу умножения?

Я знаю доктора технических наук, который электрическую лампу в патрон вкрутить не в состоянии.

Знаю докторов филологии, академиков, которые поэта Мыржыкбая от акына-айтыскера Тыржыкбая не отличают.

Знаю докторов экономических наук, которые и Маркса не нюхали, убежденные, что корифей экономики – их непосредственный начальник.

Е-е... несін айтасың? Сплошной маскара!

* * *

Знакомая казашка, поэтесса Н. вразумляет меня:

– Не верьте всему, что говорят врачи. Они всегда перестраховываются;

– Не пугайтесь, не паникуйте;

– Не ставьте себе никаких условий и пределов;

– Бог щедр: просите у него больше, и Он воздаст;

– Помните: что на лбу написано, то и будет;

– Сегодня вам хорошо, ну и тауба!

* * *

Имею немало подтверждений тому, что мою «Чепуху» в «Дате» читают многие. Одобряющие звонят или говорят при встрече, или пишут. Осуждающие молчат или каким-то образом выражают свое неодобрение.

Понятно, всем не угодишь. И некоторые мои заметки кому-то не по душе.

Что поделаешь? Я стараюсь говорить то, что думаю, а не то, что кому-то нравится или не нравится. Правда, мне бывает неловко, если кого-то невзначай обижу. Такого намерения у меня нет. И цели такой не ставлю. А то, что я иногда вольно или невольно обижаю друзей-приятелей – факт. Понимаю: моя правда – не истина в последней инстанции. Да и не всю правду, вероятно, стоит обнародовать.

* * *

Давно слежу за Асаналы Ашимовым. Знаю его в разных амплуа, читаю его книги, интервью, дневники. Весьма колоритная, мощная фигура! Высокой пробы разносторонний талант! Обаятельный азамат!

Знаю: жить ему очень не просто. Огромный груз человеческой и гражданской совести и ответственности давит на его могучие плечи.

Но он и себя не бережет. И казахи его не жалеют. Эксплуатируют его сплошь и рядом. И он на старости лет немного суетится-мельтешит. Живет через силу. А он, чай, не железный, хоть и супермен.

Он всюду: и среди третьестепенных литераторов, и среди актеров, и среди киношников, и среди всяких конкурсантов, и во всевозможных жюри, и среди разных шэлдіреков-шантрапы, считающей себя зиялы қауым. Ах, непросто! Зря он так разбрасывается! Популярность велика, но она имеет свойство приедаться. Крупным личностям на склоне лет нужно чаще говорить: «Нет!» Иначе разные блошки мигом одолеют. По себе знаю, хотя с масштабами Асаналы себя ни в коем случае не сравниваю. Личность, отмеченная Богом, обязана это сознавать и всячески оберегать свой дар. Иначе обрастешь поганым репейником, как хвост шелудивого пса.

На склоне лет учат меня врачи уму-разуму.

– Вы что, едите казахский сары май?

– Да, просоленное сливочное масло в карыне.

– Ужас! Нельзя! Это же сплошной холестерин. И яйца едите?

– Да, куриные. По одному утром уже лет пятьдесят.

– Ойбай, нельзя! Одно яйцо в неделю! А мясо?

– Предпочитаю конину. Особенно казы-карта, жал-жая...

– Ужас! Это же смерть! Посадите печень, забьете сосуды, надорвете сердце.

– Но я не слышал, чтобы казах умер от казы-карта, жал-жая и прочих деликатесов.

– Ой, сплошь и рядом! Вы, наверное, и чай пьете?

– Да, густой, крутой, запашистый. Со сливками. С медом.

– Кошмар! Прямой путь к диабету. Курт тоже употребляет?

– Тоже!

– Нельзя! Это же голимая соль, кислятина. Разъедает стенки желудка. Небось, и баурсаки любите?

– Обожаю! Со сметаной. С топленным маслом.

– Жуть! Это же гибель! Вес. Ожирение. Одышка. Еще что?

– Баранью печень с курдючным салом. Құйрық-бауыр называется. Пальчики оближешь!

– Маскара! Как вы только живете?

– Как казахи научили. Полагаю, в еде они кое-что соображают.

– Глупость! Оттого и живут мало.

– Разве?!.. А что, по-вашему, следует есть?

– Ну, положим, соевые сосиски, постную телятину, обезжиренную простоквашу, маргарин, гречку, капусту... е-е... салат, кок-чай, кебек-нан, овсяную кашу...

– Ладно, доктор, ешьте это сами, а мне по душе все больше казахская традиционная пища. Абай учил: «Аш карын жұбанама майлы ас жемей...»

– Е, нет, Гереке, бросьте. Меняйте ассортимент. Иначе худо будет.
– Ладно. Лет до 80-ти продержусь на казахском рационе, а там перейду на овсяную кашу...

* * *

Я заметил: казахов начальное и среднее образование ныне не прельщает. Они повально заинтересованы исключительно в высшем образовании.

Разумеется, ничего предосудительного я в том не вижу. Наоборот, похвальная тенденция.

А что настораживает?

А то, что все вдруг захотели стать юристами, экономистами, философами, крупными государственными деятелями. Для того, чтобы быть ближе к государственному корыту и иметь возможность получить парú-взятки да шапки-откаты. О том даже мечтают первоклашки. Я как-то интересовался у пацанов соседней школы: «Кем хочешь стать?» Ответили, не задумываясь:

- советником Президента;
- акимом области;
- зам. министра по культуре;
- председателем счетной палаты;
- заместителем партии «Нур отан».

Апырай, а?! Губа не дура! Ойна Кузембаймен!

Ну, а высшее образование предпочтительнее получить за рубежом. Желательно на государственные гранты. Никто ныне не гордится тем, что он окончил Костанайский, Павлодарский, Кызылординский или Талдыкорганский университет. И говорить о том стыдно: это для бишаринцев-сорлыбаюшек. Все хотят иметь дипломы Оксфордского и Кембриджского.

Такие перемены. Такие времена.

* * *

Лицемерие, мздоимство, ложь нагло внедрились в народное образование во все его клетки сверху донизу.

Сколько министров сменилось за последние двадцать лет, а дела все хуже и хуже. И все реформы выходят боком.

Спасения не вижу.

Каскыров-жуликов ловят, разоблачают, сажают, снимают, шерстят, клеймят – все без толку, ибо прогнила вся система управления, ржа наживы, алчба источила все общество.

Увы, эту заразу уже не одолеть, не обуздать, не укротить.

Необходимы массовые жесточайшие меры, на которые вороватая власть уже не пойдет.

* * *

Современные крутые казахи, как черт от ладана, улепетывают из евразийства, желая любой ценой раствориться в «цивилизованных» странах. Им вольготнее живется в Англии, в США, Швейцарии, Германии, Арабских эмиратах, лишь бы подальше от возлюбленных казахских просторов.

Может, это и есть вожденная национальная идея?

* * *

Да, поразительная закономерность, которой я диву даюсь: большинство казахских евразийцев, набив корджуну, склонны драпать за кордон. Неужели это оправданно генетически?

Ну, сам ворюга-азамат слинял – понять можно. Но жена, дети, внуки? Неужели и им обрыдла казахская земля?!

* * *

Напористый, напряженный казахский голос точно мне в горло вцепился. Обрушил на меня правильную, вполне деликатную

русскую речь. Ах, как некстати! Я сегодня совсем хворый: сердце частит, голова кружится, дыхание затруднено. Алматинская сырь, пасмурь и стынь меня добивают.

– Ал-лёу! Мне 82 года. Приехал из Семей. Обитаю в Доме престарелых. Тебя ищу второй год. В прошлом году приезжал – ты оказался в больнице. Надеюсь, сейчас все в порядке?

– Е-е, аксакал, сол «порядогыңыз» болмай тұр-ау...

И я поведал ему в двух словах на казахском о моем печальном положении.

И он, выразив огорчение, попросил меня не напрягаться, а спокойно выслушать его. «Я ведь не от безделья прибыл сюда».

Я терпеливо слушал, зажав ладонью затрепетавшее сердце.

Говорил незнакомец бегло, логично, убедительно и основательно. Он свои размышления о казахах, о нации, о прошлом и настоящем системно изложил в двух монографиях. Это, мол, серьезный, научный труд. «Не стану же я тебя беспокоить из-за какой-нибудь статьи-заметки. Я долго искал, думал и нашел-таки ответы на вопросы, которые ты ставишь в своих обличительных писаниях. В тебе я ищу опору, понимание и советы. Только ты можешь вникнуть в суть».

Я понял, что незнакомец настроился на долгий разговор. Говорил он увлеченно.

Я перебил его, сказав, что ныне я ни на что не способен, шестнадцать дней пролежал в больнице, еще не оклемался после четвертого инфаркта, едва передвигаюсь по квартире, ни с кем не встречаюсь и, к сожалению, не могу быть вам полезен.

Но он настойчиво просил меня только выслушать. Спокойно и внимательно. Без напряжения.

И говорил, говорил, говорил о трех частях своего трактата, о прошлом и будущем казахов, все внушал мне, что казахи не в

сочувствии, сострадании и жалости нуждаются, а в понимании и убеждении, говорил о языке, о руководстве, о правлении народом.

Я почтительно внимал его нескончаемому монологу и все больше проникался его тревогами.

Да, он слепнет, гложет, одинок, жену похоронил. Но аяк-кол аман, еще кое-какие силенки есть. Он хотел бы собрать нас вместе – меня, Бапи, Гульжан и Болату Абилева и посидеть часа два-три, чтобы прочесть нам свои опусы. Мы, может, в состоянии его понять.

Я сказал, что даже не представляю, как такое намерение можно осуществить. И Бапи, и Гульжан, и Болат – люди крайне занятые, озабоченные неподъемным грузом дел, вряд ли их можно собрать вместе, дабы выслушать чьи-то опусы. Я же не только что встретиться, но и слушать-читать не в состоянии. Мне даже телефонный разговор в тягость.

Разговор продолжался. Я принял две пилюли и брызнул под язык дозу изокета. Мне казалось, что я вот-вот выроню телефонную трубку и свалюсь с дивана.

Я верил всему, что он мне говорил. Понимал его отчаяние. Поверил в его добрые, высокие побуждения.

Человек изложил на бумаге свои сокровенные думы, свою душу, свою боль, свои надежды и чаяния. А я бессилён ему помочь. Хоть плачь. Хороший казах, а я даже советовать ему ничего не могу.

Говорю: «Аксакал, давай сделаем так. Ознакомьте с вашим трудом Бапи. Ему я очень верю. У Болат и Гульжан вряд ли будет время. Если Бапи посчитает нужным передать вашу рукопись мне, я месяца через два-три, возможно, прочту. А сейчас извините: у меня уже темнеет в глазах. И я уже не могу-у-у...»

На этом и договорились. Он вежливо поблагодарил. А мне досадно, что я огорчил доброго, искреннего человека...

21.05.13

«На донышке души звучит мне песнь святая»

*На донышке души звучит мне песнь святая,
Как будто тайный колокольный звон
Она, когда я в облаках витаю,
Переполняя душу, рвется вон.*

А.К.Т.Тило

I

Совершенно неожиданно наткнулся на уникальную книгу с двойным названием: по-русски – «Свет мой единственный», по-немецки – «Du mein einzig Licht». Уникальность издания (Калининградское книжное издательство, 1996) я узрел в том, что в нем представлено творчество кенигсбергских (не Калининградских, избави Бог!) поэтов XVII–XX веков, о многих которых я доселе и представления не имел. «Почти все стихи переведены на русский язык впервые», – сказано в аннотации. Составитель и переводчик – мне не знакомый **Сэм Симкин**. Предисловие к книге и биографические сведения к каждому поэту принадлежат **Николаю Элрту**.

Эту объемную (30 п.л.) книгу я, по-видимому, буду читать и пересчитывать долго и заинтересованно. Она того стоит. Возможно, при удобном случае напишу о ней более подробно.

А сегодня (20.05.13) привлекло мое внимание двестишесте **Гертруды Мёллерин** (1637-1705).

Вот как звучит оригинал:

– Was die ganze Welt erhält,
Sind die beiden: Lieb und Geld.

Дословно:

– Что правит миром всем –
Оба-два: любовь и деньги.

Звучит как афоризм. Ничего лишнего. Можно даже еще больше «ужать»:

– Правят миром любовь и деньги.

Но прелесть сентенции в неразрывных «этих оба-два» – die beiden.

Сентенция, должно быть, на все времена. Наверняка о том сказано еще и до Гертруды Мёллерин. Но она эту истину выразила наиболее ярко, емко и лапидарно.

Что сделал переводчик?

Он решил эту мысль пояснить, разжевать, дополнить, украсить, трактовать.

Получилось:

– Две вещи правят миром, это вновь

Устами повторяется моими:

Святая, бескорыстная любовь

и та корысть,

которой деньги имя.

То есть, переводчик извел в два раза больше словесного материала, нежели автор. Иначе говоря, разбавил сиропом, прибег к за-taskанной рифме «вновь-любовь», придумал сомнительные определения к любви, польстился на банальности.

Ну, и зачем?

Это что, красиво? Лучше? Поэтичней? Ясней?

Не думаю.

Оригинал, бесспорно, четче, стройней, энергичней, мускулистей, выразительней во всех отношениях.

Кстати, к такому методу перевода в прозе питает склонность русский прозаик Анатолий Ким. Он переводит с казахского (по подстрочникам) Ауэзова, Нурпеисова, Кекилбаева, Бокеева,

Досжанова и всех разжевывает, украшает, комментирует, спонсирует, аргументирует, обогащает, расцвечивает, дополняет, расширяет, латает, расписывает на свой салтык. И при этом постоянно доказывает, что только так и следует переводить.

Знаю: существует такая «метода». Исстари.

Знаю также, что все на свете доказуемо. Еще Гегель говорил.

Знаю: этот давний спор абсолютно бесполезный.

Я лично не сторонник такого «перевода». Можно накручивать Бог весть что и очень уж далеко удалиться от аула оригинала.

Мой единственный критерий – оригинал. Ленин, кстати, говорил: «Принесите оригинал, и мы поспорим».

II

Все знают **Иммануила Канта** (1724–1804).

Или – точнее – слышаны о нем.

Великий кенигсбержец, философ с мировым именем, родоначальник немецкой классической философии.

Оказывается, он и стихи писал. Но дошло до нас только одно стихотворение – «Февраль». Умное, версификационно отточенное, немного шуточное.

Вот оно в оригинале:

Ein jeder Tag hat seine Plage:
Hat nun der Monat dreißig Tage,
so ist die Rechnung klar.
Von dir kann man dann sicher sagen,
Daß man die kleinste Last getragen
In dir, du schöner Februar.

Не стану «буквалить», приводя русский подстрочник. Попрошу читателя взглянуть в форму стиха, в рифмовку, в мелодику, в инструментовку.

Всего шесть строк. Форма рифмовки – аабввб. Изящно, с легкой лукавинкой. Словно экспромт.

Теперь обратите внимание на русский перевод Сэма Симкина:

Есть в каждом дне своя забота,
Их тридцать в месяце. Вот квота.
Так ясен счет. Но очень жаль:
Февраль недодает нам что-то
И мы сбиваемся со счета,
Утешить может нас едва ль,
Что легче бремя нашей ноши,
и этим нам других дороже –
Но все ж прекрасен ты, февраль!

Если не отталкиваться от оригинала – все о'кей: и легкость, раскованность, размер, рифмовка, содержание, дух, настрой, дыхание – все приемлемо, все созвучно, все «играет».

Но... на одну треть переводчик опять-таки удлинил стих. Опять что-то разжевал, пояснил, уточнил, объяснил, «отсебятил».

Видно, так посчитал нужным. Сам переводчик во вступительной статье объясняет это так:

«Это вольные переводы, ибо во имя торжества смысла и русско-го звучания стиха мне приходилось иногда в той или иной степени отступить от дословной «точности» оригинала».

Не спорю. Вполне допустимо. Особенно при поэтическом переводе. Тут ведь так: где-то проиграешь, где-то выиграешь. К тому же объяснить можно. Лишь бы во имя торжества смысла и русско-го звучания не удариться в излишнюю болтливость. А такая опасность часто подстерегает вольного стрелка.

III

Вчитываюсь в стихотворение «Семь жизней» поэта-антифашиста, священника **Альбрехта Гёза** (1908–1964).

Семь жизней, семь хотел бы я иметь.
Одну я целиком отдал бы духу.
Поэзии я б посвятил вторую.
Еще одну – лесам, деревьям, звездам,
великому безмолвию. В другой –
мне нагишом лежать у края моря,
купаться в пене волн, бродить по дюнам.
Еще в одной я б Моцарта все слушал,
внимая буйной, радостной игре.
Для всех земных страданий, наконец,
я прожил бы шестую.
Они б составили прекрасный спектр
с моей седьмой неповторимой жизнью,
единственной!..

На разные мысли наводит стихотворение, не так ли? Читатель поневоле начинает примеривать, прилаживать себя к этим семи проникновенным желаниям. Кто-то непременно вспомнит свое детство, родителей, речку, степь, кто-то – поляну близ березового колка, кто-то – свои земные страдания, избежать которых никому еще не удавалось, ну а в общем каждому дорога своя неповторимая, единственная жизнь, какая бы она ни была.

И я составляю себя мысленно на место автора. Ему неотступно мерещится родимый древний город Кенигсберг, «милая Земландия с глазами полузаколдованных озер» (см. его пронзительное стихотворение «Памяти утраченной родины. Кенигсберг»); я, к примеру, не могу забыть, что в хрупком детском возрасте был депортирован с взлелеянной в мечтах родного Поволжья; о родных степях и

горах генетически грезит этнический казах в Турции, Китае, Франции и других странах-государствах.

Это естественно. Это понятно. Многим обитателям Земли выпала изломанная, изуродованная судьба, и многим хотелось бы прожить семь жизней.

Стихотворение Альбрехта Гёза всколыхнуло мою душу.

Перевод, однако, показался мне несколько плоским, прямолинейным. И я обратился к оригиналу.

Sieben Leben möcht ich haben:
Eins dem Geiste ganz ergeben,
So dem Zeichen, so der Schrift.
Eins den Wäldern, den Gestirnen
Angelobt, dem grosen Schweigen.
Nack am Meer zu liegen eines,
Jetzt im weißen Schaum der Wellen,
Jetzt im Sand, in Dünengrase.
Eins für Mozart. Für die milden,
Für die wilden Spiele eines.
Und für alles Erdenherzleid
Eines ganz. Und ich, ich habe –
Sieben leben möcht ich haben! –
Hab ein einzig Leben nur.

Ах, вон оно что! Все хорошо, все на месте. Только заключительный акцент слегка смещен. Перечислив все шесть вожделенных жизней, переводчик утверждает, что «они б составили **прекрасный спектр** с моей скромной, неповторимой жизнью, единственной». Так вот, этот «прекрасный спектр» здесь совсем неуместен, чужероден, «из другой оперы». Это очевидная отсебятина, неуклюжий комментарий, затычка. Автор заявляет, что он хотел бы

иметь семь жизней, но – «Hab ein einzig Leben nur» – «но имеет лишь одну, единственную».

То есть чуть-чуть иначе, проще, убедительней и трогательней. Да, хотел бы иметь семь жизней, **но** обладать лишь одной, одной-единственной...

К сожалению.

И о том на склоне жизни может сказать каждый смертный.

Не иначе.

IV

Еще одна прелестная миниатюра. Ее автор **Курт Миколейт** – псевдоним Тило (1874–1911). Миниатюра называется «Что остается» («Was übrig bleibt»).

Вот перевод:

Что остается от пустых покосов
той юности,
что все ж в душе живет?
Одна печаль. И множество вопросов.
Они, как эхо на безлюдных плёсах,
которое ответа не дает.

Хороший, вечный вопрос: что остается от юности невозвратной? Чаше всего – увь! – одна печаль. Светлая, легкая, мимолетная, как дуновение. Как вздох. И, понятно, множество вопросов, на которые далекое эхо ответа не дает.

Конечно, я обратил внимание и на «пустых покосов юности», и на «безлюдные плесы». Подумал: ай, наверняка переводческие, привнесенные детали метафоры. Но уместные, яркие, запоминающиеся, поэтические, текстуально оправданные. Интересно, как там в оригинале.

Вот как:

Was bleibt von meinen schönen jugendtagen,
Von ihrem lachen, das ich so geliebt? –
Ein Hauch von Wehmut und ein Heer von Fragen,
Für die es, wenn die Stürme herbstlich klagen,
Ein Echo, aber keine Antwort gibt.

Так оно и есть: переводчик от себя привнес выше указанные метафоры: «von schönen jugendtagen» – «от пустых покосов той юности» (а впрочем, почему «пустые» покосы? Немного сомнительно) и «безлюдные плесы» – «wenn die Stürme herbstlich klagen» («когда по-осеннему жалуются штормы»).

Но я ничуть не возражаю против такого переводческого своеволия. Очень даже в духе стиха, в стилистике настроения. И оригинал хорош: настраивает на раздумье и печаль. И перевод вполне адекватен и по содержанию и по форме.

Тило выразил то, что эхом отзывается в душе каждого, кому вспоминается безвозвратно прошедшая юность.

V

Уже несколько дней (май, 2013) с неослабевающим интересом вчитывается в стихи из сборника «Свет ты мой единственный». Прекрасные поэты-кенигсберцы трех столетий: Альбрехт Бранденбургский, Симон Дах, Мартин Опитц, Роберт Робертин, Кристоф Вильнов, Генрих Альберт, Эрнст Теодор Амадей Гофман, Агнес Мигель, Иоханнес Бобровский, Рудольф Жакмьен... не буду всех перечислять, в сборник включены стихи сорока поэтов – в оригинале и в переводе на русский язык.

Из этих сорока мне были в какой-то степени известны лишь трое-пятеро. А с одним поэтом – Рудольфом Жакмьеном – уроженцем Кёльна, но гражданином СССР с 1932 года, человеком

затейливой судьбы, последние годы жизни проживавшем в Калининградской области, – я имел счастье общаться много раз в Москве и бывшем Целинограде и переписываться несколько лет. Его книги с автографами храню и поныне.

Что меня особенно поразило в стихах кенигсбержцев XVII–XX веков? Искренность, исповедальность, любовь к родной земле, к памяти предков, к немецкой речи, к славной истории родного края, народность и мелодичность, высокая духовность, неистребимая привязанность к колыбели священного Духа.

Все это читатель пронзительно чувствует в каждой строке любого автора. Этими мотивами пронизаны названия стихов: «Песнь во время высококовдохновенного пребывания во граде Кенигсберге» (С.Дах), «Желанная родина» (М.Конгель), «Здесь все едино» (Т.Г. фон Гиппель), «Прекрасней всех цветов» (И.Г.Гердер), «Королеве Пруссии» (Г. фон Клейст), «Да есть ли более возвышенный восторг» (Э.Т.А.Гофман), «Песня моей жизни» (А.К.Т.Тило), «Кенигсберг» (И.Рингельнац), «Вечер в канун Троицы в моем городе», «Один день с Кантом», «Шепот Родины», «Богатая душа здесь родилась...» (В.Шеффлер), «Прощание с Кенигсбергом» (А.Мигель), «Еще звучит моя песня» (Э.Вихерт), «Куршская коса» (А.Бруст), «Родимого города серые башни» (Г.Кизау), «Прусская элегия» (И.Бобровский), «За высокой дюной прошлого...» (А. Мигель)...

Остановлюсь. Перечисление стихов мало о чем говорит. Их надо читать, чтобы понять, ощутить боль и душу истинного кенигсбержца.

В своем кратком отзыве об этой книге я не ставлю целью анализировать стихи (они свою состоятельность доказали во времени) и пространно рассуждает об их сокровенных мотивах. Ограничусь лишь некоторыми ощущениями.

Книга тщательно продуманна. Стихи отобраны со вкусом, целенаправленно, концептуально. Ясно, что это было непросто.

Составителю пришлось основательно перелопатить огромный материал, порыться в архивах, в библиотеках, собирать перлы поэзии по крупицам.

Сэм Симкин достойно справился с этой грандиозной задачей. Книга, несомненно, состоялась и бережно сохранила и передала Дух немецкой поэзии, философии, мироощущения.

Именно этим она меня взволновала. В этом и заключен ее высоководохновенный пафос.

С любовью и тщанием выполнены и переводы, адекватно переданы настрой, чувства, мелодика, дыхание, индивидуальность, стилистика.

Придаться к чему-то всегда можно. Встречаются спорные решения. Не обошлось и без «отсебятин», без переводческих ремарок, без неизбежных – вольных или невольных – вкраплений.

Но все это частности, без которых поэтического перевода не бывает. И я должен подчеркнуто ясно отметить, что перевод Сэма Симкина вполне приемлем, отвечает духу оригинала и по содержанию, и по форме, что он достаточно созвучен. И чем больше читаешь переводы, тем больше убеждаешься в честности и состоятельности их трактовок и переложений.

Можно б было привести немалое количество переводческих удач, их можно вычлнить в каждом стихотворении, но если пойти по такому пути, то мои беглые заметки могут обернуться дотошным и скучным трактатом. Прошу поверить мне на слово: я узрел в переводах С.Симкина достаточно достоинств. Главное: переводы соприродны любви и душевному настрою, которые исповедуют авторы.

...Никогда я не был в Кенигсберге. Но каким-то образом живо представляю, чувствую тот благословенный край по описаниям, по воспоминаниям, по литературным источникам, по рассказам старожилов, по схожей ауре балтики, воображаю озонированный

морем воздух старинного германского города с его своеобразной архитектурой, его облик, его историю, традиции и культуру, его достопримечательности и знаменитостей, шум прибоя, ветер, его приморские дюны. Есть некий шарм и мифическая притягательная сила, тайна в самом этом красивом, звучном слове – Кёнигсберг.

Никогда не был я и в Калининграде. И переименование это для меня абсолютно не приемлемо. Оно звучит чуждо, кощунственно, издевательски, оскорбительно. Это, на мой взгляд, исторический нонсенс, каковых наворочено немало.

Ну, в самом деле, какое это святое место имеет отношение к «всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинин, о котором – судя по разным воспоминаниям – никто никогда ни одного доброго слова не сказал.

Совсем уж ни в какие ворота! Глумь. Сталинская насмешка.

На исходе 90-х годов прошлого века российские немцы в открытую, активно боролись за свою государственность, за восстановление национальной автономии. В Москве, в Алма-Ате, на Алтае, в Украине, в Новосибирске проходили конференции и съезды, посвященные этой злободневной проблеме.

Преград было много. И чувствовалось, что восстановление немецкой автономии на Волге, распущенной в одночасье в 1941 году, скорее всего, неосуществимо. Местное население, заселившее бывшую автономию, выбросило лозунг: «Лучше СПИД, чем немецкая автономия!»

И тогда – поначалу робко, а потом все более громко – возник Калининградский вариант. Померещилось, будто Кенигсберг может стать центром немецкого этноса России. А что? Территориально «русские» немцы останутся в России, а с другой стороны – Германия под боком. Идеальное вроде во всех отношениях место. За него и ратовали некоторые горячие головы. Истовым инициатором этой идеи был кавказский шваб – журналист Курт Видмайер.

Звучало любовно, маняще: «Кениг... Кёниг». Кое-кто из ярых «автономистов» даже выезжал в тот край на разведку.

Идея оказалась заманчивой, но пустой.

Не сработало.

Идея не вписалась в геополитику.

Но порыв такой был. Были такие желания и мечты.

Кончилось все массовым исходом в Германию.

Теперь из названной выше книги узнаю о переименованиях исконных немецких названий на русский лад.

Вот несколько примеров:

г. Тапиау – Гвардейск; Кройцбург – пос. Славское; Ленгветен – пос. Лунино; Лангенфельде – пос. Белкино; Иудтшен – Веселовка; Гердауэн – пос. Железнодорожное; ул. Омская, аллея Луизы – Комсомольская; Луизеваль – парк им. Калинина; ул. Ланге Ройе – Барнаульская; ул. Арнохольцштрассе – ул. Парковая аллея; Гайдеркемен – Дунаевка; Инстербург – Черняховск; Гумбиннен – г. Гусев; Пилькаллен – пос. Добровольск.

Ах, как это мне все знакомо!

Все немецкие села, кантоны, речки, холмы, улицы, города, хутора после роспуска Автономной Республики Немцев Поволжья (АССРНП) были срочно переименованы на русские названия. Шла война с фашистской Германией и надо было искоренить немецкий дух на Волге. Уцелели лишь Марксштадт (и то «штадт» отсекли) и г.Энгельс. Неудобно было переименовывать основоположников марксизма в стране социализма.

Что ж... Никто по этому поводу открыто не роптал.

Таким же образом за несколько десятилетий были переименованы и все исконно казахские названия аулов, урочищ, пастбищ, зимовий, балок, оврагов, сопок, стойбищ и т.д. Теперь, с обретением Казахстана независимости, перелицовывают на казахский лад сотни и сотни Алексеевок, Александровок, Павловок, Николаевки,

Розовок, Сухорабовок, Куприяновок, Кировых, Ждановых, Калининов, Ворошиловых и пр. и т.д., и т.п., и etcetera.

Смешно и горько.

Все это уродует судьбы, историю, культуру, память, обычаи, Дух.

Глупость человеческая неистребима...

Вот и такие мысли и ощущения навеивает сборник кенигсбергских поэтов, о котором я пытаюсь что-то сказать.

VI

Ударных, пронзительных, от сердца идущих строк, напоенных непроходящей болью, любовью, тоской, ностальгией, неистребимой памятью, в этом сборнике много. Приведу в заключении своих заметок три характерных отрывка.

Георг Кизау:

...но вдруг

этот в горле застрявший ком

прорывается звоном колоколов.

На их зов, на их звук я иду наобум,

Значит, снова живу я и снова я верую,

если вновь меня воскрешает ваш шум

родимого города башни серые...

Агнес Мигель (1879–1964), прозванная «дочерью Кенигсберга», а позже – «Матерью Восточная Пруссия», вспоминая «детства милый уголок», стихотворение «За высокой дюной прошлого» заключает так:

...только вечный с шумом бьет прибой,

Словно сердце, не дает пощады!

Остается в дымке голубой,
Дюна, как последняя отрада...

Жизнь продолжается в памяти – «за высокой дюной прошлого».

Альбрехт Гёз (1908-1964):

Родина... очнуться перед ликом...
Окаймленный светом сон полей...
Мы молчим в молчании великом
Отчины,
покинутой своей.

Гордостью, восторгом, неизбывным духом и трагизмом пронизан Кёнигсберг. Лейтмотив его поэтов звучит в сердце каждого изгнанника, пилигрима, неприкаянно блуждающего по земле с тощей котомкой изломанной своей судьбы.

Такое ощущение я вынес из этого уникального сборника – «Свет ты мой единственный».

май 2013 г.

* * *

О культуре у нас иногда говорят. Но это не культура. Скорее всего, это культур-мультипур.

В лучшем случае это одноразовая материальная помощь.

Культура все-таки связана с духовностью, с интеллектом, с тактом, с изначальной деликатностью, стремлением к высокому.

А у нас что?

За дурные деньги приглашают-заманивают киркоровых-басковых-крутых-валериев и искренне полагают, что это и есть культура.

А это налет прожорливой саранчи.

* * *

Все чаще задумываюсь: сколько же у нас, в Казахстане, академиков?

Ой, много!

Ведь у нас и академий до черта. От академии моды до академии искусственного осеменения.

Любопытно, что в Германии «академиков» еще больше: там так называют людей с высшим образованием. Похоже и мы к этому стремимся. И тогда автоматически запросто обгоним Германию. Будут наши «академики» на базарах-рынках арбу тягать.

* * *

А я ведь жил при диктатуре пролетариата.

При культе личности.

При волюнтаризме, субъективизме и застое.

При перестройке и гласности.

Теперь живу при диктатуре денег.

* * *

Мой германский собрат Леонгард Кошут ассоциирует Горбачева и Ельцина с Маниловым и Ноздревым из «Мертвых душ» Гоголя.

Остро, находчиво, резонно. Очень близко, думаю, к истине.

* * *

Мне не раз доводилось писать в своих заметках, статьях, исследованиях об образности, метафоричности, живости казахского речестроя.

Вот несколько примеров, которые спонтанно пришли мне сейчас в голову.

Русский сообщает: я приближаюсь к 80-ти годам.

Казах в таких случаях скажет: я повернул коня к аулу 80-летия.

Русский: небо развиднелось.

Казах: горизонт задрал подол.

Русский: у меня трое (четверо) детей.

Казах: е-е... бегают во дворе трое-четверо карапузов.

Русский: смерть моя близка.

Казах: конь мой оседлан для дальнего пути.

Русский: он счастлив (удачлив).

Казах: он макушкой едва неба недостает. Его камень в гору катится.

Русский: он удивил.

Казах: он взметнул луну до самого неба.

Он строптив.

Его за гриву не ухватишь.

Душа ушла в пятки.

Душа подкатила к кончику носа.

Я за весь день не присел.

У меня с утра зад землю не нюхал.

Он никак не может жениться.

Ему никак не удастся сделать одну голову двойной.

Я ему покажу!

Я его ноги в один сапог затолкаю.

Он беден.

Он рукой до рта не дотянется.

Приноравливаться.

Если спутник слеп, и ты один глаз прижмурь.

Не повезло.
Паром его ушел под воду.

Опростоволосился.
Сел голым задом на лед.

Осрамилась невзначай.
Ханская дочь на пиру воздух испортила.

Не простак.
Не дерьмо заурядной буренки.

Занимается ерундой.
Свинью подковывает. Или: луну стережет.

Пустозвон.
Ветром беременный.

Хитрый.
Его шашни-плутни арканом (шестом) не измеришь.

Берется не за свое дело.
Он пристегнул к поясу дубинку, которую поднять не в состоянии.

Тунеядец
Трудятся яйца, а кайфует пенис.

Хвастун.
Пасет пять козлушек, а свистит на всю степь.

И т.д.

Примеров можно привести на целую тетрадь. Метафоричность характерна, конечно, и другим языком. Переводчикам это известно.

Но мне чудится, что казахский язык особенно колоритен по этой части.

* * *

Выпускники школ, которые наводрились учиться за рубежом, пишут сочинения на свободную тему: «Астана – столица тюркского мира».

Ребята взволнованы, ухмыляются, ерничают, зубоскалят.

«Апырай, а! Вот дает! Астана – город слонов».

«Ха-ха-ха! Астана – город воров и жуликов»

«Эй, брось! Тэйт әрі! Где твой патриотизм?!»

«Астана – центр Евразии».

«Е, бәсе! Так и говори!».

«А еще лучше напиши! Сразу пятак отхватишь!»

«Хе-хе-хе!...»

* * *

Поговорки из Даля:

«Писали писаки, читали собаки».

Что сие означает? На что намек-то? Писак и ныне развелось, что собак. А те, что их читают, – собаки, что ли?

«Бровью водит, локтем пишет»

Таких писателей, чай, избыток.

«Я, брат, только писать умею, а читать не понимаю»

Ну, уж эта шутка понятна.

* * *

Ясность, лапидарность пушкинского слога поражает. Вот читаю в «Капитанской дочке»:

«Ямщик поскакал, но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее.

Облачко обратилось в белую тучку, которая тяжело подымалось, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл, сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран».

Какая картина! Как все уместно, точно, динамично! Я представляю, что бы сделали из этого абзаца, скажем, казахские прозаики А.Нурпеисов, А.Кекилбаев, Д.Досжанов. О! Расписали, расцвелили, разукрасили, развезли бы на пять-шесть страниц. Такой бы буран изобразили, что бедный читатель околел бы под сугробами.

* * *

Или вот пушкинские строки:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Какая, однако, краткость, емкость, простор! Какие мазки, энергия! Вспоминается блоковское: «Ночь. Фонарь. Аптека».

Или Султанмахмут:

– Мен ояу. Ел ұйқыда. Оттар сөнген...

У нас почему-то считают, что поэзия – набор выпрєнных, «длинных» слов.

* * *

Каждый художник обладает своим излюбленным речестроем. Мне чудится, что стилистически Бунин, Паустовский, Казаков из библейской манеры повествования. Вчитывайтесь! Очень схожие конструкции предложения, перекликающиеся обороты речи. Я мог бы это пространно доказать.

Зульфикаров любит нагнетать-нанизывать длинный ряд глаголов и определений.

Лев Толстой лепит «который», «которая», «которое», «которые», выстраивает длинную цепь причастий и деепричастий, сложносочиненных и сложноподчиненных фраз, нередко запутываясь в них.

Пильняк помешался на слове «синий».

Казакон предпочитает составные определения. В рассказе «Старики» читаем:

мглисто-знойное марево;
смугло-красные закаты;
томительно-свежие запахи;
молчаливо-пугливые мальчики;
неясно-прекрасное что-то;
скорбно-медлительный звон;
желто-белая борода;
смутно-металлический свет;
знойно-пахучие опушки;
ало-зеленое небо;
пойменно-черноземные места.

Словом, у каждого свой арсенал, свой инструментарий. Элементы такой стилистики встречаются во множестве и у казахских прозаиков. Но, на мой взгляд, они грешат многословием и вышренностью.

Его стезя

Вообще-то я не журналист. Обычно аттестую себя писателем и переводчиком. Но и журналистики не чужаюсь. Являюсь автором 2000 публикаций на русском, казахском и немецком языках. Обладаю также рядом высоких журналистских премий.

Напоминаю о том не ради бахвальства, а с целью подчеркнуть свое право что-то сказать о профессоре Сагымбае Козыбаеве, истинном мэтре журналистики, общепризнанном рыцаре пера, авторе более тридцати книг и длинного перечня славных деяний, обладателе множества профессиональных премий.

О, да... исписал он не один корджун бумаги – поклажа, как говорится, на нара – одногорбого верблюда. А я, полагаю, по крайней мере треть написанного им прочитал. С любовью и тщанием. И даже не однажды писал о том.

Вот и теперь с любопытством просмотрел, полистал, обнюхал и кое-что заново прочел из его очередной объемистой книги «Когда болит душа...» (Алматы, «Атамұра», 2013, 400 стр. тираж 1000).

Эта книга его, Сагымбая Козыбаева. И это книга о нем, Сагымбае Козыбаеве.

Разделяю его пафос. Горячо поддерживаю все суждения о мэтре, наставнике, товарище, мудром друге, интеллектуале.

Не стану повторяться.

О его профессиональных достоинствах и высоких человеческих качествах сказано и написано за сорок лет его активных деяний немало верного, справедливого и заслуженного.

И наверняка еще скажут и напишут. Сейчас лишь пунктирно отмечу:

- он вышел из образцовой семьи; ему было на кого равняться (имею ввиду благородных родителей, старшего брата-академика и дядю – Героя труда);

- воспитывался в истинно казахском духе (имею ввиду аульную ауру);

- получил крепкое базовое образование (Ленинградский государственный университет);

- выбрал в жизни верную стезю – журналиста, историка;

- точно определил свою судьбу (наставника и радетеля просвещения);

- высоко носит знамя гражданственности и духовности;
- здраво мыслит и созвучно сочетает национальное и интернациональное, локальное и глобальное;
- гордится своей раз и навсегда избранной профессией.

За все это честь ему и хвала.

Общественный вес его велик, авторитет огромен.

И все же усматриваю в нем один изъян, о чем обязан сказать на правах возрастного старшинства.

Он как интеллигент, пожалуй, излишне добр, щедр, снисходителен и деликатен к некоторым своим коллегам. Воздаст порой им почести и словесные характеристики, которых они явно не заслуживают. Оценивает их с лихвой, с авансом, ставит на котурны, перечисляя их к месту и не к месту. Среди них – ей-ей! – есть люди скользкие, увертливые, подобострастные, лизоблюдные, угодливые. К чему их возносить на пьедестал?

Профессор Сагымбай Кабашевич очень любит журналистов, боготворит их. Увы, не все они журналисты, для иных слово – всего лишь разменная монета. Некоторые, как куры, клюют пшено с руки. Все знают: есть коммерческий секс, коммерческая литература, коммерческая журналистика.

Ну, а сам Сагымбай Козыбаев – личность колоритная. И очередную книгу он выдал полезную и познавательную, что я со своей колокольни охотно подтверждаю.

29.05.13

* * *

Вообще-то, думаю, без веры человеку на свете неуютно. Но что есть вера? Совесть! И только. Или: прежде всего. Нет совести – не может быть и веры. Без совести все остальное – фальшь. Можно быть атеистом, но если у тебя есть совесть – позволительно сказать, что ты верующий.

Я так думаю.

* * *

Переводчик, знаток русской поэзии Альфред Эдгар Тосс в письме Леонарду Кошуту (от 20.01.1966) сообщает: «... как у пенсионера, у меня много времени и мало денег».

Я тоже пенсионер, но так сказать не могу. Времени у меня как раз мало, и то оно не мое, а божье. Денег же моих хватает как раз на чай-пай, а большего мне и не надо. Я по природе и воспитанию сторонник казахского «тәуба» и «шүкір».

* * *

Что-то, кажется, не то происходит. Похоже власть наша устала. Вокруг беспардонно заворачивались. И чем дальше в лес, тем больше дров. Хапают судорожно, будто боясь, что завтра будет поздно, не успеют запрыгнуть в уходящий поезд. Все валится из рук. Суетливые форумы – одна видимость и насмешка. Народ вроде уже ни на что не надеется. В отчаянии скороспелых министров сырыми яйцами забрасывают. А какой с этих недоделанных министров спрос? Они же безвольные бишара! И все их действия – курам на смех.

* * *

Мне нравятся женщины, которые рожают и воспитывают детей. И меньше всего те, что пишут стихи. У них, как правило, одна тема: «ой, как мне плохо, как мне плохо», «ой, как я хочу, как хочу!», «Ты подлец! Ты поддонок! Ушел – так не показывайся мне на глаза. Не звони! Иди к другой. Не скули и не оправдывайся. Я гордая, а ты суболаш!»

* * *

Сербиянка (литературовед, публицист, переводчик) Радмила Мечанин (1953) перевела с русского на сербский язык более 60 книг.

Кто из казахских переводчиков имеет такой показатель?

* * *

Стабильность в понимании нашей власти – примирить грабителей с ограбленными.

Такое возможно?

Могут жить дружно угнетатели и угнетенные?

Сандырак!

* * *

Журналист Жандос Байдильда сморозил едкую хохму: численность казахов достигла 11 миллионов. Из них 4 млн. – акынов, остальные певцы.

* * *

В моем дырявом корджуне накопился за жизнь ворох хворостей. Живу, маюсь, терплю, приспосабливаюсь. Врачи не утешают. Долдонят одно и то же: «Ухудшение, ухудшение». Советуют: «Ложитесь в стационар». Ну, сколько можно? Смысл-то невелик. И все обрыдло. Бесконечные анализы, банальные капельницы, уколы, таблетки горстями. А выписываешься вдрызг дохлый. Нет, к эскулапам претензии нет. Что поделаешь, если плоть изношена? Укатали сивку крутые горы.

Сам себя утешаю. «Е-е... ладно. Бұйырғаны болар. Что должно быть, то и будет. Не я первый, не я последний. Благодарю судьбу и по мере сил шебурши. Не все ведь в твоей воле».

Авось, до 80-ти дочикиляю. Покойный Щеголихин говаривал: «Если доскриплю до 80-ти лет, ни одна собака не скажет, что сковырнулся преждевременно».

Мудро!..

* * *

Давно знаю: Марат Тажин – умница, знающ, мудр, весом.

И вот собрал он историков и малость мыслящих азаматов и началправлять им мозги. Учить уму-разуму.

И что он сказал?

Я читал выжимки из его программного доклада и по-русски, и по-казахски. Мало что понял: сплошь заумные мудревато-кудреватые фразы. Вроде все правильно, логично, здраво, а что к чему сразу не поймешь.

Одно я смутно уяснил: нынешним состоянием национальной истории госсекретарь определенно встревожен.

Верно. Я тоже.

История наша давно забуксовала в болоте мифов и легенд.

Нет стержня. Нет научного Credo.

Есть любительщина и махровая самодеятельность.

Имитация.

А что завуалировано предлагает госсекретарь?

Он предлагает служить историков некой химере, надуманной идеологической хмари, временщиковой абракадабре.

Ну и что получается?

Получается та же затрапезная служанка, а никакая ни история.

Или я чего-то не понял?

Охотно допускаю.

Чудится же мне: пока историю, как науку, не отлучат от власти (в Библии сказано: «Das Sichtbare ist vergänglich, das Unsichtbare ist ewig» – примерно: «Видимое преходяще, невидимое вечно»), от текущей политики того или иного правящего клана, не будет подлинной истории, а будет длиннополая зачуханная, занюханная хатун, худо-бедно обслуживающая бая.

Интеллектуальный Мурат Тажин это прекрасно понимает, но он ведь находящийся на госслужбе и поет то, что ему положено. Енді қайтсын? А историкам остается только хлопать ушами.

Из-за множества своих болячек я отлучен уже несколько лет от былой активной жизни. Шүкір, что хоть посильно шкрябаю пером, усердно читаю и поддерживаю кое-какую связь с редакциями и издательствами.

А за происходящим в садочке перед нашей многоэтажкой наблюдаю с балкона четвертого этажа.

Рано утром, когда я совершаю подобие зарядки, прилетает черный-пречерный, взлохмаченный скворец с желтым клювом и, нахохлившись, садится на ближайшую ветку тополя. Он восседает отрешенно, долго, мрачно оглядывается по сторонам, не издает ни писка. Кажется, одинокий и старый. Чудится мне, он меня понимает. Он терпеливо ждет, пока я проделаю все свои упражнения и так же молча улетает.

Немного погодя, прилетают две сороки, трещат, вершат, острым хвостом подергивают, сторожко зыркают по сторонам, балабонят, вносят в птичий мир суету и нервозность. Одна сорока безумолку трещит, другая суматошливо облетывает деревца и кусты.

А в кустах раскидистого шиповника гоношатся воробьи. Налетают стайей, судорожно что-то клюют и упорхают, как по команде, стремительной стайкой восвоюси. До меня им нет никакого дела.

Из соседнего подъезда степенно и томно выбирается разлапистый, важный, весь рыжий, лоснящийся кот, похожий на крупного начальника. Не хватает ему только пузатого портфеля. Ему явно скучно. Разморенно, пружинисто крадучись, он обходит несколько елей, сосен, поглядывает наверх, высматривает птичьи гнезда, медленно, как бы нехотя, по обязанности начинает карабкаться вверх по шершавому стволу.

Голуби под карнизом соседнего дома тусуются, сладко воркуют.

Тотчас из нашего подъезда показывается кокетливая, пятнистая, хорошо ухоженная кошка. Птахи ее не интересуют. Объект ее внимания – рыжий кот, в упор ее не замечающий. Глаза ее полыхают нечистым огнем.

Завидев рыжего зверя, затевают гвалт агрессивные афганские скворцы. Они как душманы-талибаны, по-звериному оскалась, лихо кружатся над наглым котом, пикируют, издают столь яростный клекот, бьют по коту крыльями, пока тот не убирается трусливо в подворотню.

Наступает в нашем дворике недолгая тишь.

Нижние балконы нашего дома плотно увиты диким виноградом. По его сочным листьям с раннего утра деловито шастает, как заведенный, взад-вперед, вверх-вниз, бойкий мурашок. Он перебирает тонюсенькими лапками, ползает по самому краю листьев и лепестков, трепещет щупальцами и не срывается, вертится-крутится, что-то находит, темное брюшко-хвостик наполняется бурой жидкостью. Так он, бедняга трудится-копошится с рассвета до захода солнца.

Над мелкими желтыми цветочками кружатся с восходом солнца неугомонные осы и пчелки, вонзают свое жало в нераскрывшиеся бутончики, порхают с цветочка на цветок.

Время от времени облетывает чужие владения пузатый, роскошно раскрашенный красавец-шмель. Но ему балконное царство неинтересно. Он праздный гуляка. К черному труду не привык.

Все радуются жизни, ликуют, трудятся, копошатся, заботятся о потомстве, славят жизнь, украшают ее, наполняют смыслом. Они мои сородичи. Они поддерживают мой слабеющий дух, утешают меня: «Держись, брат!».

Из подъезда нашего дома беспрестанно выходят, спешат по делам жильцы: старичье, молодки, детвора, мужичье. Им нет до меня дела. Мне до них тоже. Разве что коренастый, лысоватый дворник,

скребуший огромной метлой наше подворье. Е-е... шүкір, шүкір!
Да будет благословенна жизнь!

* * *

В середине 50-х годов прошлого века я гостил у друга в колхозе «Балуан» в то время Октябрьского района. Отец и сводный брат друга наперебой угощали меня густыми сливками и пахучей степным разнотравьем густой, с розовым отливом сметаной.

Эти сливки и сметана напоминали мне сочный казахский язык.

Полвека с гаком спустя, я пью обезжиренный айран, разбавленный с минералкой. Своеобразный шалап. Шалап – это и есть современный казахский язык. Ни запаха, ни вкуса.

* * *

Во все времена народами-государствами управляли и управляют временщики. Тут ничего не поделаешь. Их приходится терпеть. Один временщик, утомив народ, уходит, другой временщик, вселив недолгую надежду, приходит. И каждый изрекает глупости хлеще другого. И каждый мыркымбай-кыртымбай – философ, писатель, историк, экономист, юрист. Словом, гений-данышпан!

ТЬФУ!

Досадно то, что они, будучи чаще всего серыми дилетантами, считают себя вправе обо всем и обо всех судить-рядить и раздавать налево-направо свои оценки, писать предисловия к произведениям литературы и искусства. И все это банальность, глупость и невежество. Завтра над всеми этими благоглупостями потомки будут хохотать.

Примеров – тьма.

Ограничусь лишь одним.

Его напомнил нам Георгий Викторович Адамович в беседе за круглым столом в Парижской студии 31 июля 1970 года. Он привел

фразу из учебника сталинской эпохи: «Товарищ Сталин причислил Пушкина к числу выдающихся русских людей».

Апырай, а! Это надо же! Если бы саруар Сталин не причислял Пушкина к числу выдающихся русских людей, мы могли бы – о, ужас! подумать, что он папуас.

А сколько подобных глупостей изрекли другие саруары-временщики! Доберутся до трона мыркымбаи и заявляют:

– Абай – великий поэт.

– Ауэзов – чародей казахского языка.

– Джамбул – титан!

– Волга впадает в Каспийское море.

И все жандайшапы-аллилуйщики охают, ахают:

– Ах, как глубоко!

– Ах, как мудро!

– Ах, как гениально!

Это и есть мыркымбайская идеология, унавоженная невежеством. Она и уничтожает на корню народный Дух.

Чудовищно! Маскара!

* * *

Оскар Уайльд считал: что книги надо разделить на три категории – книги, которые стоит однажды прочесть; книги, которые читаешь и перечитываешь; и третья, самая обширная категория – которые читать вовсе не следует.

Очень верно!

Но чтобы прийти к такому выводу, нужен опыт, т.е. необходимо «проглотить» горы книг. Я прочел порядочное количество книг, которые вовсе не следовало читать. Ныне я их распахиваю, т.е. раздариваю налево-направо: знакомым, библиотекам, архивам, музеям, университетам. Но есть десятка три-четыре книг, которые я постоянно перечитываю. Этими книгами надо было ограничить-

ся с самого начала. Особенно много бесполезных книг я читал на казахском языке. Видно, много времени потратил зря. Ныне никто этих книг и в руки не берет...

* * *

Вот толковая мысль литературоведа Игоря Бэлзы: «Вообще-то, истребление интеллигенции, это истребление нации. Это понимали завоеватели всех времен».

Вспоминаю судьбы интеллигенции казахов и российских немцев. Слой этот был очень тонкий. Его истребили особенно усердно. Как это отразилось на нации, мы знаем, чувствуем, ощущаем.

Верно и это: «И без интеллигенции, конечно, нация мертва, в лучшем случае находится в стагнации, но, как правило, деградирует».

О деградации российских немцев и говорить не хочу. Это очевидно. Это трагедия. Этой деградации – я свидетель – подвержены и казахи. Очень досадно и больно.

И еще замечает Игорь Бэлза: «Другое дело, что интеллигенция ведет себя не всегда достойно» (см. ж. «Другие берега», № 6, 1995, стр. 107).

О да, о каком достоинстве идет речь, когда в так называемом «зиялы кауым» на каждом шагу – попрошайки, подхалимы, юркачи, шкурники, интриганы, приспособленцы, лизоблюды, жопеке. Они, понятно, не с неба свалились, их породил лживый, торгашеский заман, эпоха временщиков. Понадобятся десятилетия и воля тысячи азаматов, дабы преодолеть эту заразу.

* * *

Толстой Шекспира не жаловал: разбирал его трагедии по косточкам и критиковал их в хвост и в гриву. И к Гете был сдержан. Горького считал «ни то, ни се». Чехову советовал пьес не писать.

Пушкин упорно замалчивал Тютчева, будто не замечал его.

Мережковский, написавший мощный труд «Толстой и Достоевский», первого ставил ниже второго. Толстого аттестовал «тайновидцем плоти», а Достоевского – «тайновидцем духа».

Константин Леонтьев говорил об «уродливых романах» Достоевского.

Пруст отрицал Сент-Бева. Сент-Бев – Бодлэра.

Аскар Сулейменов, помню, в аспирантские годы грезил ими.

Тот же Сент-Бев ставил Жорж Санд выше Бальзака.

Солженицын был весьма холоден к Горькому и Шолохову.

Нурпеисов обожает Шолохова.

Б.Тлегенов в свой черед на корню отрицал Нурпеисова, дескать «не мой писатель».

М.Магауин объявил Нурпеисова писателем ниже среднего.

Г.Кабышев почему-то злобно, по чужим наветам, не читая, разоблачает Солженицына, нагнетая всякие небылицы.

Кто-то охаивает Досжанова, кто-то – Досанова.

Кто-то Мыркымбая всерьез считает классиком.

Я, между прочим, тоже кое-кого недолюбливаю.

Возникает вопрос: «Ну и что? Что из этого?»

И еще Толстой сказал, что критики – это глупые, которые пишут об умных.

Ал, не дейсің? Надо свое мнение иметь, желательно недилетантское, а не размахивать дубинкой почем зря.

* * *

После известного доклада госсекретаря Марата Тажина (май 2013 г.) казахские газеты захлестнули аршинные статьи на исторические темы. Статьи, если честно, большей частью скороспелые, пустые, банальные. Одни крикливые, лозунговые названия типа «если нет истории, то нет и нации».

Все считают, что национальную историю следует пересмотреть, переписать, перетолковать, удревлять и объективизировать.

Намерение похвальное, но – на мой взгляд – неосуществимое. Поскольку дилетантство и субъективизм, верхоглядство и родовой синдром произвольно берут верх, наши «горе-историки» нагородят столько вздора и чепухи, что сам черт ноги сломит.

Ей-ей, я за свой век в этом успел убедитьсяся.

Так, в чем дело? Где собака зарыта?

Дело в том, что история во власти идеологии не может быть свободной (а, стало быть, правдивой). Всякая власть, всякое государство поддерживают свою идеологию, а она всецело оказывается под влиянием конкретной обстановки. Тут возобладает давнее восточное правило: «Хан говорит – хан прав, бек говорит – бек прав».

Идеологию сплошь и рядом путают с мировоззрением. А это разные вещи. На это указывал еще критик, философ, историк искусства Владимир Васильевич Вейдле. Его, кажется, у нас совсем забыли. Он говорил: «Вот, подумайте, ну, скажем, у Пушкина, у Толстого или у Гете мировоззрение, конечно, было. Но идеологии у них никак не было. Дело в том, что мировоззрение имеет более расплывчатые границы и более движущийся состав, так сказать. Оно меняется с годами, оно не имеет резких очертаний, оно – свободно. А идеология фиксирована заранее. Это, как я уже раз ее определил, система мыслей, которых никто больше не мыслит. И эдакая система мыслей, конечно, парализует всякую критику» (см. ж. «Другие берега», М. № 6, 1995, стр. 86).

В данном случае объект рассуждения – критика, но, думаю, мысль эта вполне приложима и к истории.

Разобраться в этой путанице наши национальные историки вряд ли в силах. А запутывать – мастера. И выдадут они по горячим следам такую «историю», которую потом лет пятьдесят не

распутаеть, пока не спохватится новый госсекретарь. Начнется, я чай, «исторический» хаос. И будет в каждом ауле своя «история».

Дай Бог, чтобы я ошибался. Знаю ведь наших гавриков.

* * *

Крупные личности, особенно ученые, как правило, обладают независимыми, нестандартными суждениями, о которых они говорят открыто и непринужденно.

Например, академик Раушенбах, физик, в частной беседе (во время перерыва заседания по проблемам российских немцев в Москве) отрицательно отозвался о переводе Лермонтова гетевской миниатюры «Ночная песнь странника» («Горные вершины спят во тьме ночной»). Так и сказал: «Плохой перевод», чем вверг меня в смущение.

А вот еще одна его мысль, высказанная корреспонденту журнала «Другие берега»: «...а субъективно... скажем я лично не люблю Толстого, хотя «Смерть Ивана Ильича», на мой взгляд, – гениальная вещь. Но Толстой мне не симпатичен, скажем так, по его мировоззрению: что-то там не то. И все же – он выдвинул крупные идеи, которые увлекают людей во всем мире. Это безусловно гениальный писатель. И это и есть классика».

Приведу суждение другого академика – Никиты Моисеева, математика: «Что касается меня, то Достоевского мне как-то внутренне не удалось принять. Я отдаю должное этому великому писателю, но у меня другое мировоззрение – я не воспринимаю так, как Подросток. Значительно большее влияние оказал на меня Тютчев».

И еще одно мнение – академика Вадима Тихомирова, ботаника: «Вот я, например, не люблю Достоевского. Я прекрасно знаю, что он великий писатель и мировая величина. Но я его не люблю. Для

меня он в вашу пятерку небожителей (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов – Г.Б.) не входит. Но зато я поместил бы туда Лескова, А.К.Толстого и А.Островского. А кроме того – Некрасова. И Лермонтова, но уже в меньшей мере».

Правда, любопытно?

А теперь спустимся ниже, на казахскую землю.

Интересно, по какому ранжиру построили бы казахский классиков? Кто кого бы предпочел?

При жизни моего поколения твердо сложилась такая обойма: М.Ауэзов, С.Муканов, Г.Мусрепов, Г.Мустафин. Именно в таком порядке их перечисляли десятки лет. И ныне по инерции (не всегда, правда) называются эти имена. Вроде как канон.

Я, как все знают, учился в казахской школе – 1944–1953 годы. В 6–7-м классах я упивался толстенным романом «Жұмбақ жалау» («Загадочное знамя»). Поразительное было чтение! Но уже в старших классах предпочтение стал отдавать Мухтару Омархановичу. Его читаю и поныне. С остальной троицей я был знаком, читал их, общался с ними, Габита Махмудовича отчасти переводил. Ныне я их читать не могу. Конечно, это их никак не умоляет. Свое место в национальной литературе они застолбили. Но я не могу представить современного казаха, который бы с упоением читал «Сырдарью», «Миллионер» или «Пробужденный край». Другая эпоха, другие темы, другие люди, другой уровень. Жизнь литературных произведений совсем укоротилась. Многие мои друзья стали классиками. В смысле, что уже никто их не читает.

* * *

Из газет (июль 2013) узнал, что в Костанайской области некто выставил на продажу сразу две мечети по миллион долларов. Эх, если бы кое-кто мог бы добраться до Бога, он и его запросто продал бы! Эттең, эттең!..

* * *

Опять незадача с «Протоном». Испаскудил всю кызылординскую область. Похоже, Россия готова вдосталь накормить казахов гептилом. И-и-и, алла!..

* * *

Астане 15 лет. Гремят фанфары. И кружатся головы.

* * *

Русский язык ныне чудовищно уродуют все, кому не лень. Явление катастрофическое. Русский язык раздроблен многонациональным гражданам бывшего СССР на столько псевдоречений, что он уже незначительное отношение имеет к исконному языку Тургенева, Толстого, Лескова, Чехова и т.д.

Можно сказать, что с русским языком повсеместно обходятся, как повар с картошкой. Знатки бьют в колокола тревоги, проводят авральные «круглые столы», пишут статьи и исследования, ищут причины столь грустного явления и выходы из тупика.

Тщетно! Спасения нет! Уродовать язык стало едва ли не модой.

А язык богатый, признанный, сложный, выразительный, грамотный и красивый. Когда рухнул СССР, мне знакомые с каким-то злорадством говорили: «Общими усилиями наконец-то свалили советскую власть». Теперь иные нацпаты говорят: «Нам бы еще русский язык разрушить!».

И методично разрушают. Не мытьем, так катаньем.

Прекрасно обходятся абракадаброй.

Один штришок.

Для немцев, приезжающих в Россию, газета «Москауэр дойче цайтунг» подготовила словарь наиболее распространенных русских слов, без которых ныне возможно обходиться.

Вот эти слова: дурак, дура, козел, дебил, урод, сволочь, скотина, сука, лох, трус, ботаник, умник, тормоз, зануда, засранец, стерва, чмо, жмот, чудак, подлиза, чайник (см. «MDZ», № 10, 2013).

Для пущей ясности слова эти воспроизведены латиницей и пояснены немецким эквивалентом (иногда приблизительным). Например: умник – umnik – klugscheißer; засранец – sassranez – Halunke, Hosenscheißer.

Выучил эти слова – и можешь свободно общаться. И ты всех поймешь, и тебя все поймут. Ну, а если ты в состоянии сказать: «Пошел ты на...» или «Пошел ты в...», считай, полностью овладел «великим и могучим».

Я заметил: с этих азов начинают и оралманы. Правда, с жутким акцентом. Если же после каждого второго слова проронить «оттуой майт!» или «билят», то данный джигит-молодец «орысшаға судай».

* * *

Мой 85-летний аульчанин Жумеке С., проживающий ныне в Кызылжаре, по-прежнему публикуется в казахских и русских газетах, ведет активную общественную жизнь, часто навещает знакомые мне с детства приесильские аулы Шалакынского района. В письмах он мне сообщает: жизнь в аулах угасает, еле тлеет, ухудшается с каждым годом. В моем ауле из 300 дворцов едва осталось 100. Аулы ныне напоминают убогие, чахлые стоянки 30-40-х годов прошлого столетия. Акимы без конца меняются – и в области, и в городе, и в районах, а толку никакого. Баяғы жартас – сол жартас. Аулы рушатся, хиреют на глазах. И не видно просвета.

Об удручающем положении нынешних аулов, которые я по старой памяти с любовью и тоской упоминаю в своих опусах, пишут и рассказывают мне многие. И не только из Северного Казахстана. Особенно грустно было получить такие письма во дни фанфарного тоя по случаю 15-летия Акорды. А когда в это же время я услышал по ТВ и в казахских газетах трепливый, даракианский тост 87-летнего академика-юриста, я и вовсе завыл, как оставленный на брошенном стойбище бедный пёс...

Кому повем печаль свою?..

* * *

Читаю в «Экспресс К» (17.07.13): российский миллиардер Сергей Веремеенко обладает табуном в две тысяч лошадей. Он намерен кумысом обеспечить всю Европу и Россию. Для этой цели планирует довести кобыл до 50 тысяч.

Каково?!

Он даже разработал рецепт кумыса, адаптированного под вкусы россиян. Такой кумыс можно хранить более двух недель.

До того не однажды доводилось читать, что производством кумыса занялись и немцы. Неужели и они освоили древнюю казахскую технологию? Ай, кайдам!

Будучи в Германии, помню, после встречи в одном из университетов нас, членов делегации, угощали местным кумысом в 200-граммовых бутылочках. Никто из нас не в состоянии был осушить хотя бы один пузырек. Я в кумысе особенно не разбираюсь, но немецкий кумыс почудился мне заурядным шалапом с кислинкой.

Может, нечто схожее произведет и русский миллиардер под маркой кумыса?

Да... но табуны в 50 тысяч лошадей, конечно, впечатляет.

Удивительно и завидно!

А куда смотрят мои казахи? Кишка тонка? Или земли мало? Или кобылиц доить разучились?

Ой, нехорошо! Ныне во многих казахских аулах и про вкус кумыса забыли. Довольствуются кока-колой.

Какая досада! Может, на китайцев уповают?

Не только лицо, но и котешка краснеет.

* * *

Вопрос писателю Захару Прилепину:

– Назовите три, на ваш взгляд, определяющие приметы современной России (июль 2013).

Он отвечает:

– Ложь, воровство, пошлость.

Допустим, этот же вопрос задали бы и мне относительно Казахстана.

Я бы ответил почти так же:

– Ложь, воровство, тупость.

* * *

Нашел среди бумаг в старой папке перевод небольшого отрывка из воспоминаний Абдижамила Нурпеисова. Кажется, это был фрагмент несостоявшейся речи. На мой взгляд, любопытный факт из биографии известного писателя. Я решил воспроизвести этот текст с незначительными карандашными пометками автора. Вот этот текст без даты (полагаю, 80-годы прошлого века).

«Это у меня с детства: не могу, ну просто физически не в состоянии глядеть на то, как режут скот. Пусть сколько угодно говорят, что у них, у животных, нет такого высоко организованного сознания и чувства, как у нас, у людей, и пусть не умеют они так переживать, как мы, но ведь тоже, да, да, тоже наделены от природы благородным и неистребимым инстинктом самосохранения и самозащиты, так же стремятся жить и бороться за свою жизнь, и так же озабочены о своем потомстве – не хуже, пожалуй, чем человек.

Понимаю: рассуждения мои наивны и, может, даже сентиментальны, но как бы там ни было абсолютно убежден, что нормальному человеку должно быть очень и очень не просто поднять руку на любое живое существо, если оно само не представляет угрозу или опасность.

Осенью 1944 года, как только наша пехота, бросившаяся в атаку, сходу форсировала небольшую речку Виэпке, разделявшую Латвию от Эстонии, мы, артиллеристы, также немедленно выбрались на тот берег. Группа из 4-5 человек под начальством майора

Синявского, замначальника полка по политчасти, заняла окопы, из которых только что вышли гитлеровцы. Заметив в траншее раненого и насмерть перепуганного немца, майор Синявский на мгновение застыл. Раненый судорожно вытащил из кармана фотографию и, с трудом ворочая онемевшим языком, пролепетал что-то, умоляя, видно, пощадить его ради своей фрау и деток. «Прикончи!» – глухо бросил мне майор и побежал по окопу дальше. Я замешкался, будто оцепенел. Синявский обернулся: «Кому сказано?!» Так и не решившись исполнить его приказа, я буркнул шедшему вслед сержанту Кочурину: «Выполняй!» и, отвернувшись, побежал. За спиной раздался короткий треск автомата. Я не осмелился спросить Кочурина, прикончил ли он раненого немца, или выстрелил в воздух. И не знаю этого до сих пор, хотя и прошло уже сорок лет. Сколько невинных людей загублено за это время в разных уголках земного шара, пресыщенного произволом, насилием и жесткостью! И зная, сознавая все это, я, однако, и поныне не в состоянии забыть тот случай, произошедший в окопе за речкой Виэпке. Стоит перед глазами тот раненный немец, вымаливающий пощаду. И сейчас еще мне хочется думать, что сержант Кочурин все-таки выстрелил тогда в воздух. И еще думается: что испытывал в тот момент майор Синявский? Жалость? Или хотя бы сомнение? Вспомнились ли ему при взгляде на фотографию немца собственные дети и жена там, в далеком тылу? Сжалось ли хотя бы на миг от сострадания его сердце? Ох, не знаю, не знаю... Вряд ли в той войне не было больше таких замполитов, как Синявский. И потому никак не могу я понять тех критиков, которые каждый раз безапелляционно твердят о «клевете», об «искажении истины» едва речь касается сомнительных человеческих качеств иных горе-руководителей, подвизающихся на политическом, идеологическом фронте, будто пост политического руководителя любого ранга – уже гарант его непогрешимости.

Люди есть люди».

Тетрадь двадцать четвертая

Энциклопедический справочник «Қазақ есімдері»

Когда знакомый мне доселе лишь по редким телефонным разговорам Аскар Смагулов из Министерства культуры РК занес мне домой объемную и тяжеленную (65 п.л.!) книгу-кирпич, я нахмурился и еле сдержал раздражение: «Ну, вот... завалят меня казахи своими опусами. Читай до самой гробовой доски...»

Ах, как я был неправ!

Бегло пролистав большущий фолиант, я сразу понял: плод тридцатилетних поисков и обобщений, огромный научный труд, серьезно аргументированный и систематизированный, тщательно, детально продуманный, библиографически основательный, дающий –

помимо ономастики – редчайшие сведения о мощи и выразительности природного казахского языка, о достоинствах казахского речестроя, этнографии, о фантастическом богатстве казахов в именнаяречении, о широте диалектического мышления, экскурсе в глубокую древность, о горизонте научных обзоров изысканий в области ономастики и ее истории.

Фолиант изобилует многими бесспорными достоинствами. Некоторые попытаюсь отметить хотя бы пунктирно, ибо убежден, что русскоязычный читатель обязан знать, что происходит в обширной науке – казаховедении.

Сразу огорошу читателя: в энциклопедический справочник «Қазақ есімдері» включено более 70 тысяч (!) казахских имен, из них более 12 тысяч имен этимологически объяснены, истолкованы.

Поразительно, не так ли?!

Не свидетельствует ли столь мощное, разнообразное именнаяречение о древнейшей уникальной культуре номадов, которая эффектно (иногда диковинно) отразилась в ономастике – одном из значительных разделов языкознания?!

Разумеется, в газетной заметке нет возможности охватить все грани этого уникального труда, но ограничусь тем, что укажу на те факты, которые «зацепили» мое сознание.

Вынужден, однако, начать с предыстории вопроса.

Еще учеником казахской средней школы я загорелся сбором казахских имен, абсолютно не представляя громоздкости данной затеи. Переписал в тетрадку – без какой-либо системы – всех учеников школы, потом – аульчан, потом – жителей соседних аулов. Когда собрал первую тысячу казахских имен, сообразил, что все это нечто безграничное и диковинное. Необходима какая-то система, все это сырье следует привести в божеский вид, а не вывалить все имена в кучу. Завел несколько тетрадей, распределил имена в алфавитном порядке, потом – отдельно мужские и женские имена.

Потом отдельной главкой расписал любопытные имена типа Маркс, Энгельс, Мэлс, Марэлс, Колхозбек, Совхозбай, Карл, Маршал, Коммунар, Ким, Клим, Советхан, Мәскеубай etcetera.

Сборы продолжались и в студенческие годы. Правда, все с меньшим азартом, ибо понял, что на эти сборы необходимо положить жизнь. А у меня тогда были вообще разные цели.

Именно студентом я понял, что ономастика – очень серьезная, кропотливая, хлопотная наука.

Очутившись в Байкадаме Сарысуского района Джамбулской области, где два года с гаком преподавал в средней казахской школе русский язык и литературу, я привлек к сбору имен всех моих учеников старших классов. И за короткое время в моих тетрадях казахских имен накопилось около семи-восьми тысяч. Надо было заниматься этимологией имен. Занятие оказалось нудное и тягостное. Очень часто этимология не проглядывалась. Нужно было запастись терпением и прилежанием на десятки лет. Разнообразие поражало. Порой казалось, что казахских имен больше, чем собственно казахских слов. Фантазия казахов по части имяназачения оказалась неисчерпаемой, в чем я убедился на разных шильдехах-родинах.

Поступив в аспирантуру, обнаружил, что этой наукой занимались многие выдающиеся лингвисты. В том числе и казахи, о которых я ничего не знал. Особенно поразил меня Телкожа Жанузаков. Он, выяснилось, по-научному занимался вопросом, во всеоружии подходил к проблеме, не плутал, как я, в потемках, публиковал статьи, делал доклады, издавал книжки и пособия, объяснял происхождение имен, ссылаясь на арабские, персидские, турецкие, монгольские, калмыцкие, русские и бог весть еще какие корни, защитил кандидатскую диссертацию. И я понял, что мои многолетние занятия были наивными, дилетантскими. Не что иное, как махровая самодеятельность. Идти проторенным путем расхотелось.

И я расстался со своей коллекцией, при бесчисленных переездах в пору бездомья тетради потерялись, а кое-что уцелевшее я позднее сплавил в Президентский архив вместе со своими рукописями и прочими документами.

Но интерес к казахским именам во мне тлел всегда. Едва ли не любое имя раскрывало неведомый мир, намекало на конкретные обстоятельства. Этим и объясняется мое внимание к глобальному энциклопедическому труду Аскара Смагулова.

Из чего как соткана эта энциклопедия?

Доктор филологии, ныне покойный профессор Акселеу Сейдимбек предпослал ей краткое, но энергичное вступительное слово. Он назвал ряд выдающихся ученых, занимавшихся казахской ономастикой и антропонимикой: И.А.Износков, Н.Ф.Катанов, А.И.Самойлович, И.Брагинский, И.Беляев, Н.А.Аристов, М.Тынышбаев, С.Аманжолов, Г.Конкашпаев, А.Абдрахманов, Т.Жанузак, В.Н.Потапова, Е.Койшыбаев, О.Султаньяев, В.У.Махпиров, Г.Жаркешова, Д.Жунусов, Е.Керимбаев, С.Кондыбай.

На фоне этих имен и их трудов мои давние попытки в сборе казахских имен, разумеется, выглядели увлечением дилетанта.

Акселеу Сейдимбек подчеркивает, что ономастика составляет антропонимическую систему, систему мировоззренческую, в ней отражена генеалогическая память народа.

Действительно, казахские имена отражают причудливый мир номадов, их историю, быт, культуру, этнографическую основу, чаяния и надежды.

Автор предварительного слова высоко оценивает многолетний труд Аскара Смагулова.

Широкоохватная статья «От автора» изобилует источниками происхождения казахских имен (из животного мира, от фауны и флоры, этнонимы и генонимы, топонимы, астронимы, от названия металлов и драгоценностей, от наименования годов, месяцев и

дней, от охотничьего промысла, от земледелия, от предметов домашнего обихода, от видов занятия, от желания, надежд, обстоятельств, конкретных исторических событий и т.д. и т.п.) и множеством конкретных примеров. Приводятся также варианты корневого имени, различные орфоэпические и орфографические нормы, имена исторические, родовые, навеянные знаменательными событиями, а также надуманные, составные, диковинные, аббревиатурные, а то и вовсе загадочного происхождения. Обо всем этом и я писал в разное время, в частности, в книжке «Записки старого толмача».

Автор энциклопедического справочника убежденно подчеркивает, что по богатству национальной ономастики казахов не сравнится ни один народ в мире. Охотно с этим соглашусь. И доказательством может служить данный капитальный труд.

В энциклопедию включены разделы: «Прочтите, это любопытно», «Патриотические имена советского периода», разнообразные этнографические сведения (для меня и читателя, полагаю, едва ли не самая ценная часть труда), свод государственных законов по части казахской ономастики на казахском и русском языках (типа: «О порядке решения вопросов, связанных с написанием фамилий и отчеств лиц казахской национальности»), список использованной литературы (404 наименований!) и разные другие указатели, свойственные энциклопедическим изданиям.

Такова – в общих очертаниях – структура «Қазақ есімдері».

Теперь постараюсь выше сказанное проиллюстрировать конкретными примерами.

Толкование казахских имен происходит таким образом:

АБА – 1. каз. – а) аң аулауға арналған қоршау, каша; б) кең тігілген сырт киім, бурка; жылқы терісінен тұтас тігілген, жауын-шашыннан қорғайтын, күләпарасы бар, тұлыпқа ұқсас, жамылғы түріндегі сулық киім; в) толық тазартылмаған жуан жіптен

тоқылған жүн мата; 2. көне түрік тілінде – аю; 3. көне түрік, араб, еврей, иран, тибет тілдерінде – әке, ата-баба; 4. ел, жұрт, мекен. Абабай.

АБАЛ, АБАЛАК. 1. қаз. үрпек, сабалақ, алба-жұлба; 2. тат. аба-лак – үкі; 3. араб. абал – жабайы раушан гүлі, итмұрын, роза.

АҒЗИЯ – араб. ас, дәм, тағам.

АЖАР – 1. қаз. әдемі, көрікті, шырай; 2. түс, рең, рай, кеспір; 3. бедел, ар; 4. араб. – гүлдер. Ажаргүл, Ажария т.б.

АЙМАУЫТ – қаз. көне түрік – ұсак шынжырлы етіп, асыл болаттан соғылған сауыт.

АЙПАРА. 1. қаз. ай + ир. пәрә – пери, періште, сұлу; 2. ежелгі қазақ халқының отқа табынуымен байланысты от анасының есімі. 3. үлкен, ірі, көрнекті. 4. жарты ай, айшық (полумесяц).

АРСАЛ – қаз., ноғай – жирен.

Ограничусь несколькими примерами на букву А.

Таким образом этимологически разъяснены, истолкованы 12 тысяч имен на все буквы казахского алфавита. Это очень любопытное и познавательное чтение, как и любого энциклопедического словаря. Почти каждое имя – диковинный мир с древними разноязычными корнями. И почти за каждым именем скрывается многозначный смысл. Поэтому и считаю, что «Қазақ есімдері» достойна быть настольной книгой в каждой казахской семье и необходимым справочником для каждого любителя казахской словесности.

Меня разобрало любопытство: какие же могут быть у казахов имена на сугубо кириллические буквы «Э», «Ю», «Я».

Представьте себе: и такие имена встречаются немало. Например:

Эвелина, Эверест, Эдуард, Элеонора, Эллина, Эльбрус, Эльвира, Эльдар, Эльза, Эльмира, Эмилжан (от Ангельс, Маркс, Ильич Ленин + жан), Энгелина, Эрик, Эрнст, Эрнест (в казахской транскрипции встречается Ерінест), Эфира и т.д. Понятно, все они – заемные имена с греческими, латинскими, немецкими, французскими

корнями или образованные, сконструированные из разных словесных элементов (Например: ПОЛАС – Пушкин + Островский + Лермонтов + Абай + Сабит).

Одну из моих сестер звали Эльма. Я и не знал, что это вариант Елизаветы – Элизабет, так звали мою бабушку). Не знал также, что имя это носят и казашки. А Эллина образована от Елены.

На букву «Ю» приведено пять имен: Юбилей, Юлий, Юлия, Юпитер, Юран, Юрий.

На букву «Я» – восемнадцать имен: Ядыгар (Жәдігер), Язит, Яков (Жақып), Якуда (Жакуда), Ярхам, Ярхан, Ясин, Ясура, Яси-кей (Есукей), Яхуда (Жакуда, Яһуда), Яхута, Яшар.

Большой раздел (63 страницы мелкого убористого шрифта) в энциклопедическом справочнике занимает «Білгенге – маржан». Чего здесь только любопытный читатель не найдет! Это поистине бескрайний океан казахской словесности. Автор приводит редчайшие данные о казахском летоисчислении с русскими аналогами, с указанием годов по животному циклу; название месяцев по-казахски, по-арабски и по-русски (наурыз – сафар – март; сәуір (көкек) – Раби – дууэл – апрель etc.); знаки Зодиака по-казахски, по-турецки, по-арабски, по-русски (токты – козы – хамал – овен); наименования времен года (к примеру на букву «Т»: тамыз, таң, таңғы, тарих, токсан, түн, түнгі, түс, түстік); названия созвездий и планет (например на букву «Б»: бабасан (шампан), Балпан (Марс, Меркурий), Бахрам (Марс), Бикеш (дева), Болпан (кіші Шолпан, Меркурий), Босаға (капелла), Бөрі (Волк), Бүйі (Скорпион), Бүркіт (орел); семь сфер мира; семь небесных сфер; названия, связанные с Солнцем, с Луной; девяносто девять мен Аллаха; имена двадцати пяти пророков; священные книги (Тәурат – Тора, Зәбүр – псалтырь, Інжіл – евангелие, Құран – Коран); имена верховных ангелов; имена четырех великих халифов; названия райских обитателей; имена некоторых богов; родовой состав казахского общества; тейпы

Большого, Среднего и Малого жузов; состав шести Алаша; состав племен Ногайлы; Он ата; Жеті ата; имена казахских ханов всех трех жузов; казахи – члены Государственной Думы Российской империи; члены правительства Алашорды; имена военных предводителей, генералов и высших военных чинов – казахов; тамги главных казахских родов; боевые родовые ураны-кличи; имена египетских, турецких, иранских правителей-ханов и султанов и годы их правления...

И т.д. И т.п. И мн. др.

Пожалуй, остановлюсь. Все сведения, включенные в главу «Білгенге – маржан» («Жемчужины познания»), я перечислить в своей статье не в состоянии.

Я себя к казаховедам не отношу, хотя мир казахов мне с детства близок, я всю жизнь стараюсь его посильно постичь и хочу, чтобы об этом мире как можно больше узнавали неказахи или казахи по разным причинам оторванные или оторвавшиеся от своих национальных корней. Из главы «Білгенге – маржан» энциклопедического справочника «Қазақ есімдері» я почерпнул в сжатой концентрации очень много сведений, которые я десятилетиями – как писатель, переводчик, лингвист собирал по крупицам и о некоторых из них имел (и имею) весьма разрозненные и поверхностные представления.

Поэтому позволю себе представить вниманию читателей еще несколько любопытных сведений. Например, животный мир в разрезе самец – самка – детеныш. Вот возьмем названия домашних животных.

Верблюд. Самцы: атан, бура, лөк, нар, үлек.

Самки: аруана, мая, інген.

Детеныш: бота, көшек, бажығай.

(Замечу, это далеко не все виды, и каждый вид имеет свое описание и разновидность, и речь здесь не об этих подробностях, а

всего лишь о некоторых общих названиях, которые образуют казахские имена и прозвища).

Лошадь. Айғыр (жеребец, производитель) – бие (кобыла) – кұлын, тұматай (жеребенок).

(Опять-таки о многочисленных разновидностях по разным параметрам речь здесь не идет).

Овца. Қошқар (баран-производитель) – овца-матка – козы, қошакан, бағлан (ягненок).

Коза. Теке, шікіраз – ешкі – лак.

Собака. Сырттан, төбет, байтөбет – қаншық, өлекшін – күшік, итакай.

Гусь. Атаказ, аталық – мамаказ, ұрғашы қаз – мамыр, балапан.

И т.д.

Три примера из разряда диких животных.

Медведь (аю) – Макат, матай, сіті – кірекей, абак, мердек – конжық, апанақ, мердек.

Лев (арыстан) – Абадан, күркіреуік, сырттан, ызақор-қаншыр, лэйза – абдан, абадан, теңбілше.

Тигр (жолбарыс) – Жолбарыс, шері – өлекшін, мадашөңжік, сарымақ (сармақ).

И т.д.

Далее следуют названия самцов, самок и детенышей барыс, кабылан, сілеусін, шағал, түлкі, құндыз, борсык, ақкіс, қоян, суыр, құлан, бұлан, бұғы, марал, елік, арқар, тауешкі, киік, доңыз, итбалық, жылан, ақку, бүркіт, қасқалдақ, қырғауыл, көкек, тасбақа, бақа, бекіре, княз. Сотни слов, большинство которых я, например, не знал и не знаю. Думаю, по этой части почти все коренные казахи ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку».

Отдельно приводятся казахские названия, относящиеся, скажем, к волку, собаке, лошади, верблюду, ишаку, кролику и т.д.

Вот слова по теме «верблюды»:

айыр, акбақ, акбалдақ; акбота; акбура, алабас, алаша, аруана, атан, атанша, бәкір, бекпатша, бозым, бота, ботакан, божығай, бура, буыршын, бұзбаша, бүлдіршін, біртуған, біртума, жамал, жампоз, жар, жарбай, желмая, жонбай, жөн, кезнар, кейуана, келе, кердері, көшек, күрт, каймал, кайыған, қайымалы, қолбағай, қаптағай, карабура, каранар, қаю, қолбатша, колкан, қоршау, қоспақ, құлпатша, ләкір, лөк, маз, мая, нар, нарбота, нартайлақ, нарша, ойсыл, сарша, сарыатан, сактан, тайлақ, теге, торым, тумыш, түйе, түс, түсайыр, үлек, шау, шомак, інген и т.д.

Слов по теме «лошадь» я насчитал в труде Аскара Смагулова 85, по теме «корова» – 34, по теме «овца» – 48, по теме «коза» – 25. И везде автор заканчивает перечисление пометкой т.б., то есть и т.д.

– Разумеется, такое обилие «животных» слов вы не встретите ни в русском, ни в других европейских языках. Привет тем всезнайкам (по-немецки: Klugscheib. Ну, лежали мы рядом, что-то говорим, еле дышим. И вдруг я решился...

– Ия, бәсе! Қалай болды?

– Я уже весь напрягся, а она тут говори: «Нет. Не надо. Ұят болады»

– Ну, и?

– И я обмяк, потух.

– Қап! Ах, досада! Если женщина говорит: «Нет», это означает «Да». Если говорит: «Не надо», значит – «Надо».

– Но я, дурачок, тогда этого не знал. Только позже понял.

– Ай, ахмак! Такую возможность упустил...

– Да-а... До сих пор сожалею, хотя уже шестьдесят лет прошло.

И старики захихикали, бросая долгие взгляды на спящих мимо женщин.

* * *

– Какой-то мудрец сказал: «Самое опасное – большая власть маленького человека».

– Вы о Путине?

– Не только. И вовсе не рост имею в виду.

– Да, и среди рослых встречаются дураки.

– А в дураках нигде недостатка нет.

* * *

– Как называется твой первый роман? – спрашивает мой компаньон по прогулкам.

– «Дом скитальца», – отвечаю.

– Как? Как? «Дом с китайцем»?

– Нет. «Дом скитальца». «Дом с китайцем» еще впереди.

– Хе-хе-хе...

– У тебя сколько комнат?

– Три.

– А живете?

– Вдвоем с байбише.

– Придет время и в твоей квартире будут жить пятнадцать китайцев.

– Астафиралла!

– Вот тогда и появится роман «Дом с китайцем».

* * *

Давняя знакомая, доктор филологии, профессор Бакыт Кәрібаева опубликовала в «Қ.Ә.» (23.08.13) шикарное эссе-воспоминание «Тәкен» – об известном прозаике, поэте Т.Әлімқұлове. Прекрасный слог, подлинно казахская языковая стихия, тонкие наблюдения, широкий охват литературного бытия, психологизм, культура изложения, искренность – вот из чего соткано это эссе. Прочитал

с большим удовлетворением, тем паче и герой эссе, и атмосфера тогдашнего Алматинского Дома творчества мне памятни.

Не могу сказать, что Такена Алимкулова я знал хорошо. Я его многожды видел в Центральном доме литераторов в Москве, в окружении завсегдатаев писательского ресторана, за шахматной доской в фойе (он был искушенный, заядлый шахматист), потом – в Алматы, в Союзе писателей Казахстана, чаще всего в баре «Каламгер», иногда на трибуне съездов и пленумов. Мне он казался мрачным, холодным, неприступным, строгим, придирчивым, неуживчивым, непредсказуемым, задиристым, неуютным, нелюбезным.

Творчество его я знал, восхищался его природным сочным казахским языком, его лирико-психологической прозой, его блистательным исследованием об Абае – «Жұмбақ жан». Он и сам был загадочной душой – жұмбақ жан. Я инстинктивно тянулся к нему, он манил своим мрачным шармом, но был закрыт, замкнут, и я понимал-догадывался, что для него я слишком мелкая сошка. Он был строг, исключительно требователен и к моим старшим друзьям – Ахтанову, Нурпеисову, Кабдолову. Возможно, порой несправедлив. Они, кажется, платили ему той же монетой.

Однажды мы очутились рядом за стойкой бара в Союзе писателей Казахстана. И я вежливо поздоровался: «Ассалаумагалейкум!» Он насупился, выдержал паузу, буркнул: «Здравствуйте». Я сказал ему еще несколько казахских фраз, но он ответил немногословно только по-русски. Я подсадовал на себя: черт меня дернул заговорить с ним. Держался бы подальше...

Разговор не клеился. Казалось, он меня в упор не замечал.

Он отхлебнул из фужера с коньяком и сказал:

– Я вообще-то Вас немного знаю. Вы прилично говорите по-казахски.

Я был тогда молод и глупее, чем сейчас. Слово «прилично» мне не понравилось. Мне все вокруг твердили, что казахским я якобы

владею хорошо. И я тому поверил. Мне почудилось, что Таке меня явно недооценивает.

Теперь-то, многие годы спустя, я понимаю, что «хорошо» знал язык сам Такен и «прилично» в его устах было для меня высшей похвалой. Дай-то Бог, чтобы я вообще-то знал что-то прилично.

Такой вот эпизод.

Знаю: Такен был крупной, колоритной, незаурядной личностью, очень самобытен, исключительно образован, масштабен, своенравен и трагичен, одинок.

О том мне и подумалось, прочитав проникновенное эссе чуткой Бакыт Кәрібаевой.

* * *

В теплую пору года имею обыкновение ночью некоторое время стоять на балконе и взирать на небо, на луну, на одинокие, еле мерцающие звезды.

На память мимовольно приходят лермонтовские строки:

– Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Диву даюсь: как могли прийти в голову Поэта эти чарующие, полные тайны, необъяснимого очарования слова про «кремнистый путь», про спящую землю «в сиянье голубом», про небес, где «торжественно и чудно». Вот уже 172 года эти слова бережат душу любого сознательного человека. И перед каждым мыслящим существом неизбежно встает вопрос: «Жду ль чего? Жалею ли о чем?»

Каждый о чем-то неизменно жалеет за свою земную жизнь.

И мне пришла в голову мысль: издать бы карманного формата молитвенник таких проникновенных стихов, как, скажем, лермонтовское «Выхожу один я на дорогу», или пушкинское «Я вас

любил...», или фетовское «Шепот. Робкое дыхание...», или тютчевское «Я встретил вас...», и так по одному-двум стихотворениям из Блока, Есенина, Евтушенко («Идут белые снега...» Слава богу, у русских недостатка в великих поэтах никогда не было. Ну, и носить бы с собой этот сборник-молитвенник, затвердить его наизусть, постоянно шептать-выдыхать эти божественные строки, призывающие человека к гармонии с Идеалом, с Абсолютом, с высшей нравственностью. Тогда-то, мерещится мне, человек, возможно, и очистился бы от всякой скверны.

И такие сборники-молитвенники мог бы иметь каждый народ на своем материнском языке.

* * *

Когда мне перепало от властей или каких-либо организаций некая награда, премия или звание, мой отец, Карл Бельгер, каждый раз внушал мне: «Помни: тебе это дают авансом. Ты это должен еще отработать».

Мне отцовское наизидание не всегда бывало по душе. Это что еще за авансы? В долг, что ли, беру?

Отца не стало. А награды-марапаты и ныне иногда случаются. И я всякий раз вспоминаю про аванс. Зачем он мне? Чтобы отчитаться в судный день перед Небесной канцелярией?

* * *

С некоторых пор ловлю себя на том, что чего-то не хватает в казахстанском обществе, вроде как бы скучно стало. Думал, думал, в чем же дело? Наконец, осенило: да в том, что из Казахстана исчез его затейник-соловей-златоуст-плетун Ертысбаев. Даже имя его с трудом вспомнил – Ермухан.

Этот дважды «ер» своими интервью уж больно забавлял-веселил казахский люд. Может, он теперь грузин смешит? Отсутствие

его весьма чувствуется: СМИ заметно потускнели. Пора бы его вернуть. Без его советов, чувствую, и Президенту стало как-то не по себе...

* * *

Скорбная весть о кончине Ивана Павловича Щеголихина настигла меня в больнице, добавляя страданий... Я знал, что он тяжело и безнадежно болен, изредка названивал ему, старательно избегая тему болезней. Говорили главным образом о литературе, издательских делах, нынешнем невеселом положении писателя, распространении книг, скудных тиражах. Он обладал ясной, четкой дикцией, слова произносил ровно, весомо, мгновенно схватывал суть темы, и всегда чувствовалась в нем благородство, деликатность и духовность. Читал он в последние годы меньше: подводило зрение. Говорил: «Разбираю архив».

Я многим ему обязан и в личном, и в творческом плане. Еще в 1964 году, когда писатель Абдижамил Нурпеисов привел меня в редакцию журнала «Жулдыз», Иван Павлович, забредя как-то в нашу просторную комнату, помню, очень удивился тому, что я говорю и пишу по-казахски. А меня поразила его внешность: высокий, стройный, подтянутый, немного вальяжный, степенный, добротный, как ныне говорят, упакованный, при галстуке, с трубкой во рту.

Мы потянулись друг к другу. Мне тогда были известны две его книги: «Снега метельные» и, кажется, «И снова утро». А я в то время ходил всего лишь в «подстрочниках», неустанно толмачил казахскую прозу на русский язык, и моим казахским тамырам хотелось, чтобы я таковым и остался. На подстрочники, изготовленные мной, был спрос, и московские «обработчики» меня шустро правили, а меня эта роль все более тяготила: хотелось самому переводить художественно и испытать себя в прозе и критике. Однако уверенности не было. И именно в эту пору меня активно

поддержал Иван Павлович. Он сам выбрал меня в сопереводчики, и мы совместно перевели роман Хамзы Есенжанова и две-три повести Ныгмета Габдуллина.

Позже, когда я передал ему десяток своих первых рассказиков на – по-немецки говоря – «Gutbeachtung», он обстоятельно со мной поговорил и написал своим четким почерком отзыв. В нем отметил, что сейчас эти рассказы «непроходимы» (они касались извилистой судьбы российских немцев), но придет, дескать, время – и их, мол, опубликуют, и при этом Иван Павлович особенно подчеркнул, чтобы я верил в себя – да, да, непременно верил и продолжал писать. Как же сильно он меня ободрил! Я поверил этому доброму, сильному русскому человеку. Одну из рекомендаций для вступления в Союз писателей дал мне Иван Павлович. Я это помню и этим горжусь.

Потом мы пребывали членам бессчетных общественных комиссий, комитетов, союзов, фондов, объединений, много общались, делились впечатлениями о событиях в стране, политике, литературе. Наши мнения, случалось, не всегда совпадали, и Иван Павлович, бывало, шутя говорил: «Вы прогрессист, а я ретроград. Как-никак я ведь на семь лет старше». А мне было по-прежнему интересно и приятно с этим внушительным, уравновешенным «ретроградом».

В 1994 году мы оба были избраны депутатами Верховного Совета Казахстана XIII созыва. Работали в одном Комитете и встречались каждый день. Я часто заходил в его кабинет, и мы подолгу беседовали, давали интервью газетам, радио, телевидению. На столе Щеголихина всегда лежал диктофон, и он «наборматывал» какие-то фрагменты своих будущих статей и повестей. Записывать было недосуг.

Время то было крутое, шумное, противоречивое. Иван Павлович, однако, не суетился, не шарахался, не колебался, держался твердых гражданских позиций, рассуждал твердо и здорово. Он

был истинным казахстанцем, даже родился в Костанае (я-то уроженец г. Энгельса Саратовской области), любил, уважал все подлинно казахское, популяризовал казахскую литературу, переводя многих писателей на русский язык, высоко и искренне отзывался о казахах, ратовал за казахскую литературу и язык. Эта его неизбывная любовь отразилась в его прозе, публицистике, эссеистике.

Он уехал в Астану, продолжал депутатствовать в Мажлисе и Сенате Парламента. Я же следил за его творчеством из дома, читал его очерки, статьи, воспоминания, выступления, писал рецензию на его швейцарскую повесть. А когда он вернулся в Алматы, наши контакты, большей частью телефонные, возобновились.

Он написал много книг. Читатель, надеюсь, их помнит. Не буду здесь их перечислять. Поднимал острые, злободневные вопросы, писал увлекательно, живо, тяготея к реализму, психологизму, к публицистике и очеркизму, умело строил сюжеты, зримо обрисовывал типы и характеры, отражал социальную жизнь, следовал реальности. Жизнь он знал в многоцветии, о чем свидетельствуют его автобиографические романы и дневники.

Он долгие годы работал в журнале «Простор», именно в его звездные годы, когда в нем сотрудничали И.Шухов, А.Белянинов, Н.Ровенский. Г.Черноголовина, Ю.Герт, М.Симашко, В.Антонов...

Прекрасная была пора!..

Он знал себе цену, очень дорожил честью и достоинством. Однажды, когда один доморощенный «классик-корифей» пытался было прилюдно давить на его психику, навязывать свою волю, Иван Павлович резко проронил: «Хамства не потерплю!» и тотчас покинул сей элитный клуб. Навсегда!

А перед моим взором неизменно стоит картина: к парадному подъезду Союза писателей Казахстана мягко подкатывает до блеска начищенная машина (марку забыл), из нее выходит броский, с иголки одетый молодой, импозантный Иван Павлович Щеголихин, надежно бросает на заднее сидение плащ и, попыхивая

трубкой, медленно, уверенно поднимается по ступеням на второй этаж...

Прекрасный писатель.

Красивый человек.

Я любил его.

* * *

Главная проблема в Казахстане, на мой взгляд, – воспитание свободного человека. Мы до сих пор пестуем-воспитываем рабов-котляков.

* * *

У меня есть знакомые, у которых стиль жизни – ничего не делать и ни за что не отвечать.

* * *

Многие министры Назарбаева явно не на своем месте. Слава богу, что я никакой не министр и вообще чье-либо место не занимаю. Министров нужно не назначать, а обязать временно, как наказание.

* * *

Есть у моего любимого Германа Гессе эссе «Старость». Оно написано писателем в том возрасте, в котором я пребываю нынче (79 лет). Эссе написано мудрым человеком, славно потрудившимся и многое пережившим. С Германом Гессе я могу себя сопоставить только годами и обретенными недугами, ощущением груза лет.

Цитирую: «Старость – это ступень нашей жизни, имеющая, как все другие ее ступени, собственное лицо, собственную атмосферу и температуру, собственные радости и горести». И еще цитата: «Короче, говоря: чтобы в старости исполнить свое назначение и

справиться со своей задачей, надо быть, согласным со страстью и со всем, что она приносит с собой, надо сказать ей: «да». Без этого «да», без готовности отдаться тому, чего требует от нас природа, мы теряем – стары или молоды – ценность и смысл своих дней и обманываем жизнь».

О, да... я полностью с этим согласен. А куда, собственно, денешься?

И я чувствую ныне свою старость, изнуренность. Но больше телом, плотью, чем духом.

Наверное, это знакомо большинству моим сверстникам.

В письме Томасу Манну Гессе пишет:

«Таков важнейший внешний повод для моего скверного состояния. К этому прибавляется физическая слабость: трудно жить, когда годами не бывает буквально и дня без боли, причем боли не в коленях, в пальцах ног или спине (с подагрой, ревматизмом и т.п. я всегда без особого ропота справлялся), а в глазах и в голове». (от 25.10.1946).

Я ныне – тьфу-тьфу! – пока немного шкрябаю пером, читаю, глотаю изрядно лекарства, придерживаюсь строгому режиму, поскрипываю, одним словом, на экран не лезу, стараюсь никому глаза не мозолить и благодарю судьбу за каждый осмысленно прожитый день.

С кем, главным образом, общаюсь? С Гете, с Томасом Манном, Германом Гессе, с Львом Толстым, с мудрецами – философами. Они меня утешают, ублажают. Убедился в мудрости казахских «тәуба, тәуба» и «шүкір, шүкір».

* * *

В моем возрасте здравомысленно никого не судить. Какое мне дело до всех, до вас? Да и учить кого-либо глупо. Чему учить? Пусть все живут, как хотят. Все равно дурак мудрецом не станет.

Познакомился я с этим старцем – по фамилии Кузнецов – лет, дай Бог памяти, 13-15 назад. Когда меня с очередными сердечными делами «Скорая» доставила в больницу (в просторечии «совминовскую»), я встретил его – из-за отсутствия мест в палате – в каком-то служебном помещении, и он мне сразу сообщил, что сегодня ему исполнилось 94 года. Помню, я тогда сильно удивился.

Дня через два подселили его ко мне в палату, и я узнал, что он теплотехник и зовут его Виктор Григорьевич.

Мне он понравился: сухопарый шепутной старичок, неуклюжий, суетливый, немного назойливый, добрый, речистый. Шаркал из угла в угол, что-то все перебирал в котомке, что-то бормотал и обо всем, что говорил, тут же забывал.

Я с трудом переношу больничное соседство, но этот старец меня не раздражал. Его приглашали в процедурную на укол, а он шел в столовую на обед, забыв, что только-что позавтракал. Туалет навещал каждый полчаса, не помня, зачем сюда зашел. Все хватал, все ронял, палату свою никак не запоминал. Случалось, вваливался в соседнюю женскую палату и удивлялся, что вроде на его койке разлеглась какая-то баба. Осознав свою ошибку, смеялся над собой.

Говорил беспрестанно, часто сам с собой. Имя мое было ему непосильно. Называл то Георгием, то Героем, то Рамуальдом, то Рейгардом.

Жена его скончалась три месяца назад. Ей было без 50 дней 85 лет. Вот эти «без 50 дней» старик постоянно твердил с сожалением. С тем, что жена прожила всего 85 лет, старик, видно, смирился, а то, что не дотянула она до 85 лет пятьдесят дней, ему покоя не давала. «Все равно жалко», – вздыхал он. Пенсию она получала 2857 тенге. У самого пенсия 8500. Теперь живет с дочерью. Ее пенсия 3000. Этими данными он поделился со мной сразу же. Я рассказал

ему, сколько получаю госслужащие и депутаты. Старик задумался: «А Назарбаев говорит об единстве. Какое может быть единство, когда такая разница в доходах? За что такую пенсию получает секретарь? За какие заслуги? Надо отменить льготы».

Через паузу он говорил: «Вы все только ругаете царскую Россию. А там много хорошего было. Какой самогон? Царская Россия за это карала. У нас в Костроме самогона не было».

Другая его неизменная тема: «У нас подхалимы и фанатики в большой дозе. Мертвецов и тех грабят. Все воруют».

Он был на похоронах Маяковского. Видел его в гробу. На рабфаке учился с Иваном Шуховым. «Несерьезный. Неряшливый был». А у Маяковского жена была Брик. Лия ее звали.

В шутку я спросил: «Крепостное право не помните?» Нет, крепостного права не помнил. Но золотой пятак, выпущенный в 1861 году, еще видел. И праздник по случаю 300-летия Дома Романовых помнил хорошо.

Вдруг заговорили о Храпунове, бургомистре Алматы.

– Он старается.

– Что?

– Ста-ра-ет-ся, – почти кричу.

– А-а... из Тараза...

– Да нет... Ста-ра-ет-сяяя.., – надрываюсь.

– Из Саратова?.. Из Кустаная?..

Рассказывает: «Я видел Павлова – маленький такой старичишка. Говорил: не пей, не кури, доживешь до 99-ти. А сам прожил 89. Видел я его в Ленинграде...»

«Что-то мухи ко мне липнут. Неужели уже разлагаюсь?.. Пойду в субботу домой, в ванне помоюсь. А то даже грибами пахну...»

– Где я мог простудиться? У бабушки на печке...

– В 37-ом язык за зубами держал и ничего. А брат болтун был, попался, начальник тюрьмы списал его на мертвеца... он потом по

ложным документам в Узбекистане прятался. В 28-32 годах много студентов забирали. До 29-го года ничего жизнь была. Много стучащей. Сталина живым не видел, а мертвого видел... Он в Кремле лежал, в Мавзолее, рядом с Лениным... Нет, спортом никогда не занимался, а работой занимался...

За окном дождь лил, лил и перешел в снег. «Снег выпал», – говорю старику. Он тотчас отзывается:

– «Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...»
А дальше не помню. Плохая память.

Я подсказываю.

– «Его лошадка, снег почуя...»

– Да, да! Вот вы помните... – И продолжает: – Плетется рысью как-нибудь...» Сына он назвал Сашкой, был генералом...

– Кто?

– Да Пушкина сын, Сашка... Работал я в Казгоре. За время, пока я на пенсии, выросло целое поколение. Что я не люблю по радио, так это буги-вуги. Другое дело, когда передают Шаляпина, Лемешева. Самородки! А буги-вуги не терплю...

Многое наговорил-порассказал 94-летний старец Кузнецов за дни нашей лежки в больнице. Теперь жалею, что не записывал все его монологи. Да-а... должно быть, он давно помер.

* * *

Мои сведения о философе Григории Померанце довольно скудны. Знаю: его довольно долго держали в тени, в ежовых рукавицах. И скончался он в глубокой старости, около ста лет.

И вот три или четыре вечера подряд по каналу «Культура» передали беседу Померанца и его супруги, автора «Философских этюдов» Зинаиды Миркиной. Любопытно, сложно, порой мудро рассуждали они на камеру о бездне в романах Достоевского, о божьем свете, о нравственных терзаниях героев русского худож-

ника-мыслителя, об их страданиях, метаниях, старостях и откровениях. Престарелый философ (ему во время записи было 95 лет) рассуждал монотонно, напряженно, глухим, суховатым голосом, читал отрывки из своей книги, перебирал исписанные листки, временами его дополняла, комментировала, разъясняла умная, раскованная, очень убедительная жена, и слушать все это было не всегда понятно, но интересно.

Немного позабавило меня их глубокое рассуждение о том, что, мол, надо обнажать не тело, не плоть, а душу, сердце, ибо только в этом предназначение человека и смысл познания.

Я подумал: это верно, но когда и как. К чему, скажем, двадцатилетней ядерной девахе, обнажать свою душу и сердце? Душа еще не созрела, да и сердце, скорее, пустое. Она лучше обнажит свое тело – лицо, грудь, ноги, попу в пределах возможного. Ей важно себя именно так демонстрировать, чтобы ей любовались, восхищались, чтобы ее вожелели. А старухе своего дряхлого, бесформенного, вялого тела обнажать вовсе ни к чему, вот она и обнажает свою душу и сердце, если у ней, разумеется, они есть и если в них есть, что показывать. Так что тезис Григория Померанца и его мудрой спутницы-жены явно сомнителен.

Вспомнилось по этому поводу реплика одного казаха-острослова. Глядя в магазине «Океан» на плавающих в бассейне рыб, он спросил у продавщицы: «А рыба свежая?» «Но вы же видите, она живая!» – воскликнуло продавщица. Казах ухмыльнулся: «У меня жена тоже живая, но никто не скажет, что она свежая...»

А ночью мне приснился шуплый философ-одуванчик Померанц. Мы вдвоем рассматривали, листали какие-то древние фолианты. Философ знал все эти тексты, пространно, витиевато рассуждал о них, а я только хлопал ушами, сгорел от стыда, ибо ничего не знал, не читал и чувствовал себя ужасно неловко и удрученно. Лишь проснувшись, избавился от тяжелого наваждения.

* * *

Человек был маленький-маленький, а власть имел большую-большую. Все видели: человек действительно маленький, но все боялись большой власти.

Вот так и жили. Одни молчали, другие дрожали. А маленький человек вершал судьбы.

* * *

Экс-министр образования и науки Жумагулов был мне всегда глубоко антипатичен. И деянием, и обличем, и тусклой речью. Он был серенький чиновник из разряда «жай пысык» на каких бы креслах не восседал. Говорили, что он математик, доктор наук, ну – и само собой – академик (кто у нас ныне не академик?), однако, интеллект в нем хромал сильно. Но приятно поразил он меня вот чем. Когда он неожиданно узнал – уже на исходе дня, – что его лишили министерской должности, он, одереженев лицом, кривя прыгающие губы и вытаращив глаза, дал журналистам короткое интервью и, должно быть, находясь в глубоком нокдауне, дважды пролепетал слово «Абсурд». И заключил: «Вот и все!»

Вот это слово «Абсурд», на которое все слушатели обратили внимание, видимо, сам господь-бог вложил ему в уста, ибо этим словом он исчерпывающе точно определил состояние в государстве и обществе. Вот за это математически точное определение, которое он выдал за всю свою тусклую жизнь, я готов быть к нему более снисходительнее.

* * *

«Нур Отан» обзавелся доктриной. Странно! И то, и другое – миф.

* * *

Каких только фортелей не выкинешь, если финансы позволяют? Люди-то, чай, не бедные. Пусть тешатся. От дурных денег бывает шалеешь. Не так ли?

Однако, я совсем не о том.

Я о гордом сыне Кавказа Вахтанге Кикабидзе. Славе своей он всецело обязан России. Но когда в укор России он встал в позу и отменил свой концерт в Москве, наши казахстанские газеты захлебнулись от восторга: мол, вот джигит, истинный азамат, гордый гражданин, выше всего ценит честь и достоинства грузин. Пай-пай! Ах, ах! Вай-вай!

И что?

Примчался этот гордец, славный кавказец, несмотря на преклонный возраст и недуги, на свадьбу саруарского жиена ради крохов с барского стола и порадовал избранную публику своим вконец охрипшим искусством.

Ал, не дейсің?! Где остались благородство, честь, достоинство, принцип, гонор, самолюбие, чванство?

Пшик!..

Или вот престарелый московский Лев эстрады, который из года в год с большим патриотическим накалом поет «День Победы».

Тоже как на крыльях прилетел, соблазнившись халявой.

О Галкине, Хазанове, Гришаевой, Лолите какая речь? Они из разряда «ты свистни, тебя не заставлю я ждать».

Не будем к ним строги. Эти божьи пташки, массовики-затейники, склюют любое зернышко.

Есть такой бишаринский люд – артисты, певцы, художники, акыны-акынчики, – которые искони вынуждены промышлять своим даром. Ничего не поделаешь. Акша правит миром.

Но если ты на сцене, скажем, играешь хана-правителя, или короля-властелина, или трагического Абая, или храбреца-батыра, или патетически поешь гимн страны, или «День Победы», «Вставай, страна огромная», «Офицеры», «Бухенвальдский набат», или кичишься своим патриотическим реноме, а сам стоишь в подворотне или ошиваешься в коридоре власти с протянутой рукой, то,

согласитесь, сложно рассуждать о высоких нравственных материях. Что-то не стыкуется, не гармонирует.

Вспоминается убийственная фраза экс-премьер-министра Казахстана Акежана Кажегельдина, произнесенная им в 1994 году с трибуны Верховного Совета перед депутатами XIII созыва. Я ее запомнил и записал: «Нет такого чиновника, которого нельзя было бы купить».

Фраза показалась мне тогда дерзкой, эпатажной, циничной, теперь-то я убедился: о, да, чиновников у нас можно купить за понюшку табака, о чем каждый день свидетельствуют обладатели высоких кресел. Вор на воре сидит и воров погоняет. Президент уже вдрызг умучился, один сражаясь с многоголовой прожорливой гидрой коррупционеров.

Но у людей высокого искусства должен же быть иной удел. Опять-таки не у всех, конечно. У избранных. И они, и люди должны это всегда и неизменно знать. Иначе как? Иначе жизнь превратится в сплошной торгашеский балаган.

Или мы с этим уже смирились? И, выходит, я неправ? Рассуждаю старыми категориями? Отжившими идеалами? А жизнь потекла иным руслом? И человек изначально грешен и весь погружен в пендешество?

Уай де! Ойдойт!

* * *

«Московская немецкая газета» (№ 14/2013) уверяет, что сегодня в Германии насчитывается около 3 млн переселенцев из стран-республик бывшего Советского Союза. В России проживает около 400 тысяч российских немцев, в Казахстане – около 200 тысяч этнических немцев!

Солидные показатели!

Надеюсь, среди них и я числюсь. Или я остался ныне только в божьем списке?..

И еще сообщение: «В середине лета в Германии была зарегистрирована новая организация немцев-переселенцев из стран бывшего Советского Союза – Федеральный союз немцев из России (Bundesverband der Deutschen aus Russland e.v). На учредительном собрании, состоявшемся в конце июня в Аугсбурге, председателем Союза был избран депутат местного городского совета Юрий Гейзер, заместителем – Вольдемар Акст, долгое время работавший исполнительным директором Землячества немцев из России. Штаб-квартира Союза будет располагаться в Мюнхене».

Среди учредителей этого Союза я обнаружил и знакомые фамилии.

Меня это радует. Значит, российские немцы не совсем растворились, а дают о себе знать в разных сферах бытия.

Он казах, небесный тюрк

Я узнал его как самобытного, эффектного переводчика мятежного поэта Махамбета, сподвижника повстанца Исатая. Помню: меня «зацепило» само название книги – «Стихострелы». Аналог казахского «Жыр-жебе». Книга эта вышла лет десять тому назад, и блистательное предисловие к ней написал чуткий ко всякой новизне Имангали Тасмагамбетов.

Махамбет олицетворяет собой гордый и свободный дух казахов, он радетель национальной независимости, несгибаемый боец за свободу, бунтарь с нежной, сострадательной душой, клубок ярости, непокорности непримиримости к врагам.

Именно так я оценил переводы Махамбета на русский язык, осуществленные атырауцем Бекетом Карашиным.

Со временем я открыл для себя и другие грани его таланта. За эти годы Бекет развернулся во всю свою творческую мощь.

Знаю, что он обрел доброе базовое образование, закончил философско-экономический факультет КазГУ, аспирантуру института философии и права Академии наук КазССР, много читал, преподавал, размышлял, творил, ярко проявил себя на общественной, литературной стезе.

Он масштабен, концептуально устремлен, всю свою сознательную жизнь напористо и успешно занимается проблемами философии, поэзии, художественного перевода, тюркологии, истории, лингвистики, экологии.

Я знаком с его книгами «Махамбет. Стихострелы», «Махамбет елі», «Бейбарс: эпоха и личность», «Запоздалые стихи», «Рыцарская поэзия казахских жырау», «Почтение земли: поклон человеку», а также с разными публикациями (эссе, стихи, исследования, переводы) в периодике.

Он отличается острым гражданским чутьем, не занимается конъюнктурой, лакировкой, литературным «уфит-суфитом», «ахалай-махалаем», а затрагивает насущные проблемы настоящего бытия, видит их в исторической и философской перспективе.

Настоящий нувориш
Оставляет кошке мышь.
А вот наши «нуворишки»
все смели: от игл до шишки.
Ну, воришки, клад зарыли,
а пушок смахнули с рыла?

Он умеет язвить, больно щипать, горько усмехнуться.

«Homo homini lupus est» –
Сильный слабого все так же ест.
В обществе нашем доминируют стаи,
от крупных хищников до горностаев.

И не боится ставить вопрос ребром, руководствуется гейневским постулатом: «На проклятые вопросы дай ответы мне прямые».

Реки мелеют,
Сер небосвод,
Страна богатеет,
Нищает народ.
Лозунги реют:
«Независимость!»,
«Равенство!» –
Сплошное «брависсимо!»,
Сплошное празднество!
Лозунги реют:
«Братство!»
«Свобода!»
А где же богатство,
благо народа?

Я здесь говорю не о лирической, а гражданской направленности, мировоззренческой позиции Бекета. Мне нравятся эти круто замешанные, лапидарные строки, своеобразные «ксении» в гетевско-шиллеровском духе.

По душе мне и его философско-патриотические мотивы. Ему, к примеру, принадлежит яростное, поистине махамбетовское стихотворение-манифест «Я – казах», в котором охвачена национальная суть в историческом разрезе. Стихотворение длинное, и я вынужден здесь ограничиться лишь несколькими строками:

Я не набожный монах,
Небо-Тенгри – мой Аллах,
Глядя ввысь на синеву,
восклицаю: «Я – казах!»

Много я врагов знавал,
битым был и правил бал,
потому-то я – казах,
вольный был, свободным стал.
Я от воли до свободы
претерпел и смерть, и роды,
но до истинной свободы
мне нужны эпохи, годы.
Мне неведом мелкий страх,
даже мой несчастный прах,
с того света все ревёт
гордый клич мой: «Я – казах!»

Философичность, склонность к широкому и глубокому охвату темы вообще характерны творчеству Карашина. Совсем недавно я имел возможность ознакомиться с его пока еще не опубликованной поэмой «Черный квадрат», навеянной известной картиной Малевича, и в той поэме в развернутом виде охвачены глобальные проблемы нашего драматического бытия.

Особо хотелось бы мне отметить его филологические, этимологические изыскания в области тюрко-казахского речестроя. Книгу Карашина «Почтение земли: поклон человеку» я часто и охотно читаю, восхищаясь (а иногда сомневаясь) его историко-лингвистическими трактовками обиходно-бытовых слов. Это увлекательное чтение: тюркология, лингвистика, сопоставительная грамматика меня привлекают со студенческих лет.

В этой области Бекет заметно находится под влиянием историка-языкознатца-этимолога Олжаса Сулейменова. Кстати, упомянутая выше книга приурочена к 70-летию знатного казахского поэта и лингвиста.

О чем речь?

О цикле эссе «По тропе Олжаса», «Тюрк и Я», которые сотканы из множества лапидарных очерков, миниатюр, заметок, реплик, мимолетных зарисовок. Назову здесь несколько характерных, пронизанных знанием истории, лингвистики, философии, литературоведения: «Тюркское слово», «Волки и их потомки», «Гнездовые людей», «Шумеро-тюркские мотивы в библейских историях», «Жаркое из тюркизмов или От озарения до прозрения» и др.

Один пример из типичных наблюдений и выводов Бекета: «Слова жар, йар, зер, зар принимали участие в образовании массы, как тюркских слов, так и тюркизмов. Имеются следующие тюркские слова и их сочетания, «проЖАРенные» этими этимонами.

В кипчакском диалекте: ЖАРык (свет), ЖАРкын (лучезарный, светлый), ЖАРк-жүрк (искриться), ЖАРк ету (засверкать), ЖАРия болу (стать известным), ЖАРиялау (объявить, обнародовать), ЖАРкыл (сверкание), ЖАРкыным (светик мой), ЖАРкырау (блестеть, сиять), ЖАРшы (глашатай, вестник), ЖАРлык (распоряжение, приказ), аЖАР (озарение человеческого лица, его приятный цвет и лоск). В свистящем диалекте: ЗЕР, ЗАР (внимание).

Из этих светлейших основ возникли тюркизмы: жар, жара, жарко, жаркое, жар-птица, жаренный, жарить, жаровня, жарынь, заря, зарево, зарница, зардеться, зарозоветь, озарение, зрение, прозрение, зрелище, воззрение, зритель, зрелище, зрачок (по-тюркски – зер + очок, что буквально означает: «внимание открыто»))» (стр. 132-133).

Или вот Бекет рассматривает батальные слова «батальон», «батарея», «баталия» и расшифровывает их так:

Аты-баты
от команды,
их родил язык войны.

Аты-баты

«тюрюковаты»:

ат – стреляй, а бат – тони (стр. 156)

Слова «кольчуга», «колчан», «чехол», «кобура», «забрало», «забор», «маска», «колокол», «торба», «баул», «карман», «стяг», «ярлык» он относится к тюркским корням, толкуя, объясняя, доказывая, делая ссылки на громкие авторитеты (М.Кашгари, В.Бартольд).

«Лошадиную» терминологию он сплошь связывает с тюркскими словами: лошадь – йолшы ат, караковый «кара», чубарый – шұбар, буланый – бұла, чалый (чал – пестрый), узда – ұста, ауызда.

Убедительными показались мне его этюды-толкования слов и выражений: «хомут», «телега», «тарантас», «таратайка», «колымага», «коляска», «алтын», «монета», «соловей-разбойник», «баба-Яга», «Змей Горыныч», «Карабас-Барабас», «Серый Волк»...

Иногда свои лингвистические разборы он подытоживает в стихах:

Словом, в сказках Соловей
не певец и не солист,
он – разбойник и злодей,
издававший жуткий свист.
Соловей совсем не птица,
он – степняк, кипчак, огуз,
и грабитель, и убийца,
от него стонала Русь... (стр. 196)

Философско-лингвистические этюды Карашина заставляют думать, вникать в природу слов, находить диковинные корни, понять взаимосвязь и взаимовлияние культур и языков.

Читать Бекета Карашина увлекательно и поучительно.

С любопытством и восхищением ознакомился я с «Резюме» моего давнего знакомого. И только диву давался: сколько же у него наград, премий, дипломов, которыми за труды удостоили его Казахстан, Россия, Германия, Болгария, Италия, Австрия, США, в каких только странах не издавали его произведения, автором сколько десятков книг и сборников он только не является!

Надо же: обо многих этих факторах я и представления не имел и слыхом не слыхал.

Тем больше я испытываю радость и гордость за него.

Вспору литературоведам заняться «карашиниадой». Для размышления и осмысления он уже выдал немало материала.

Я воспринимаю его как даровитого младшего брата и пишу эти вольные, сумбурные строки, дабы поздравить Бекета Карашина с шестидесятилетием и сердечно пожелать ему новых свершений во всех гранях его незаурядной личности.

сентябрь 2013 г.

Искаженный портрет

Возможно, читатель мой знает о моем равнодушии к жизненному пути, творчеству и судьбе русского писателя Александра Исаевича Солженицына. С 1962 года, с момента появления «Одного дня Ивана Денисовича», я его большой и верный поклонник. На почетном месте стоят его несколько книг, которые время от времени перечитываю, заряжаясь волей, упорством и энергией. Помню тот день, когда с горящими глазами заявился ко мне уникальный Аскар Сулейменов, и мы несколько часов, перебивая друг друга, с восторгом говорили о писателе, который ярко и яростно, напористо-убежденно восстал против набившего оскомину, постылого режима.

Не стану здесь распространяться: о Солженицыне я писал не однажды, неизменно с пиететом и восхищением.

Что я больше всего в нем ценю? Неизбывные бойцовские качества, принципиальность, убежденность, смелость, доблесть, волю, умение держать удар, нестигаемость, феноменальную работоспособность, целенаправленность, стойкость до отчаяния, до фанатизма. Достоинства, свойственные редко кому из знакомых мне литераторов.

Да, не всем это понятно и доступно.

Понятно и поучительно это тем, кто прошел через лагеря и ссылки, изведal в хрупком возрасте депортацию, несправедливость, гражданское ущемление, испытал, почем фунт лиха в тоталитарном режиме, сочувствует человеческим страданиям, понятно это подло оболганным российским немцам, чеченцам, ингушам, крымским татарам, грекам, месхетам и многим-многим другим репрессированным, «неблагонадежным» народам, и у этих изгоев душа трепетала, сердце замирало и спина выпрямлялась, читая заявления, выступления, художественные и публицистические произведения этого бесстрашного русского человека, гладиатора, борца с тупой, безжалостной машиной-властью, десятилетиями творившей произвол и беспредел.

Советских писателей было много, встречались и отважные, строптивые, жертвовавшие собой ради идеалов и высоких принципов, но таких напористых, как Солженицын, было мало или вообще не было. Появился Солженицын и перевернул, перепахал сознание общества.

И весь мир это признал.

Иначе откуда такая оглушительная, вселенская слава?

Фигура фантастически, колоссально масштабная и противоречивая в своем неистовстве.

В порыве дьявольского напора и темперамента, охваченный сугубо национальным угаром, он, случалось, несправедливо обвинял и обижал многих.

И евреев, и украинцев, и чеченцев, и казахов.

Многих.

Забывать о том тоже не след. И истина в последней инстанции, разумеется, принадлежит не Александру Исаевичу, а Всевышнему. Александр Исаевич – редчайшее создание, избранный человеческий экземпляр, но человек, всего лишь человек, а не Бог, не Аллах, не Абсолют.

И это так.

Что еще хочу сказать сразу же? Считать его величайшим художником, очевидно, тоже несправедливо. При всем моем преклонении перед ним, «художники» для меня лично все же Толстой, Бунин, Томас Манн, Герман Гессе, Мухтар Ауэзов. В этом ряду я Солженицына не вижу.

Солженицын – гигант, титан по части литературной целенаправленности, по боевитости творчества, по публицистической мощи. В смысле идеологического воздействия на массы, на общество, на мировую ауру он, пожалуй, не имел равных.

Я его так воспринимаю.

Никого из известных мне писателей не преследовали при жизни и после кончины столько фантастических сплетен, нелепых слухов, домыслов и инсинуаций, как Александра Исаевича.

Просто диву даешься.

Знакомый доктор наук, профессор как-то несколько дней обрабатывал меня: вы, дескать, Солженицына не знаете; находясь в Казахстане, в поселке Коктерек, он постоянно пьяным шатался по аулу, орал блатные песни, а однажды надумал жениться, проник ночью в селпо, выкрал два ящика водки, но казахи из-за доброты и жалости к опальному урусу это дело замяли. «Да, да, да... – горячо уверял меня профессор. – Мне мой свояк рассказал».

И подобных сплетен тянется за Солженицыным не один воз. Этим, как известно, садистски занимались целые организации – от кагэбешников до журналистов. И некоторые казахи в отместку их охотно повторяют даже после смерти писателя, зачастую публично и печатно.

Кстати, я знаю в Алматы двух весьма серьезных казахов – один карьерный дипломат, другой бывший профсоюзный деятель, – бывших учеников Солженицына, которым он преподавал математику, физику и астрономию в школе, и они с неизменной гордостью рассказывают о своем наставнике разные достохвальные подробности. До пьяного Солженицына, шатающегося по казахскому аулу, не смог бы додуматься ни Мюнхаузен, ни Ходжа Насреддин.

Мои доброжелатели, зная мое пристрастие к Александру Исаевичу, стараются по мере воспитанности раскрыть мне глаза и исподволь натравить меня на добрую память о нем.

И зачем? Какой смысл?

Вот и деликатный, скромный Абатбай К. вручил мне книжку яростного и последовательного оппонента Солженицына – Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа». Книга увидела свет более десяти лет назад, я знал о ней, но прочитал только теперь (2013).

Замечу, кстати, что мне известен ряд кляузных книг и статей, «изобличающих» Солженицына по заданию разных органов и идеологических динозавров из высшего эшелона власти. Этому я не удивляюсь, ибо знаю, что в политической борьбе у нас (да и везде) не гнушаются никакими подлыми и грязными средствами. Так уж водится искони.

С творчеством Владимира Войновича, с его гражданским, правозащитным пафосом, с его диссидентскими свершениями, поступками знаком. Знаю, как его тоже преследовали, исключили из Союза писателей СССР, какие ему строили козни и преграды, как «выпихнули» на Запад, как он долго жил в Германии и т.д.

Честно: от его сатирических мотивов я никогда не был в восторге, да и юмор его рассчитан на дешевую публику, но в душе ему симпатизировал: смелый, не боится плыть против течения, и писательским именем дорожит.

Но почему он так принципиально, настойчиво «бодал», «разблачал», «раздевал», «неустанно преследовал Солженицына, с которым, казалось, было много общего в судьбе, в биографии, в борьбе с режимом, которого он, бывало, поддерживал, выступал в его защиту, высоко ценил и почитал до поры до времени, мне было непонятно. Что произошло? Какая кошка между ними пробежала? Чем объяснить его зубодробительные пародии на бывшего почти кумира? Откуда эти яростные придирки, наскоки, претензионные потуги? Зачем он посягнул на славу глыбастого своего коллеги? Неужто геростратовый комплекс?

Прочитав книгу «Портрет на фоне мифа», я, кажется, понял всю подоплеку такой метаморфозы.

Первые 50 страниц книжки почти панегирик в адрес Солженицына.

Автор пишет:

«Публикация солженицынского сочинения произвела в обществе такой переполох, какого, может быть, никогда никакое литературное сочинение не вызвало. Скромная по размерам повесть (сам автор называл ее рассказом), напечатанная в 11-м номере «Нового мира» за 1962 год, задела за живое всех» (стр. 20).

«Короче говоря, повесть Солженицына стала не только литературным явлением, но политическим и историческим событием» (стр. 23).

«...слава на Солженицына обрушилась такая, что не снилась ни одному живому писателю в мире и в истории» (стр. 31).

«Чем дальше, тем больше было о нем разговоров в кругах научной и художественной интеллигенции, да и не только в них» (стр. 41).

«Как было не восхититься таким могучим талантом, богатырем, отважным и непобедимым героем?» (стр. 42).

Все верно. Так было. И я тому свидетель.

Следующие примерно 50 страниц книги В.Войновича «Портрет на фоне мифа» посвящены разочарованием в феномене Солженицына. «Эта книга перевернула сознание многих. Но не всех», — замечает автор. Первым среди «не всех», разумеется, оказался сам Войнович. «Я продолжал чтение и, чем дальше, тем чаще морщился», — отмечает он.

И почему он «морщился»?

Казахи это называют «обнажением зада».

Сильно задело Войновича то, что Солженицын называет в негативном контексте еврейские фамилии, перечисляет далеко не почтительно лагерных начальников Фирина, Бермана, Когана, Френкеля, Раппопорта и Жука. Вспоминаются и Цезарь Маркович из «Одного дня Ивана Денисовича» и Рубин в романе «В круге первом». Есть и другие примеры, которые Войнович приводит дважды-трижды. Это его настораживает. Он «морщится». Вскидывается. Ощетинивается. Не малоаппетитный антисемит ли этот русский писатель? А к антисемитизму у Войновича «с детства стойкое отвращение». Этого простить он никому не может. О чем и пишет в письмах Лидии Корнеевне и Елене Цезаревне Чуковским.

Вообще-то в судьбе Войновича — по крайней мере так он искренне полагает — много общего с Солженицыным. И с советской властью не ладил, и высоких партийных чинуш не признавал, и крамольные мысли выдавал, и на Западе печатался, и высмеивал-вышучивал весь тоталитарный строй, находился в стане диссидентов, и всякие предосудительные письма-заявления подписывал, и «неблагонадежных» горячо поддерживал, правда, в лагерях только не сидел да тюремную баланду не хлебал... но почему его и в СССР и на Западе рядом с Солженицыным не ставили, престиж-

ные премии не давали и даже «нобелевку» не сулили?! Ну, как же так?! Почему все «голоса», все слои общества взалхлеб твердили все время «Солженицын, Солженицын, Солженицын», вроде как Войновича и не существует? А чем он, собственно, хуже?! Что за несправедливость? Этого простить-пережить Войнович был не в состоянии. От обиды, от черной зависти, от ущемленного самолюбия он накатал злобный, пасквильный роман «Москва-2042», под-верг хлесткой пародии и Солженицына, и его поступки-повадки, и его семью в вермонтском «укровище», и даже тещу не пощадил... ух, как разошелся-размахнулся, такую сатиру замесил, а вот – надо же! – даже самые верные, испытанные друзья его не поняли, не поддержали.

Ну, в самом деле:

а) почему он не такой, как Солженицын? Почему он, Войнович, литературно более талантливый и тонкий, не пользуется такой славой?

б) и почему сам Солженицын его не поддерживает, когда он, Войнович, в трудный момент его активно защищал?

в) и почему Никита Струве, парижский издатель, отваливает Солженицыну бо-о-ольшой куш, а ему, Войновичу, достаются лишь жалкие крохи? Обиженный грозитя отдать Струве под суд, а Солженицын непочтительно укоряет своего коллегу: «Стыдно русскому писателю судиться из-за гонорара».

Ну, каково?! Тут от зависти, от злости, от досады, от унижения впору лопнуть.

Казалось бы, бесспорно сильный роман «Москва – 2042», а дру-гиня Елена Цезаревна пишет:

«...Я помню людей, которые, рискуя жизнью, хранили, берегли эту книгу («Архипелаг ГУЛАГ»), эту память. И вот сегодня вам не-чем заняться, кроме как плевать в ее автора, а значит, и во всех нас? Нет, Володя, над всем можно смеяться и, добавлю, не надо всеми.

И если вы свою обиду на автора «Архипелага» хотите превратить в развлечение в 44 странах, где переводят ваше произведение, то – без меня.

Что касается основной темы книги – 2042 года – то это скучно и, по-моему, ненаходчиво» (стр. 113).

Такой отповеди писатель Войнович никак не ожидал, и он направил из Германии в Москву пространный ответ своей знакомой, всячески оправдываясь, что, мол, вовсе не Солженицына имел в виду, а некое опасное социальное явление, персонифицированное им вымышленным героем.

«Прощайте...» – резко заключила свое письмо Елена Цезаревна, а Войнович, понятно, очень рассчитывал на «До свидания».

Вскоре последовал ответ и от Лидии Корнеевны Чуковской. «Книга («Москва – 2042») предоставляет мне произведением грубо-сколоченным, грубо-похабным, с тяжеловесными потугами на остроумие. Ошеломляет отсутствие фантазии...

...Вы пишете о великом художнике, о создателе новой русской прозы (а, значит, и нового мышления миллионов людей), пишете о нем как о ничтожестве: не то он Хлестаков, не то Аракчеев. Точнее: Хлестаков и Аракчеев в одном лице. Вы забыли ЧТО этим человеком совершено при нас и для нас – внутри наших душ и собственной Вашей души. Никакие его заблуждения, падения, ошибки не заслоняют высоты, взятой им, небывало высоких высот: Архипелаг, Правая кисть, Матрена, Иван Денисович, Кречетовка... Вспомните советское общество: до Солженицына и после Солженицына. И вспомните его самого: при чем тут Хлестаков и Аракчеев?» (стр. 124-125).

Видно, и это письмо выбило хулителя и колен.

Сначала длительное объяснительное письмо отправляет в Москву жена автора злополучного романа, запальчиво утверждая, что

«Солженицын сегодня смешон, смешны его напыщенные интервью, его мессианство, его претензии на создание новой литературы в виде колес, смешна вообще его неадекватность действительности», потом опять Владимир Войнович: «Вам мой роман не нравится, но я от него отказываться не собираюсь...» (стр. 127-133).

Ближе к финалу своего кляузного «Портрета на фоне мифа» Войнович злобствует (возможно, по чьему-то науськиванию) все больше и больше. В своем ослеплении собирает всякий вздор. Вспоминает, как однажды Солженицын ударил одного пьяного за то, что тот ночью обратился к нему: «Эй, бородач, дай две копейки (случай происходи в переходе возле телефонной будки: пьяному верзиле, видно, надо было срочно позвонить), не то в морду дам!» И Солженицын, попросив даму отойти на пять шагов, врезал нахалу приемом каратэ. И Войнович возмущается по этому поводу. Как мог русский (!) писатель гуманист (!!) ударить пьяного, неудачно пошутившего. Ай, нехорошо! Ай, стыдно! Подумаешь: назвал писателя бородачом, да и обратился не совсем вежливо: «Эй! Дай, не то я дам в морду!» Ну, и дал бы две копейки или извинился, если не было.

Или вот еще «аргумент» Войновича. Солженицын всех поучал жить не по лжи, не врать, а сам на приеме у секретаря ЦК КПСС врал (это слово Войновичем педалируется) напропалую. В чем заключается «вранье»? В том, что будучи у Демичева, Солженицын ловко валял дурака, вешал лапшу на уши партийному боссу, обсмеял его, обвел вокруг пальца, одурачил в соответствии с эзковской закалкой. Он искусно поддакивал ему, говорил то, что тот хотел от него услышать. «И мы оба остались довольны» (стр. 158). А по Войновичу, Солженицын «врал», изменяя своему гражданскому и писательскому принципу.

Подобных придилок в книжке Войновича немало. Писать портреты сложно. Особенно на фоне мифа. Как правило, получается

портрет искаженный, с неизменными отклонениями от оригинала. Что мы и видим по данной книге.

Кстати, разного рода мифы сопровождают всех незаурядных личностей. Маститых писателей. Ученых. Художников. Актеров. Государственных мужей.

Примеров тьма.

И Солженицын не исключение.

Мифами обрастают и менее колоритные фигуры. Так уж истари – с Адама и Евы – повелось.

Лично меня книга Войновича обескураживала и огорчала. Сочинение с явным душком, написано с черным умыслом.

И все равно доволен, что его прочитал.

В книге, помимо обид, зависти, неуклюжих придилок, недоброжелательства, случайных деталей, уязвленного самолюбия, «ущемления блох» (по-немецки: Flohknacker), копания в белье, сомнительного умничанья, встречаются и вполне здравые, убедительные мысли и замечания. Я, например, согласен, что подавляющее большинство сочинений Александра Исаевича сильно уж привязано к текущему моменту, к прошлому и, скорее всего, не имеет шансов попасть в разряд «вечных» книг (как, скажем, произведения Гомера, Свифта, Дефо, Сервантеса, Рабле, Шекспира, Гете, Толстого, Достоевского... называю, разумеется, далеко не всех). И «Архипелаг ГУЛАГ», и «В круге первом», и «Раковый корпус», и «Двести лет вместе», и «Красное колесо», и «Иван Денисович» через два-три поколения наверняка останутся безнадежно архаичным документом.

Подтверждаю, что «Колесо» и «Двести лет вместе» я уже читать не стану. С неподъемными «узлами» я немного знаком, и они меня не привлекают ни по тематике, ни по содержанию, ни по художественному исполнению, а «еврейский вопрос» меня никогда

не интересовал, не волновал. С меня вполне достаточно и «немецкого вопроса», которым подбит и отравлен с раннего детства и на всю оставшуюся жизнь. По Маяковскому, «еле-еле волочусь».

Читателей и поклонников Солженицына, по всему, будет с каждым годом все меньше. Жизнь течет не по его сценарию, и общество обойдется без его нареканий и наставлений.

Но будем глубоко благодарны за то, что им было совершено в нужное историческое время.

Мало ли произведений писателей, считавших себя оракулами, жрецами, пророками, властителями дум, корифеями, апостолами истины, совестью нации, и почти все они канули в Лету. Если ограничиться, допустим, одними казахстанцами, то кто ныне читает Муканова, Мусрепова, Есенберлина, Абишева, Нурпеисова... Они были задействованы своим временем, в нем и остались, как тень дней минувших. И такая судьба уготовлена большинству из «чернильного племени» (Леонов). Испытание временем, как известно, самое тяжелое испытание. Помню, как Ильяс Есенберлин говорил: «Если книга пользуется спросом лет двадцать, то она уже вполне оправдала свое существование».

Не уверен, что книгу В.Войнович «Портрет на фоне мифа» будет читать двадцать лет.

Придут другие.

И писатели. И читатели.

Так что обижаться, завидовать, строить пендешные интриги и козни, сотрясать воздух, унижать горы, сводить чепуховые счета абсолютно не стоит. Все суeta суeta и томление духа.

И потуги в стиле Войновича жалки и смешны.

Он хотел высмеять Солженицына, а выдал себя же с потрохами.

август 2013 г.

* * *

Читая Шаханова («Жас Алаш», 12.09.13).

Женятся манкурты –
Манкурт рождается.
От мусора мусор
плодится.
О дүние, бранный мир!
Миру – мир.
За пиром – пир.
Где ты, где ты, ұлт сана?
Куда ни глянь, сплошь далбаса.
Уай! Жаса! Пляши, ойна!
Все равно грядет хана...

* * *

Когда всего много – мало надо.
А бишару-сорлушку никогда не насытишь.
Богат не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто мало употребляет.
Кто много ест, тот и нищ.

* * *

«Лучше поздно, чем никогда»
Какая лапидарная и энергичная формула!
Выражение это существует, кажется, во всех языках.
Крепкий аналог придумали казахи: «Ештен кеш жақсы». Гениально!

А ведь кому-то принадлежит эта мудрость. Кто-то изрек ее впервые.

И кто?

Оказывается, античный Тит Ливий. Так уверяет книжица «Мудрость тысячелетий» (Изд. «Сова», Санкт-Петербург, 2007).

А, может, это сказал кто-то еще и до Тита Ливия?

Тетрадь двадцать пятая

* * *

«Раб предпочитает раба, господин – господина».

Кто это сказал? Аристотель!

А ведь это сказано о нашем современном обществе. В Казахстане мы это видим на каждом шагу. У казахов эта мудрость звучит так: «Тең теңімен, тезек – қабымен». Образно и четко!

* * *

Мне порой не хватает ни ума, ни слов, чтобы точно выразить свои смутные ощущения. Тем приятнее, когда это посильно другим.

Вот режиссер вологодского драматического театра Зураб Нанобашвили («ЛГ», № 33-34 за 2013 г.) рассуждает о современной драматургии: «Посмотрите, что происходит, почему ставят классику в

разных «новых» прочтениях? Потому что нет нового слова. А нового слова нет потому, что время сейчас не для мыслящих людей, сейчас время для потребления. Мы потребляем веру, искусство, человеческие взаимоотношения».

Очень верно! Пошли потребители, пожиратели.

* * *

Национализм в разумной дозе, полагаю, допустим и даже целесообразен. В смысле человек должен гордиться (не кичиться!) своей нацией. Это понятно и естественно. Но оголтелый национализм однозначно – зло. Одинаково гадки и еврейское чванство, и немецкое чистоплюйство, и русская шовинистическая дурь, и казахская спесь, как и любое высокомерие. Я с этими уродливыми проявлениями в некоторой степени знаком. Думаю, они связаны с низкой культурой. Гете так и писал еще в двадцатые годы 19-го столетия: национализм – это низкая культура, и в развитии человечества он исчезнет.

Наверное, исчезнет. Но – по всему видать – через очень продолжительное время, пока не отпадет атавистический хвост.

Национализм в избыточной форме сеет вражду между народами.

* * *

Меня всегда поражает и умиляет прочная духовная связь русских и немцев. Это нечто феноменальное. Веками жестоко воевали, истребляли друг друга, соперничали, враждовали, взаимные козни строили, наносили тяжкие обиды, сочиняли хлесткие частушки, дразнилки, издевки-насмешки, но при этом духовно обогащали друг друга, и связь эта – политическая, историческая, экономическая, культурная, духовная – тянулась едва ли не с 9-го века. На эту тему Лев Зиновьевич Копелев еще при жизни издал семь томов различной литературы – «Россия глазами немцев» и «Германия глазами русских».

Последнее время я охотно читаю и перечитываю Германа Гессе, нобелевского лауреата. Как основательно он знал русскую литературу? Как проникновенно писал о Л.Толстом, о Ф.Достоевском! А как ценил-почитал «святую» русскую литературу другой немецкий классик, тоже нобелевский лауреат Томас Манн! Или Генрих Белль. Да и многие другие выдающиеся немцы.

Соответственно вспомним Германию в творчестве прославленных русских – Карамзина, Жуковского, Тургенева, Толстого, Пастернака, Цветаевой...

Вот о чем следует постоянно помнить.

Лев Копелев в одном интервью более двадцатилетней давности сказал: «Связи между нашими народами начали завязываться еще в XI–XII веках. Но даже если всю древнюю историю вынести за скобки и взять лишь три последних века с времен Петра I, то и тогда я не знаю двух других народов, так тесно, судьбоносно связанных друг с другом» (КП, 14.04.92).

Я эту тему могу продолжить по разным параметрам и аспектам.

Вообще это не тема – судьба.

Меня культурные связи народов всегда привлекают. Этой идеей пронизаны все мои художественные и исследовательские сочинения – книги, статьи, эссе.

Мою душу неизменно греют слова типа взаимовлияние, взаимодействие, взаимопроникновение, взаимосвязь.

Вообще в основе всякого прогресса лежит «взаимо».

* * *

Большинство наших писателей и журналистов обслуживает не общество, а власть.

Почему?

Потому что власть конкретна, осязаема, у нее есть лицо и деньги, у общества – безликость, зыбкость и безденежье.

* * *

Человек знает, что умрет, но не знает, что он умер. Жалко, но справедливо. В этом неведении заключен высший смысл.

* * *

Плохо, что с покойником много возни. Разумнее было бы, если бы человек в роковой момент просто диковинным образом испарился. Был – и нет. Превратился в космическую пыль. В этом вопросе, похоже, Всевышний чего-то явно недодумал.

* * *

Я с тревогой и ужасом наблюдаю, как плотно обложен котляками-льстецами наш саруар. Чтобы они не распоясались и не сбились окончательно с панталыку, не охамели до неприличия, Президенту необходимо время от времени, широко, по-американски улыбаясь, показывать им палец и тихо сказать: «Цыц!». Но это тихое «Цыц!» должно в устах саруара прозвучать, как грозное предостережение: «Қыс кәтінді, сұмырай, сүмелек!!»

Иначе сладу с котляками не будет. Попадешь в их клейкую паутину, как муха.

* * *

Умер Дукенбай. Его официально считали самым читаемым писателем. Издал он более 100 книг. Общий тираж 3,7 миллиона. Переведен в 20 странах. Писал-писал-писал-писал. Лежа на полу, подложив под грудь подушку. Многократный лауреат. Премий – уйма.

А мне звонят и спрашивают: «Кто он такой? Из Шымкента или из Семей? Какого рода?»

Апырай, а! Меня эти вопросы приводят в уныние. Что нужно было еще делать Дукенбаю, чтобы его признали повсеместно, что-

бы его знали хотя бы казахстанцы? Может, еще петь и плясать на свадьбах-тоях?!

Не читают люди, не читают.... Нет такой потребности.

* * *

Мне иногда кажется, что по части плетения слов, по краснобайству казахи впереди планеты всей. Они природные парламентарии. Любого казаха можно смело вводить в парламент. Наговорит с три короба. И так, как надо. Не отклоняясь от магистрального курса. А вот до действия дело не доходит. Эрекет жағы кем.

* * *

Известная белорусская писательница, автор многих знаковых книг, Светлана Алексиевич издала новую книгу, уже переведенную в разных странах, – «Время секунд хэнд» о политическом опыте 90-х годов.

Судя по всему в книге много острых суждений и точных замечаний, касающихся нашего времени. Ее интервью (см. «Новая газета», № 36 за 2013 г.) изобилует четко сформированными горькими мыслями.

Несколько ее тезисов меня «зацепило». Например: Внезапная кончина писателя Дукенбая Досжана (сентябрь 2013 г.) всколыхнула мою душу. Мне, его многолетнему переводчику, звонили многие казахи и высказались о том, что смерть, дескать, определяет истинную значимость человека. Примерно тоже говорит и Светлана Алексиевич: «Как смерть обнаруживает истинность человеческой жизни, истинность всего, нами сказанного, – так я и выбрала. Потому что без смерти ведь ничего нельзя понять... Что чего стоит».

Очень верно. Вспоминается изречение Пифагора: «Человека узнаешь только после смерти».

Или вот:

«Все кричат о свободе – а свободного человека нигде не было».

Мне показалось, что это имеет отношение к нашему Казахстану.

Справедливо и замечание о «диктатуре малого числа людей в каком-то варианте».

Ей-ей, тоже о нас. О нашей весьма ограниченной элите. О ее диктатуре.

Или:

«Я много лет записываю людей. И у меня очень сильное чувство: ни мы не знаем, что такое Россия, ни власть не знает, что такое Россия. Этот монолит не пришел в движение».

Апырай, наверное, то же самое можно сказать и о Казахстане. И казахская нынешняя интеллигенция не знает, что такое Казахстан (писатели, разумеется, в том числе), ни власть – тем более! – понятия не имеет о Казахстане.

«Никто не знает, что варится в этом котле», – утверждает Светлана Алексиевич.

И, наконец, еще один тезис:

«Интеллигенция теперь не только не знает, не только не хочет знать, что происходит, – но и сама совершенно не влиятельна. Утеряно даже прежнее народное уважение к книжному человеку. Но это очень большая ошибка – что интеллигенция не разговаривает с властью. И не меньшая – то, что интеллигенция не разговаривает с народом. То ли она его боится, то ли потеряла качества, необходимые для разговора. И человек оставлен в одиночестве».

Подумалось: это ведь о нас, о казахстанцах, сказано. Один к одному. Светлана Алексиевич выразила то, что мне не удавалось до сих пор столь четко определить.

А вывод один. Непреложный.

«О прошедшем, о происходящем, о прожитом нами надо говорить».

Да, да, надо говорить! Штандпункт должен быть все тот же: «Не могу молчать!»

Жарасбай, внук Нуркана

Он был из аула Коктерек, в семи километрах от села, куда нашу семью с Волги депортировали в сентябре 1941 года.

В Коктереке я бывал не раз. Аул как аул. Но раскинулся он на живописном месте. Рядом Есиль-река, озеро, березовые колки, тальник, ковыльный простор. В этом ауле проживали братья-кузнецы Омар и Коспан, их сын, мой кореш, Ыбжан (Ибрагим), дедушка Нуркан-поштабай – скромный, деликатный, добрый аташка, русское семейство Шаловы (корень не казахский «шал», а русский «шалый»), сын которых – Анатолий Федорович – став вторым секретарем ЦК комсомола Казахстана, определил мою судьбу: помог мне, беспартийному спецпереселенцу, находящемуся под комендантским надзором, поступить в числе первых пяти соплеменников в КазПИ им. Абая.

Из тихого Коктерека вышло немало достойных азаматов – учителей, литераторов, ученых, видных деятелей и даже один генерал.

С этим аулом связывают меня многие добрые воспоминания. Как и с другими приесильскими аулами, которых обслуживал фельдшер-акушер Карл Бельгер, мой отец – Жанажол, Жанаталап, Өрнек, Мектеп, Каратал, Алка-ағаш, Карачок, Козловка.

Из этого аула – Коктерек – вышел и он, мой младший друг и коллега, одношкольник, будущий поэт Жарасбай Нуркан.

Был он на два с половиной года младше меня (в детстве разница ощутимая), и потому я познакомился с ним, когда он, окончив местную начальную школу, переехал в наш аул продолжать учебу в средней казахской школе.

Учился он старательно, отлично, вместе со своим другом-одноклассником Ермеком Конарбаевым (будущим талантливым прозаиком, к сожалению, рано умершим) заметно выделялся среди сверстников, был любознателен, участвовал в школьной самодеятельности, читал толстые книги, а в старших классах сочинял стихи.

Далее жизнь пошла по знакомой стезе. С блеском кончил школу, затем – университет в Алматы, вернулся в аул, учительствовал, женился, перебрался в Акмолу, работал журналистом, писал, переехать в Алматы, сотрудничал в издательстве «Жазушы», в газетах, печатался, издавал книжки, стал членом Союза писателей. Жил, как говорят казахи, не лучше других, не хуже иных.

И все же жизнь не сложилась так, как хотелось, как задумалось. Преследовали житейские проблемы, нелады с работой, сложные отношения с пишущей братией, отсутствие моральной и материальной поддержки, подспудные интриги, психологические комплексы, ранние недуги, творческая замкнутость.

Убежден: он был талантлив от природы, образован, начитан, но потенциально так и не раскрылся.

В чем причина? Может, сиротское детство (рано лишился матери), жизнь в чужой семье отца, чувство неприкаянности, лишения, болезни? Не могу судить. Но с болью чувствую: человек не смог реализовать природных задатков в полной мере.

А поэт был крепкий. Талант, филологически отшлифованный. Душа возвышенная. Чувство реальности отменное. Сердце чуткое. Всеми формами версификации владел изящно. О том ярко свидетельствуют и две его книги – «Қызылжар» (2012) и «Көкжиек» (2013), с любовью и тщанием составленные и изданные его настойчивой и активной вдовой Казиной Нуркановой.

Что составляет содержание этих книг? Стихи и поэмы, дастаны, поэтические посвящения известным личностям (С.Сейфуллин, Г.Мусрепов, М.Ауэзов, Г.Мустафин, М.Хакимжанова, Б.Момышулы, Р.Кошкарбаев, Н.Тлендиев, М.Козыбаев и др.), стихи для детей, эпиграммы, шутки, стихотворные шаржи, переводы (из Есенина, Некрасова, Фета), айтыс (с А.Нуртазиным), даже одноактная юмористическая пьеса.

О чем он главным образом писал?

О любви к родному краю, к отчей земле, к материнскому языку, к Казахстану и к его славным людям, о любви к черноглазым чаровницам, к природе, к прошлому и настоящему, о благородстве, возвышенных человеческих чувствах, о чести и достоинстве, о смешных житейских случаях, об изъятиях-слабостях человеческой натуры, о доблести, храбрости, воле к свободе своих предков, о горестных и радостных зигзагах человеческой судьбы. Словом, известные мотивы вечной Поэзии. Но обо всем этом он сумел сказать свежо, по-своему, не банально, не ординарно, не общо-декларативно. Все, о чем он писал, пропущено через неподдельное, искреннее, душевное восприятие.

О чем он мечтал?

Бар өмірім өлеңмен өтсе менің,
Туған елді жырлауға жетсе лебім...

С особенной любовью он воспевал красоты родного аула «Көктерек»:

О, менің көкорайлы Көктерегім,
Жаһанда өзіндей жер жоқ дер едім.
Арада айлар өтіп, оралған сон,
Кеудеме сағынышым көп қой менің.

Его стихотворение «Қызылжар» звучит как гимн родного края, как ода лесостепным просторам северного Казахстана.

Атың сенің елге мәлім,
Естіген жұрт қызығар.
Сен дегенде менің әнім
Үзілмейді, Қызылжар!
О, Қызылжар, Қызылжар!

Я пишу не литературоведческую статью о творчестве поэта Жарасбая Нуркана, а всего лишь краткое представление о нем, ибо знаю, что русскому читателю он, к сожалению, почти не знаком, да и казахские читатели в суете повседневной торопливой жизни заметно удалились от него. Ведь у казахов недостатка в поэтах никогда не было.

Отмечу здесь еще его переводческий дар. Напомню начало известнейшего стихотворения С.Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!..
Потому что я с Севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Вот как по-казахски озвучил-переложил эти строки Жарасбай:

Шаганэм сен менің, Шаганэ.
Теріскейден болған соң ба, немене.
Дала жайын жыр етуге мен дайын.
Ай туғанда толықсыған бидайын.
Шаганэм сен менің, Шаганэ.

Очень милый, проникновенный, на мой взгляд, перевод.

Не помню, переводили ли на русский язык самого Жарасбая. Кажется, он о том и не заботился. Для него важно было самовыражаться по-казахски. В книгу «Қызылжар» Қазина включила несколько стихов поэта в переводе Владимира Гундарева. Завершаю свою заметку двумя строфами из стихотворения «Моя любовь» в его переложении. Оно отражает смысловую суть поэзии Жарасбая.

Все боли века – в сердце у меня,
Несу упорно тяжкий груз поэта.
И в этом я не берегу себя,
Любовь отныне прославляю я.

Любовь – к тебе, казахский мой народ,
И по-казахски я стихи слагаю,
В них воплощая суть твоих забот
И счастье достигаемых высот.

...Он умер в Астане на рассвете майским днем в 2011 году, когда спешно собирался в скорбный «Алжир», дабы воздать поэтической дань памяти невинным жертвам советского концлагеря.

Такова судьба Поэта.

Похоронили его в родном «Коктереке» под раскидистым вязем рядом с могилой любимого дедушки Нуркана. Того самого всеми почитаемого «поштабая», который с неизменной лаской называл меня «Кира».

Да будет пухом им родная земля!

сентябрь 2013 г.

* * *

Порою меня охватывает глубокая неприязнь к себе оттого, что все чаще подвергаюсь старческому ворчанию. Многое, что я вижу, что слышу, с чем сталкиваюсь повседневно в нашем обществе, мне откровенно не по душе. Вот и часто ворчу. И сам себе не мил. Да что там не мил – противен.

Ну, в самом деле, на кой ляд мне сдалась власть мародеров. Господа, дорвавшиеся до власти, так устроены. Их охватил древний инстинкт: если враг грабит твой аул, грабь вместе, хватай все, что плохо лежит. Хватай, точно волк, как можно больше, впрок, а там

видно будет, куда кривая выведет. Может, повезет, может удастся избежать расплаты-кары. Лишь бы сегодня было хорошо.

Аллах с ними! Я ведь им не судья.

Стойко недоволен я также нашей так называемой интеллигенцией – зиялы кауым. Увы, не интеллигенты они вовсе, а образованцы (по Солженицыну), конформисты, шкурники, попрошайки, матерые стукачи.

Ну, и какой смысл их честить, корить, разоблачать? Так сложилось. Горбатого только могила исправит. Какой же смысл мне ворчать? И в конце-концов кто я такой, чтобы всех судить-рядить? Да еще собратьев-коллег иного рода-племени.

Ну, и зачем мне вообще обо всем этом писать? Зачем дразнить гусей? Ведь по большому счету наверняка и я такой же пенде, обитатель бишаринского уютя, продавленного дивана, всего-навсего пенсионер аль-Дивани. Так с какой стати ты много берешь на себя и скулишь в тени, в закутке? Может, разумно помалкивать? Да Толстой не велит. И совесть скребет. Душа корчится. Взыскует: «Не могу молчать!»

Вот убийственная формула, выведенная Альбертом Камю о современном человеке: «Он блудил и читал газеты».

А ведь это вполне приложимо к облику современного азамата. Правда, газеты он ныне не особенно читает – некогда, надо бабло делать и блудить в широком смысле, т.е. воровать, хапать, выкручиваться, угождать, приспособливаться, заботиться о собственной шкуре.

Как от этой заразы следует излечиться?

У меня нет рецепта.

Тот рецепт, который предлагает Альбер Камю в своей философской повести «Чума», слишком радикален и страшен. Вот этот рецепт:

«Единственный способ объединить людей – это послать на них чуму».

Вот такое чистилище!

Поневоле воскликнешь: «Астафиралла!»

Помилуй, Аллах: я до такого – при всем моем скептицизме – пока не додумался.

Пәлесінен аулак!

Чистилище от скверны таким образом – прерогатива исключительно одного Абсолюта.

* * *

Не знаю, жив ли ныне Ганс Магнус Энсценбергер. Если жив, то ему должно быть 84 года, ибо хорошо запомнил, что он на пять лет старше меня. Он был рупором легендарной писательской организации в Германии – «Группы 47». Я в свое время с большим интересом и пиететом читал его в немецких изданиях и – реже – в русском переводе. В 60-70-ые годы прошлого века он часто приезжал в СССР и даже в какой-то мере говорил по-русски (наравне с английским, французским, испанским, шведским, итальянским, датским). Вообще-то чем он только не занимался! Горизонт его интересов и увлечений был необычайно широк: поэзия, проза, публицистика, очеркистика, эссеистика, критика, философия, политика, издание книг, редакторство и даже математика. Очень свободный, мыслящий, дерзкий, эпатажный был человек. Ни на кого не похож. В СССР его не больно жаловали: числился диссидентом, не вписывался в принятые каноны, вечно плыл против течения.

Из казахских писателей его читали только Аскар Сулейменов и Ануар Алимжанов (он, кажется, даже встретился с ним где-то на литературных тусовках).

Гансу Магнусу хотелось даже подражать («болмасан да ұқсап бак») – именно его внутренней свободе, раскованности, вольности. Меня привлекала даже его стилистика. Но подражать Энсценбергеру в условиях СССР (а тем паче Казахстана) было абсолютно безнадежно.

Выражался он резко и неожиданно.

«Занятие политикой есть прощание с жизнью, поцелуй смерти».

«Мое честолюбие связано с моей работой. Дело писателя – сидеть дома за столом и писать. Потому его и называют писателем».

«Человек, у которого мало денег, но кто интересуется культурой, является культурным человеком».

«Высокая культура всегда остается в обществе уделом меньшинства».

«Политик и проповедник утратили авторитет».

Эти сентенции я «выудил» из интервью Ганса Магнуса Энценбергера с корреспондентом «Литературной газеты» в 1993 году. Тогда он был в зените славы. Стихи его, помнится, печатались в «Иностранной литературе». У меня среди бумаг сохранилось его интервью с В.Запеваловым.

Жаль: я не могу назвать ни одного казахского писателя, который был бы хоть немного похож на него. Другая аура, иные нравы. Из русских полагаю, ему интеллектуально близок Андрей Битов.

* * *

Я считаю, что поощрять труд писателя разными побрякушками (ордена, медали, знаки) вовсе не обязательно, а вот литературных премий должно быть много, в том числе и экзотических, уникальных. В этом смысле французские традиции весьма похвальны. Из газет я узнал, что всего во Франции полтора тысячи премий. Для убедительности пишу еще раз цифрами – 1500. Самые популярные: «Ганкуровская премия», Ренодо, Медичи, «Фелина», «Энтелье». Они открывают путь к славе и тиражам.

При этом денежное выражение этих премий весьма невелико. Скажем, Генкуровская премия составляет всего примерно 10 долларов, а вот престиж – громадный. Допускаю, что количество разных премий позволяет поддерживать высокое реноме литературы.

Казахстанской литературе, по-моему, есть резон учиться по этой части у французов.

* * *

Люблю читать интервью именитых писателей и ученых. Ощущение такое, будто сам непосредственно беседуешь с яркими личностями, очищаешь душу, облагораживаешь сердце. Есть писатели, которые вообще, принципиально не дают интервью, предпочитая самим излагать свои сокровенные мысли. Есть писатели, которые дают интервью очень редко и неохотно. Тем они и особенно интересны. Я лично за свою жизнь давал сотни интервью, о чем ныне нередко жалею. Бывали глупые вопросы, на которые отвечал попугайски. Или мямлил нечто несущественное. Много зряшного наговорено.

Нравится мне в этом смысле установка американского писателя Джона Апдайка (автора романов «Кентавр», «Ферма», «Давай поженимся», «Кролик, беги»). Его в 60-80-ые годы прошлого века обильно печатали в СССР (в «Иностранной литературе», в частности). В 1964 году он приезжал в Москву, знакомился со многими известными в ту пору писателями. Когда корреспондент «Литературной газеты» просил его неоднократно об интервью, он, наконец, откликнулся: «Можете ли вы мне сказать, почему я должен давать вам интервью и сколько моего времени для этого потребуется?»

Очень резонно.

Именно так надо ставить вопрос.

Надо бы взять на вооружение.

Вот его мысль, которая меня всколыхнула.

«Люди, мне кажется, испытывают духовный голод. И не на шутку испуганы. Чем? Перспективой встречи с вечностью, неумолимой и осознаваемой с того момента, как человек вступает в жизнь. Ты просыпаешься утром, надеваешь на лицо улыбку, но постоянно сознаешь бренность бытия».

Джон Апдайк это сказал в 65-летнем возрасте (он 1932 года рождения). Смотрите ЛГ от 15.01.97. И то, что он тогда сказал, мне нынче особенно близко. Действительно, пишешь, говоришь, контактируешь с людьми, всячески бодрисься, а сам постоянно сознаешь бренность всего сущего. Писателю это должно быть особенно свойственно.

Вот еще одно его суждение.

«Для автора, художника важно право говорить то, что думаешь. И не бояться, что кто-то посадит тебя за это в тюрьму».

Мысль расхожая и правомерная во все времена. Однако, у нас, в Казахстане, думаю, писатели редко говорят то, что думают, а озвучивают, словесно оформляют то, что надобно власть предержащим.

«Вот ведь в чем дело», – говорил в таких случаях покойный Морис Симашко.

И еще говорит Джон Апдайк:

«Нормальным же является положение, когда ты пишешь для малочисленной элиты, которая располагает свободным временем для чтения и понимания предмета»

В Казахстане мы сейчас к этому пришли. Писатели вынуждены довольствоваться 1000-2000-ными тиражами. На большее редко кто может рассчитывать.

«Реальная картина будущего может быть очень мрачной», – предрекает американский писатель.

Мне добавить к этой сентенции нечего.

Я часто пишу рецензии, обзоры книг (мой кумир по этой части Герман Гессе). И мне приятно, что этим занимался и Джон Апдейк. По этому поводу он выразился так: «Любят обзоры книг – это избавляет от необходимости их читать».

С любовью говорит Апдейк о русской литературе. В интервью он упоминает Льва Толстого, Достоевского, Пушкина, Тургенева,

Чехова, Набокова. Из современников – Е.Евтушенко, Вознесенского, Аксенова.

Вообще американцы создали великую литературу. Жаль, что мои казахстанские коллеги ее крайне мало знают.

Чаадаев, Гифтер, Аскар

Пожалуй, уже четверть века назад критик, философ, большой знаток культуры и литературы Аскар Сулейменов (я с ним дружил с институтских и аспирантских времен до самой его безвременной – в 1992 году – кончины) очень напряженно рассуждал на тему: «Куда мы идем?»

Имелся в виду СССР. Кое-кто тогда уже предчувствовал-предугадывал его неизбежного крушения. Говорили: как и все империи, Советы рухнут.

Локально мысли Аскара были о России и Казахстане. Аскар был убежден: идем мы куда-то не туда. Не вперед и не назад, а в непонятную – скорее всего, гибельную – сторону.

Я внимательно прислушивался к монологам моего младшего друга, но о грядущем моя голова особенно не болела: оно казалось слишком далеким, а повседневные житейские проблемы чересчур конкретно хватали за горло.

Аскар был весь переполнен суждениями и цитатами из Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Петрашевского, Ленина и многих-многих других выдающихся мыслителей. Особенно часто звучал в его устах Чаадаев.

Набор цитат был целевой – критический, разоблачительный, едкий, горький, беспощадный, острый, болезненный.

Адресат – Россия.

Именно в те годы писатель Абдижамил Нурпеисов организовал издательство (напрочь забыл название, но оно было связано с

КРАМДС-банком), и Аскар предложил проект (его особенно горячо поддержал Акселеу Сейдимбек, писатель, этнограф, историк) – издать острую, актуальную книгу типа «Россия глазами русских», в которой большое место отводилось – в первую очередь – Чаадаеву.

Вопрос стоял кардинально – Россия как пробел в понимании. О правомочности существования России. О ее роли и месте в истории человечества.

Аскар исходил из того, что СССР – держава, которая обречена на распад, на неминуемый развал. И это – он так считал – не трагедия, а вполне закономерный, диалектический итог.

Одним словом, – Судьба, от которой не уйдешь. И развал СССР в конечном итоге, скорее всего, – благо. Абсурд, недоразумение предвидели, предсказали сами трезвые русские мыслители, которым никак нельзя отказать ни в здравомыслии, ни в благородстве, ни в недостатке патриотизма.

Чаадаев смотрел в самый корень. Глубже всех понимал исток проблемы. И наиболее ясно и четко выразился.

Аскар ссылался на известные «Философические письма» и на «Апологию сумасшедшего».

Увы, проект Аскара так и не осуществился, как и многие его идеи.

Да и Нурпеисов, как я понял, не особенно был заинтересован в издании такой книги: хлопот не оберешься. Время смутное, скользкое: хай поднимут – туши свет. Ведь в книге прозвучали бы явно антирусские мотивы.

Четыре года спустя после смерти Аскара эта тема прозвучала в интервью корреспондента «Литературной газеты» (17.01.96) с историком, философом, публицистом Михаилом Яковлевичем Гефтером. Увы, публикация была посмертная.

Суть чаадаевского вопроса: куда мы движемся, какой идеей воодушевлены?

Гефтер рассуждает:

«Действительно, сегодня мы имеем право говорить, что чадааевский вопрос звучит как гамлетовский: быть России или не быть».

Отталкиваясь от этого постулата – быть или не быть – Михаил Гефтер уточняет:

«Если быть России, то только в том случае, если она отыщет себя в человечестве, которое тоже не стоит на месте. Значит, возникает проблема какого-то догоняющего движения. И если быть в человечестве, как поступить по отношению к этому неостанавливающемуся на месте и ждущему, когда к ней подойдет Россия – или кто иной, оказавшийся в этой роли, – хотя Чадаев никого, кроме России, в этой роли не видел.

Значит, возникает мысль, что вступить в человечество можно, только извлекая какие-то ресурсы непредусмотренного, непредуганного самонахождения, самоутверждения».

Я нарочито прибег к этой длинной цитате, ибо вполне сознательно проецирую эту мысль на Казахстан, считая, что правомочно ставить так вопрос и в отношении нашей независимой страны.

В самом деле, как целесообразно смотреть на Казахстан: в человечестве, в глобальных масштабах или в сугубо национальном потоке развития, в ограниченных, локальных, замкнутых пределах-измерениях?

Вопрос не праздный. И продолжает стоять остро. И судя по множеству печатных публикаций, до сих пор окончательно не решенный, дискуссионный. Имеются сторонники обоих направлений.

Вроде стратегия определена в многолетних президентских посланиях народу, в фундаментальных, полных соблазна программах 2030 и 2050, в оптимистических, футурологических предвидениях недостатка нет, «планы-громадьё» ошеломляют. И все равно червь сомнения грызет в душе, смущает, волнует: куда идем? Так ли идем? Вперед или назад? Или вовсе свернули на бездорожье?

Словом, «Эх, птица-тройка, куда несешься ты?»

Вариант: «Ай, тулпар мой крылатый, куда помчался ты?»

Лидеру нации, полагаю, все ясно. А вот, чай, уверенность масс невелика. Светлые идеи, спущенные сверху, не овладели ею. И при этом большинство населения косится по старинке в сторону России, памятуя евтушенковские строки:

– Если будет Россия,
Значит, буду и я.

Гефтер ничего не имел против общечеловеческих ценностей. Простой люд, надеюсь, тоже.

Гефтер видел несовмещение ритмов, образов жизни, способов жить.

Народ, обретший независимость, тоже это видит или, точнее, смутно ощущает, чувствует.

Много оттенков у чаадаевского вопроса. Мы, возможно, еще не уяснили их для себя во всех параметрах. А Аскар, мудрец, уникам, наверное, это понимал.

Гранями этого вопроса был озабочен и Гефтер. «Как войти в человечество, зная, что войти нужно, находя для этого свой особый способ вхождения, способ, который не будет безразличен для всех других на этой земле? И не по той простой причине, что мы способны взорвать эту жизнь, уничтожить ее, а потому, что эта евразийская особенность, уникальность для остального мира и опасна, и перспективна».

Я с 1941 года казахстанец, хотя и родился в России. В Казахстане я вырос, воспитывался, проникся казахским духом и, надеюсь, здесь в какой-то мере пригодился. Ничто казахское (а, стало быть, шире: казахстанское) мне не чуждо.

С колокольни нынешнего времени и положения страны все – прошедшее, настоящее и грядущее – вроде ясно.

Ясно, да не совсем.

Все же вопрос, который в свое время Чаадаев ставил к России, полагаю, нынешний здравомыслящий казахстанский люд ставить вправе и к Казахстану. Трескотни и словоблудия, пустого бахвальства и постыдного дараканства избыток, а четкого ответа на очередные вопросы: откуда мы пришли и куда мы идем, туда ли или не туда, вперед или назад, или вообще бог весть в какую сторону – нет как нет.

Да, свобода! Но от чего и с чем ее едят?

Да, независимость! Опять-таки от кого и от чего? И главное: ради-для чего? Для безудержного воровства, для беспредельной коррупции, для разбоя, утех, самодурства, для откровенного «белден басу» – куда хочу, туда и ворочу?

Да, государство! Но какое? Со своим лицом, своей поступью или нечто показушное, чтобы только пыль в глаза пускать, головы неразумным хазарам морочить и прокисшей лапши безмолвной челяди на уши вешать?

Ал, не дерін бар?! Что тут скажешь?

На одном внешнем подражании далеко не ускачешь. Строптивый неук сбросит неумелого седока в первом же овраге-сае.

И Россия, и Америка, и Запад не всегда пример.

А кто пример-образец? Китай?

Не совсем уверен. Несоизмеримые понятия.

Михаил Гефтер говорит: «Дело в том, что Китаю не надо становиться Китаем, а России еще надо стать Россией».

Сказано это более 20 лет назад, но приглядываясь к тому, что происходит ныне в России, не скажешь, что это суждение снято с повестки дня.

Вслед за Гефтером и я скажу, что Казахстану, несмотря на повседневную несмолкаемую барабанную дробь, еще предстоит стать Казахстаном. Не след самообманом утешать себя.

Тут могучей воли его многолетнего лидера, думаю, недостаточно, нужна добрая воля и созидательная мощь всех казахстанцев. Идея должна овладевать массой.

Этого пока не происходит. Как говорится, один смотрит на вас, другой – на Арзамас. Один, накарбачив три воза дерьма, нацелится за кордон, другой копошится в захудалом подворье заброшенного аула.

Әзір бастары косылмайды. Желания-воли не находят единства.

Мудрый Аскар из Созака был человеком западной ориентации. Он глубоко знал историю, философию, литературу и искусство Запада и грезил, что Казахстан войдет в огромный, цивилизованный мир, присоединится к общечеловеческим ценностям, сохранив свою природную суть и ментальность.

Эту же мысль несколько позже высказал и Михаил Гефтер, утверждая: «Мы сможем войти в мир, не теряя самих себя».

Что объединяет трех личностей, о которых идет в данной эссе речь? Нравнодушное отношение к своему отечеству, нестандартное мышление, здравый скептицизм, аналитический ум, прозорливость и ВЕРА. Вера неистовая.

В «Апологии сумасшедшего» Петр Яковлевич открыто уповал на будущее России; Михаил Яковлевич верил в то, что постбольшевистская Россия обретет свое судьбоносное место в истории человечества; а Аскар Сулейменов, остро видя все изъяны родного Казахстана в канун развала Империи, горячо ратуя за национальное и – одновременно – гражданское общество, свято верил в духовную мощь, в ментальность, в традиции и язык своего народа.

Думаю, что Казахстан окреп, встал на ноги, распрямил спину, устремил взгляд в даль, но куда идти еще не совсем точно осознал, находясь между Медведем и Драконом.

О том, что Россия должна отыскать себя в человечестве убежденно писал Чаадаев.

Там – полагаю я со своей колокольни – должен найти, обрести свое место и Казахстан.

Только без спешки, без суеты, без надрыва и бахвальства, без воинственного клича и шапкозакидательства.

Веско сказано одним мудрецом: «Ақырын жүріп, анық бас!» – «Иди не спеша, но твердой поступью».

сентябрь 2013

* * *

По ТВ, в печати, в Парламенте то и дело выступают доктора политологии. Точнее было бы сказать: доктора тавтологии.

* * *

Есть писатели, которым совершенно подражать невозможно, настолько они самобытны. Например, Андрей Платонов или Тимур Зульфикаров. У них особый русский язык.

«Оу! Литература чья баба?»

«Слушай, ты чем занимаешься?»

«Литературой».

«Оу! Литература чья баба?»

(Из разговора с уральским казахом)

Ныне его совсем мало кто читает. Выросли поколения, которые его сочинения и в руки не берут. Собрания его сочинений – со всеми комментариями – мертвыми горами лежат в библиотеках. Раньше в любой диссертации, даже в самом малахольном квазинаучном труде по любой теме – от философии до теории и практики искусственного осеменения – в списке использованной литературы вслед за Марксом и Энгельсом непременно фигурировал он.

Я говорю о Владимире Ильиче Ленине.

Нас, ныне уже старшее поколение, заставляли его читать еще в школе, потом в институте, потом в аспирантуре, какие-то хлесткие его фразы – «учиться, учиться и учиться», «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», «долгой беспартийная литература», «политическая проститутка», «Иудушка Троцкий», что-то о кино и электрификации, о «социализме-учете», об учении Маркса etc. – мы затвердили наизусть и щеголяли ими налево-направо, к месту и не к месту.

Такое было поветрие, такая мода. Без Ленина в башке и на устах никуда.

И надо же! Ай, заман-ай! Ныне обходятся вполне без него. Один ортодокс мне внушил: придет время, и к нему вернутся!»

Не знаю. Сомневаюсь я, однако.

Я лично за свою сознательную жизнь читал его немало. Конспектировал. (И куда делись эти конспекты?) Восторга не испытывал, но поражался убежденностью, интеллектом, логичностью, четкостью слога, напористостью, хваткой изложения, полемичным задором. Запомнились «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», статьи о Льве Толстом, о Герцене, изящное воспоминание «Как чуть не потухли «Искра» и многое другое.

Помимо всего прочего, он обладал своим стилем – энергичным, страстным, волевым, как сказали бы теперь харизматическим. Во главе угла всего, что он писал, стоял политик, политический журналист, абсолютно убежденный в своей правоте, твердо знавший, что он хочет, и цели своей достигал дьявольским обаянием и мощью.

Ей-ей, немножко жаль, что он выпал из нашего времени. Я имею в виду не его идеи, не пафос, не мировосприятие, а действенность его стиля, умение навязать своей воли.

В этом смысле – согласитесь! – нынешние лидеры сильно хромают.

Хочу здесь сказать немного о его знаменитой работе, которая меня сначала насторожила, потом обескуражила, а уже в зрелом возрасте вызвала стойкое неприятие. Речь идет о статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Ее в нас усиленно вдалбливали еще со школьной скамьи, а потом долгие годы на разных уровнях, к месту – не к месту, ею, точно колотушкой, били-тюкали по темени. Случалось, даже во сне являлся грозный пролетарский вождь и безапелляционно картавил в уши: «Литературное дело не может быть индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать колесиком и винтиком одного единого социал-демократического механизма».

Я рос в захолустном ауле на берегу Есиля, учился в казахской школе, мечтал стать литератором, сорил беспомощными стишками, вел дневник, куда записывал скудные аульные новости. Писатели были для меня, тогда восемнадцатилетнего, избранной кастой, небожителями, вольными, свободными орлами, парящими над безбрежной степью. И вдруг «колесики и винтики единого механизма»! Вдруг – долой! Долой писателей беспартийных!

И это говорит Күн-Көсем – Вождь-Солнце?!

Апырай, что же это получается? Значит, наш данышпан, кемеңгер Ленин считает нужным на писателей надеть хомут, пристегнуть их к тороке своей партии, скакать на них о-дву-конь?! То есть, нужен писатель-обслуга, писатель-жантык, покорный раб, послушный исполнитель партийной воли и цели, мальчишка на побегушках – «барып кел, шауып кел»?!

Ну и ну! Что-то во мне напряглось, ошетинилось, сопротивлялось, возмущалось. Мало того, что я, спецпереселенец, обязан ежемесячно «отмечаться», как неблагонадежный, в комендатуре, теперь если хочу стать литератором, я обязан быть партийным,

размахивать дубинкой партии, зависеть от партии мифических социал-демократов, сунуть голову в еще одно ярмо? Выходит, меня совсем превращают в раба?!

Поделится своими сомнениями с учительницей русского языка и литературы, ссыльной преподавательницей Ленинградского пединститута им. Герцена, теперь чесеиркой («член семьи изменника родины») Марией Петровной Егоровой. Она не на шутку встревожилась, округлила глаза, тихо сказала: «Гера, вы плохо кончите».

Осмелился поговорить на эту тему с преподавателем казахской литературы, своенравным, вспылчивым Жылгельды Мукановым. Тот вперил в меня жгучий орлиный взгляд, скривил тонкие губы: «Уй, волчонок! Не выдумывай! Ленин сказал – Ленин прав, Сталин сказал – Сталин прав! Болды!»

Обращаться со своими неуместными вопросами к отцу, фельдшеру и акушеру, было и вовсе бессмысленно. Отец неукоснительно держался партийной линии.

Позже я понял, что партийным людям кривые вопросы вообще не по душе.

А Ленин внушал, будто за горло хватал.

«Абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза... Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная зависимость от денежного мешка. Мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, не для того, чтобы получить внеклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом, внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно свободной, а на деле связанной с буржуазией в литературе противопоставить действительно свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу».

В эти ленинские слова я вдумывался десятилетиями. И чем больше вдумывался, особенно в зрелые годы, когда уже активно

вступил в литературу, тем сильнее испытывал скользкое, неприемлемое для меня ощущение постулата пролетарского вождя. Лучше бы он о литературе не говорил. Он все подчинял своим идеям, своей политике, а зачем нужна литература, которая откровенно служит каким-то надуманным догмам, конъюнктурным партийным задачам? Литература ли это вообще?

Мои коллеги по аспирантуре, большие интеллектуалы Женя Костюхин (будущий доктор филологии, профессор) и Аскар Сулейменов (будущий критик, прозаик, драматург, эстет) только кривились, ухмылялись при упоминании этой программной ленинской статьи: «Бред!», «Қой оны!»

С годами эта статья вызвала у меня стойкое раздражение. Но и окончив институт (русско-казахское литературное отделение) и став преподавателем русской литературы, я в полном согласии со школьной программой учил несмышленных казахских учащихся этим сомнительным наставлениям. Ученики мои восприняли суть статьи еще более однобоко и прямолинейно, чем Ленин. «Долой беспартийных писателей!» означало для них: «Долой писателей, не являющихся членами Коммунистической партии!». То, что написал беспартийный писатель – будь он хоть семи пядей во лбу – бред, ложь, буржуазная, анархическая дребедень. Аулак! Долой! Ату их!»

О свободе слова никто и не заикался. До поры до времени такого сочетания-понятия и в помине не было.

Меннонит-историк Иван Иванович Фрезе при встрече в Ташкенте, демонстрируя свою богатую библиотеку преимущественно на немецком языке, сказал: «Да, Маркс, Энгельс, Ленин – великие люди. Они обладали системой мировоззрения. Но никак нельзя считать, что они знали истину в последней инстанции. Они видели мир со своей колокольни, и своим учением толкали темный люд на кривую дорожку».

Ну, а о Ленине что говорить? Гуманизм и милосердие были ему абсолютно чужды. Он руководствовался исключительно революционной целенаправленностью. Он был фанатиком идеи. Так он был создан. Отсюда и «долой!» и прочие бесшабашные лозунги.

Я пишу обо всем этом не для того, чтобы оспаривать политические постулаты Владимира Ильича, это было бы смешно полемизировать с идеями, выраженными в пылу азарта и борьбы в статье более 100-летней давности. Мало ли кто что сказал в каких-то определенных целях, исходя из задач конкретного времени и ситуации. К тому же следует помнить, что когда Ленин писал этот своеобразный политико-литературный манифест, ему, оказывается, было всего-навсего 35 лет. Бала по нынешним меркам. А казахи говорят: бала, баланың ісі шала, то есть, детишки, у них дела – делишки. Ему ли судить о назначении литературы?!

Пишу я эти строки вот почему. Ленинский подход к литературе на многие десятилетия отравил сознание мыслящих людей, ввергая их по изначальной сути в полное отрицание свободы слова. Свободу слова он понимал и трактовал в сугубо узких, партийных, корпоративных, прикладных целях, яростно призывал «прогнать» (его выражение!») всех тех, кто не согласен с его идейной платформой, кто осмеливался думать иначе и возражать его социал-демократической доктрине.

Ай, знакомая уловка! С этим ленинским ошейником жили и творили (и ныне продолжают жить и творить!) тьма-тьмущая литераторов. «Долой!» – доносился (и доносится!) грозный оклик из Мавзолея.

Рассуждая логично, всякая власть норовила подчинить, подмять литературу, литератора, художника слова своей воле. Дошло до ветхозаветного клича: кто не с нами, тот против нас.

Вот где собака зарыта!

И эта дохлая собака смердит и поныне.

Литераторов заарканили – каждый в свое время – и социал-демократы, и социалисты, и большевики, и Сталин, и Хрушев, и Брежнев, и «Софья Власовна» на всех этапах, сознательно, исподволь превращая литературу, искусство, художников в «винтики» и «колесики» всесокрушающей, зубодробильной диктатуры.

Отголоски этого догмата слышатся и теперь. Все современные партии-пустышки норовят пристегнуть литераторов к своей тороке, заставить их «тявкать» по своему усмотрению, действуя старым методом «кнута и пряников», раздаривая, кому пышки, а кому шишки.

И бесконечно жаль, что доморощенные наши литераторы (имею здесь в виду казахстанских) клюют на эту отравленную приманку и говорят то, что им позволено, хорохорясь своей самобытностью и самостоятельностью, порою откровенно кормясь «с руки».

Мысленно переберите в памяти нынешних 700 членов Союза писателей Казахстана. Вспомните, какие угодливые перлы (их не однажды перечислил неистовый Мухтар Шаханов) выдали они (не все, но в подавляющем большинстве) за последнее двадцатилетие, вспомните, кто за что был облагодетельствован, отмечен, обласкан, какие шелкоперы становились лауреатами государственных премии, кто как состязался в лизоблюдстве, сколько завелось откровенных жарапазаншы-жопеке, унизивших литературу, талант и вдохновение, высокие традиции истинных сыновей «Алаша». Самое любопытное, что эти «жопеке» еще хотят, чтобы их хвалили, чествовали и даже любили-почитали. Ой, бишаринцы-сорлыбаюшки! Надо же иногда и на свою котешку смотреть!

Да-а... становится особенно ясна ленинская установка о партийной организации и партийной литературе.

Стрелы, пущенные некогда ленинской статьей, поражают в самое сердце свободу слова и поныне. Ленина давно нет, его почти не вспоминают и не цитируют, а дело его в иных сферах еще тлеет.

В том же 1905 году Валерий Брюсов опубликовал гневную статью «Свобода слова», яростно полемизируя с Лениным. Статья эта, оказывается, была очень популярна в свое время и переведена на многие языки мира. У нас ее всячески замалчивали, и я впервые узнал о ней двадцать три года назад: ее перепечатала «Литературная газета» в 1990 году (№ 34 от 22.08.90). Я ее не раз прочитал с дрожью в сердце: поэт-энциклопедист В.Я.Брюсов четко выразил то, что смущало мою душу десятилетиями.

Брюсов писал: «Иначе говоря, членам социал-демократической партии дозволяется лишь критика частных случаев, отдельных сторон доктрины, но они не могут критически относиться к самым устоям доктрины. Тех, кто отважится на это, надо «прогнать». В этом решении – фанатизм людей, не допускающих мысли, что их убеждения могут быть ложны. Отсюда один шаг до заявления халифа Омара: «Книги, содержащие то же, что Коран, лишние; содержащие иное – вредны».

Да, таков штандпункт и нынешних временщиков, узурпаторов власти всех мастей. И беда в том, что большинство нынешних рыцарей пера охотно – по доброй воле или вынужденно, в шкурных интересах идет послушной толпой под ярмо деспотизма, довольствуясь крохами с барского стола. А иные из них – смешно! – при этом еще о Нобелевской премии грезят-мечтают.

Такое поведение только внешне кажется безобидным. На самом деле, оно разжигает, губит литературу, превращает ее в расшитый колжаулык (рушник), которым власть вытирает жирные – после обильного бесбармака – руки.

Писатели, вступающие в разные наши показушные партии и участвующие своим талантом в оболванивании народа, достойны досады и сожаления. А, может, – всеобщего презрения. Не случайно один из наших шишкарей-временщиков, дорвавшийся до власти, изрек: «Для меня писатели не авторитет». Конечно, пи-

сатель-обслуга не авторитет. Для него единственный авторитет – доллар.

Вот о чем мне хотелось посылно сказать, вспоминая работу Ленина «Партийная организация и партийная литература». Идея ее и поныне превращает литературу в фикцию, обрекая ее на роль пристебая-пристегая, разрушая одну из человеческих святынь – свободу слова.

сентябрь 2013

Вечное

Проблема художника и власти стоит издревле. Стоит и будет стоять всегда.

Нередко договаривались, додискутировались до того, что власть от Бога, властелин-повелитель – тень Бога на земле, а коли так она, власть, неизменно права, священна, выступает от имени общества, бери больше – от народа, а, следовательно, художник должен послушно и преданно ей подчиняться, неукоснительно выражать ее волю и прихоти, иначе художник шагает не в ногу, оторвался от реальной жизни, он, мягко говоря, ослушник, неук-саяк, отщепенец, инакомыслящий-диссидент, и на него впору спускать всех собак.

Понятно, художник думает иначе. Он ведь сам с усам. Он видит мир по-своему. И выражает его так, как видит. И никакой диктат ему не указ. Он обладает божьим даром. Он может заявить дерзко, как Бетховен: «Правила запрещают, а я разрешаю!»

Такой вот – обиженно говоря – вечный антагонизм.

Я, конечно, на стороне художников. Исповедую свободу. Убежденно ратую за свободу слова.

Однако в состоянии понять и мотивы власти, т.е. ее произвол – просвещенный или дуболомный, сумасбродный. В какие бы одежды она не рядилась.

Хотелось бы вожденной гармонии.

Но в тандеме Художник и Власть она, кажется, немыслима, невозможна. Можно – в лучшем случае – заключить какую-то сделку, договориться до какого-то консенсуса. В определенных рамках.

Что и говорить, материя тонкая, сложная. Очевидно: есть власть и власть. Есть художник и художник. Вникнуть в эти понятия не так-то просто.

Философ Валентин Толстых в интервью, данном еще в 1989 году газете «Правда» (от 22 мая), заметил:

«...за власть мы часто принимаем ее маску, внешнюю символику и атрибутику, в то время, как «правит бал» невидимая глазу идеология власти. Она распылена, пронизывает все поры и клетки нашего повседневного бытия, вплоть до самочувствия. И мы, сознавая или не сознавая того, все находимся во власти власти (простите за тавтологию). Мы ею «освещены», и мало кому удастся уйти «в тень», сохранить свою самостоятельность, суверенность».

В прямых отношениях художника и власти, как правило, происходит много анекдотического (вспомним факты нашей памяти – Сталина, Жданова, Хрущева, Суслова и сонм «диктаторов» калибром поменьше, вплоть до современных доморожденных акимов и акимчиков).

О разных самодурах-Неронах всех времен и народов и речи нет.

Художники зачастую откровенно смеются над властью. И поделом! Над властью в меру разума всегда потешался и простой люд.

Власть в той или иной степени травила-преследовала художников всегда. Их воспринимала власть оппозиционерами, а то и явными или скрытыми врагами. Валентин Толстых в упомянутом выше интервью вспоминает расправы над творчеством Платонова, Булгакова, Мейерхольда, Пастернака, Ахматовой, Зощенко, Шостаковича, Тарковского – в искусстве; в науке и философии – с Чаяновым, Вавиловым, Флоренским, Лосевым, Туполевым.

О, их много, много...

Можно добавить казахских выдающихся личностей – Мухтара Ауэзова, Каныша Сатпаева.

Тоже список будет длинный...

Своеобразный фарс: дорвется иной Иванушка или Мыркымбай до власти и тут же считает себя вправе навязывать художникам свой вкус, свою волю, свой каприз, свое невежество.

Между тем художник и Мыркымбай во власти есть вещи несо-
вместные.

О том говорит философ В. Толстых в интервью четвертьвековой давности.

«Еще более существенно то, что художник по природе своей есть человек **всеобщий**, «человек человечности». Тут совсем особый масштаб власти, воздействия. Однажды созданные сказки Пушкина и романы Толстого будут жить века, становясь духовной пищей все новых и новых поколений людей. В этом величайшая сила и тайна искусства, что оно разговаривает на языке, понятном людям разного уклада жизни, традиций, верований, убеждений. Художник говорит с вечностью – этого никак не могут уразуметь, увы, иначе политики и чиновники, чья власть ограничена во времени и пространстве».

Духовный беспредел, некомпетентность, серость и узорность, апломб и самодурство, низменное представление о природе искусстве, замшелый примитивизм и казахстанский элитный социум.

Ну, и в чем дело? Где корень глупости?

Философ Валентин Толстых отвечает:

«Абсолютная власть, имперская или монаршья, пусть самая просвещенная и цивилизованная, подходит к человеку и обществу с точки зрения «использования». А если к этому добавить, что искусству и художнику многие десятилетия явно не везло на «просвещенных» правителей, то ситуация выглядит еще печальнее.

Так что, прежде чем говорить о нравственном императиве, надо сказать о некомпетентности, познавательной безответственности, узости взглядов и разгуле вкусо-властия, часто весьма невысокого по своему уровню».

Так и я о том же пытаюсь сказать.

По конформистскому пути пошло большинство казахстанских художников. Я знаю своих коллег, знаю, как они мыслят, что они думают о своей стране, о своем народе, о своей власти, об исторической ситуации. Верно и трезво думают. Ведь на земле живут, не с луны свалились. Но по разным причинам предпочитают говорить не то, что думают, а то, что по их разумениям угодно властям в надежде что-то иметь, что-то заполучить за свое лизоблюдство и пяtkолизании, мурлыча под нос: «Мы только мошки, мы ждем кормёшки, аляуляй, ахайляу...» Им, этим «жопеке», совсем не важно, что думает о них народ, им важнее всего потакать власть предержащим, уповая на их благосклонность и благодеяние. Жизнь, мол, дается только раз, так зачем обрекать себя на лишения и замалчивания, если можно грубой, гнусной, лобовой лестью ублажать свою пендешную натуру.

Философ Валентин Толстых утверждает:

«Я убежден, что власть и художник в одном лице несоединимы, чужды друг другу».

Я с этой категоричностью абсолютно согласен. Мне годами приходилось наблюдать за поведением и мировоззренческой трансформацией многих моих знакомых и коллег, очутившихся в высоких креслах власти (среди них были и есть писатели, ученые, поэты, журналисты, интеллектуалы) и не скажу, что они сохранили свой талант, свою индивидуальность, свою честь и достоинство, свое реноме; очень многие лучшие свои качества они растеряли и превратились в затасканный рупор обманчивого официоза и временной идеологии. Уходили и уходят они из власти поблекшими,

посеревшими, обескровленными, отупевшими, будто враз лишились духа или продали душу дьяволу-шайтану.

Допускаю, что ради постижения природы власти, возможно, даже целесообразно входить ненадолго в эту скользкую сферу, но задерживаться в ней годами – губительно.

Народ это видит. И народ не обманешь. Завоевать же его любовь – трудно, а потерять ее за понюшку табаку – проще простого.

Опять процитирую философа Валентина Толстых.

«Поставим вопрос резче. Надо ли художника допускать к власти? Не портит ли она художника? Разумеется, портит, некоторых – еще как. И это быстро становится заметно, даже невооруженным глазом».

Ясно одно: власть в любой формации приходится терпеть. Без нее не обойтись.

Но и художник должен оставаться художником. У него иная миссия. Иная стезя. Иной жребий. Он должен служить своему Времени, а не временщикам.

(сентябрь 2013)

Культуртрегер

Я с ним познакомился в 80-ых годах прошлого века, когда он из холодного края переехал в теплую, солнечную Алма-Ату. Высокий, поджарый, непритязательный с виду, общительный, он производил впечатление человека тертого, закаленного в тяжелом труде, с лихвой познавшего житейских лишений. Внешне ни дать, ни взять суровый мастеровой. Менее всего он был похож на книжника, человека умственного труда. И было как-то странно, что вся его жизнь связана с миром книг и выдающихся исторических личностей.

Он не однажды бывал у меня. И встречались мы часто. Поражал он своей осведомленностью, сыпал именами, датами, разными редкими сведениями.

Он охотно выступал в редакциях, издательствах, в Союзе писателей, Академии наук, в библиотеках, в самых высоких интеллектуальных сферах, удивляя своей увлеченностью, многознанием, трудолюбием.

С 15 лет он неустанно, без перерывов работал над титаническим трудом всей своей жизни – библиографическим, исполинским, уникальным справочником, названном им красиво и ярко «Люди голубой планеты».

Со временем узнал: родился во Владивостоке, родители – научные работники, страсть к книге проснулась еще в раннем детстве, читать начал с четырех лет, с малолетства увлекся коллекционированием марок, открыток, книг, отличался любознательностью, редчайшей усидчивостью, обладал изумительной, цепкой памятью на книги и имена.

По профессии фельдшер-акушер, потом шахтер, мастер-взрывник, работал на золотом прииске, жил во Владивостоке, в Новосибирске, в Кемерово, Магадане. И где бы ни жил, кем бы ни работал, изо дня в день вписывал в амбарные книги имена и деяния выдающихся людей Голубой Планеты за 44 (!) столетия, заполнял разными сведениями – от руки! – тысячи и тысячи картотек.

Не человек – явление. Диво дивное!

Звали его Александр Сергеевич Данилов.

Ныне его стали забывать, почти забыли. А при жизни о нем было написано более 200 статей в России, в Казахстане и за рубежом.

Книголюбы, библиотекари, равнодушный к культуре люд знали его повсеместно.

Называли его по-всякому: коллекционер имен, энтузиаст-библиофил, хранитель истории, гениальный библиотекарь, энциклопедист, профессионал высокого класса.

Таким он в сущности и был.

Я его называл Культуртрегером. С большой буквы. Сам же он аттестовал себя библиографом, заслуженным деятелем культуры Республики.

Что из себя представляла гигантская рукопись «Люди голубой планеты»?

Около трехсот тысяч имен, заключивших в себе более трех миллионов библиографических сведений, ссылок.

Откуда источники?

Из газет, журналов, книг, информационных программ.

Ежедневно Александр Сергеевич пополнял свой справочник 75-100 карточками. Работа продолжалась без малого 60 лет! Для сравнения: столько сведений не было ни в библиографических указателях Венгерова и Модзалевского, ни в библиотеке Конгресса США. В 30-томную БСЭ вошло около двадцати тысяч персоналий. У Данилова в 14-15 раз больше.

Представляете?

О компьютерном наборе этого богатства он только грезил, стучался в двери разных культурных и научных учреждений, искал спонсоров, обивал пороги меценатов, писал «слезницы» в высокие инстанции, подсчитал, что нужно примерно 85 тысяч долларов для осуществления желанной цели. В книжном формате, по мнению Александра Сергеевича, это составляло «всего-навсего» восемнадцать томов плюс три тома иллюстраций. Он разработал такую компактную, экономную систему, по которой за считанные минуты можно было извлечь нужные сведения из ящичков и амбарных книг. К нему обращались за помощью исследователи отовсюду, в т.ч. из зарубежных стран. Он бескорыстно отвечал на все запросы. Самые искушенные поисковики знали, что наиболее точные и исчерпывающие сведения о тех или иных мало-мальски известных личностях можно найти только у Данилова. Он уверял, что

получил 26 тысяч запросных писем, из них собственноручно ответил на 14 тысяч.

Еще раз напомним: библиографический охват Данилова составил 44 века, т.е. начало – 24-й век до новой эры.

Вот такие масштабы этой махины!

Делил своих «клиентов» библиограф Данилов на три категории: а) корифеи, б) гении, в) таланты.

Меня такая классификация смущала и умиляла, ибо я знал, что в одном нашем Союзе писателей Казахстана находились, по крайней мере 10 корифеев, 20 гениев, а талантов несколько сот.

Данилов всерьез уверял, корифеев за 44 столетий набирается три тысяч, гениев – 20 тысяч, остальные – просто таланты в разных сферах.

Помню, как однажды Александр Сергеевич выступал перед аудиторией российских немцев в редакции «Фройндшафт». Своим словарем он всех заворожил, заинтриговал. Стали задавать каверзные вопросы: а такой-то ученый, писатель, деятель немецкой национальности в вашем словаре есть?

«Есть!» – отвечал Данилов и начал перечислять немецкие фамилии на русский лад.

Назвал он и мой персональный номер (в каком-то блокноте он у меня записан) и заметил, что в его картотеке числится некий публицист-журналист конца XIX века по фамилии Бельгер, на которого делает ссылку Ленин в таком-то томе ПСС. Есть еще поэт Бильгер и шахматист Бильгер.

Все можно было найти в «Людях голубой планеты» А.С.Данилова.

Или – точнее – почти все.

Ну, и где ныне находится этот кладезь?

Не знаю.

Знаю только, что спонсоров и доброхотов-издателей в Казахстане не нашлось. Знаю, что в России некая частная компания вроде

как намеревались вложить все сведения в компьютер. Знаю, что что-то как-то обещал и известный миллиардер Д.Сорос. Увы, ни одно намерение так и не осуществилось.

Между тем годы мелькали. Здоровье все ухудшалось. Силы таили. Житейские нелады проявились все явственней. О библиографе А.С.Данилове по-прежнему писали, даже случалось какие-то награды или премии в виде дипломов и грамот. Но главное дело с места не стронулось.

В последний раз я видел Александра Сергеевича на какой-то выставке или презентации в Доме-музее М.О.Ауэзова. После недавнего инсульта он выглядел осунувшимся, растерянным. Одна рука висела плетью, нога не гнулась. Говорил плохо, пытался что-то записывать в замусоленной тетрадке. Взгляд помутнел. В зрачках плескались боль и озабоченность.

И по телефону он говорил с натугой, невнятно.

И вскоре, раскрыв какую-то местную газету, я увидел его фамилию и знакомое фото в траурной рамке.

Я обомлел.

И что стало с его детищем, так и не знаю. Может, удалось определить в рукописной фонд какой-нибудь библиотеки? Или передать в надежный архив?

Слухи доходили неутешительные. Верные поклонники Данилова один за другим уходили в мир иной.

Недавно опросил знакомых, что-то знавших об Александре Сергеевиче Данилове. Ничего вразумительного не узнал.

Бедный, бедный Культуртрегер!

Горька судьба Сподвижников и Радетелей культуры...

* * *

Жуткий страх пронзил меня насквозь и погнал неведомо куда. Черный морок свирепо преследовал меня, угрожая накрыть,

захлестнуть волной ужаса. И я не заметил, как очутился в плотной, безумной толпе диковатых, бородатых, расхристанных людей в нелепых, засаленных чалмах. И они были охвачены животным страхом, бежали, спотыкались, падали, давили друг друга и разногласо гортанно вопили: «Аллах акбар! Аллах акбар!» И я пытался кричать, но язык онемел, в горле застрял ком, я не мог издать ни звука.

...страх. Страх. СТРАХ. Вселенский ужас.

Вдруг толпа враз остановилась, будто неук на полном скаку, рухнула, как подкошенная, на колени, сорвала с бритых до синевы черепов белые, серые потные чалмы и начали неистово креститься, гортанно вопить: «Иса! Иса! Помилуй! Спаси-и!»

И я окаменел, застыл посередке, зажатый со всех сторон. Не мог упасть на колени: больная нога не гнется. И креститься не сподобился, ибо не знаю, как это делается – слева направо или наоборот, от лба к животу или снизу в верх. А Иса? Кто такой Иса?

В груди моей все помертвело, сердце натужно колотилось у самого горла.

И тут толпа, как по команде, встала, выпрямилась и опять дурниной заорала: «Аллах акбар! Аллах акбар!»

Бороды затряслись, глаза в безумье побелели, чалмы сдвинулись набекрень.

Позади разлаписто топал, разинул черную клыкастую пасть, весь в шерсти и чешуе хвостатый дракон.

И тут я проснулся в липком поту. Сердце стонало, скулило, частило, проваливалось, трепыхалось, рвалось из груди, ледяная дрожь охватило тело...

* * *

Неизменно удивляюсь точностью определений у Лермонтова. Так метко определяет – диву даешься. По-другому и сказать нельзя, невозможно.

– Прощай, немытая Россия...

Каких только определений и метафор не находили поэты применительно к России. И восторженные, и унижительные, уничтожительные. А у Лермонтова – «немытая». И этим сказано все. Тут тебе и боль, и жалость, и досада, и гнев, и хула – все, все.

Или:

– ...кремнистый путь блестит...

Как можно было такое увидеть сквозь туман?!

Или:

– спит земля в сиянье голубом...

Это просто непостижимо – увидеть землю в голубом сиянии.

Такой потом увидел землю космонавт Герман Титов из космоса.

Этим определением назвал свой уникальный энциклопедический справочник А.С.Данилов – «Люди голубой планеты».

А какая точность и яркость определений у стилиста-мага Ивана Бунина! Юрий Казаков, искусно плетавший узоры слов прибегал сплошь и рядом к двойным определениям, напоминая казахские «кос сөз», слов- дуплетов – колдовское изобретение златоустов степняков-номадов.

Вот примеры из одного рассказа «Старики» Ю.Казакова:

мглисто-знойное марево; смугло-красные закаты; томительно-свежие запахи; молчаливо-пугливые мальчишки; неясно-прекрасное что-то; скорбно-медлительный звон; желто-белая борода; смутно-металлический свет; знойно-пахучие опушки; ало-зеленое небо; пойменно-черноземные места.

Тимур Зульфикаров по части определений-метафор вообще превзошел всех, стоит особняком, просто неподражаем.

Два примера:

«...И ноги мои туго, спело, бредут к ней по мелкой, холодной змеиной, хищной, опасной реке... по данным скользким камням...»

«...лоно травяное, нежно-курчавое, барашковое, каракулевое, нежное, алое твоя...»

Нагнетает, нагнетает, нанизывает, расцветчивает, разукрашивает, живописует мудрец-художник Тимур определения, разглядывая, ощупывая предмет со всех сторон, погружая читателя в восточную истому, обволакивая его сладким дурманом и яростью красок.

О, это благодатная тема стилистического разнообразия! Вспомним фольклор, Библию, Коран, поэтов всех времен и народов, неисчерпаемый клад мудрости и красоты речений, волшебства мировосприятия.

* * *

Я знаю десяток литераторов, выдвинутых на соискание Нобелевской премии. Их, вероятно, сотни.

Есть такой чеченский писатель – Канта Хамзатович Ибрагимов (1960). Я его не знаю. Он Народный писатель Чеченской Республики, лауреат государственной премии РФ, председатель Союза писателей ЧР, доктор экономических наук, профессор, академик Академии наук ЧР. По званиям-регалиям не уступает нашим А.Нурписову и С.Досанову.

В литературу он пришел в 36 лет и успел написать такие романы: «Прошедшие войны», «Седой Кавказ», «Учитель истории», «Детский мир», «Сказка Востока», «Дом проблем», «Аврора», «Академик Петр Захаров», и другие.

Каково?!

Пишет в основном по-русски. «Я окончил русскую школу, – пишет он. – Поэтому писать на чеченском литературные произведения мне тяжело. Но чеченским я владею в совершенстве».

Работает и живет он по строгому графику.

Его интервью в «ЛГ» (№ 37 за 2013 г.) свидетельствует о том, что человек незаурядный.

Любопытно то, что он дважды – в 2010 и 2012 годах – выдвигался на Нобелевскую премию.

Значит, выдающиеся писатели имеются не только в Казахстане. Просто мы их не знаем.

* * *

Мне все мерещится, что наша власть недостаточно уважает свой народ, считая его то завуалировано, то обнажено-открыто безликой, безвольной, серой массой. Нет, чаще всего на словах все прекрасно и верно. Но в сущности относится к своему народу с явным высокомерием, как к безропотному быдлу. Как к объекту эксплуатации.

В этом кроется большая трагедия. Возможно, неминуемая.

Сказано: народ лишь на два вершка ниже Аллаха.

Сказано: народ молвит – не ошибется.

Сказано: народ плюнет – озеро образуется.

Народ знает все. И видит все. Кто словчил, кто сподличал. Кто сколько набил в свое поганое нутро. И своих руководителей знает, как облупленных. Просто он мудро молчит. Терпит. Все до поры, до времени. Ныне, кажется, терпение на исходе. Народ любит прикидываться дураком, но он не дурак. И молчать-помалкивать он все меньше намерен.

Вот этого наша власть как раз понять не в состоянии. Но, похоже, кончится это большим недоразумением.

Беда в том, что власть чувствует себя барамми. Народ для нее челядь, обслуга. Растут в низах гроздьи гнева, ненависти и презрения.

Я так понимаю казахов. А я ведь, полагаю, что-то разумею.

* * *

Ментальность нынешней молодежи сильно отличается от предыдущего (ших) поколения (ий). Но это совсем не значит, что, что она хуже. Она, молодежь, просто другая. Это надо понять. С этим необходимо считаться.

* * *

Меня всерьез уверяют, что в Ноевом ковчеге среди двуногих были только евреи и казахи. Все евреи оказались мудрецами, а казахи – батырами. Неизвестно лишь, с кем эти батыры сражались. Неужели затесался в ковчег один джунгарин. Спрошу при случае у наших историков.

* * *

Очень известная белорусская писательница Светлана Алексиевич (мать украинка, отец белорус) заметила в одном интервью, что ныне расслоение происходит еще среди учащихся первого класса. По признаку: у кого самый дорогой, навороченный мобильник и самый нарядный прикид.

И наша Дария Джумагельдиева пишет, что отличница-плебейка теперь никак не в моде.

От себя добавлю, что ныне образованному человеку грош цена. В фаворе лишь тугая мошна. А мошна что джут: сегодня есть, а завтра все коту под хвост.

Отсюда зыбкость грядущего. Неуверенность. Симптом временщика.

* * *

Мой слоган: Когда всего вдоволь, мало надо. Ненасытными бывают только плебеи.

* * *

Я всегда высоко почитал Болата Атабаева, которого знаю лет тридцать. Крупная, неординарная личность. Талант. Образован. В Казахстане ему житья не дали. Не такой, как хочется знать.

Ну, он и уехал в Германию, где стал академиком Академии искусств мира в Кёльне.

Я рад за него. И горжусь им.

Вот такие есть казахи на фоне акординских серых вельмож. Истинных людей мы ценим. Ну, и что нас ждет в будущем?

* * *

В одной газете спрашивают: «Кризис уже был, или он еще происходит?» Отвечаю: «Кризис был, есть и еще будет». Таков закон цивилизации.

* * *

Какие страхи преследуют немцев в Германии? Неадекватные политики, инфляция, пришельцы, перемены к худшему, растущая дороговизна.

А в Казахстане? Примерно то же самое. Только в больших масштабах и более реально.

Без страха наша жизнь не обходится.

* * *

Наиболее очевидное явление, которое происходит в Казахстане за годы независимости, я бы определил так: великий разграб Казахстана.

* * *

Согнали в Астану более тысячу людей и назвали это сборище съездом партии «Нур Отан».

С шумом, треском рассмотрели из пальца высосанную доктрину. И все? Все! А ожидаемые перемены? Отложили на потом.

Я в раздумьи: какое я имею отношение к этой партии?

Никакого!

Какое отношение имеет партия ко мне?

Тоже никакого!

Грустно: я партии ничего не дал. Да и мне партия ничего не дала и не даст.

Если уж КПСС рухнула, то век «Нур Отан» и вовсе короток.

Хотел бы ошибиться, да жизнь не позволит.

* * *

Странно: живет-живет себе человек и вроде из себя что-то представляет. Потом тихо-незаметно уходит. Кое-как вспоминают его на сороковой день. А на годовщину с недоумением спрашиваю: «Кто он такой?»

Өлдің, Мамай, қор болдың...

* * *

Может, потому наши славные азаматы и хапают при жизни напропалую, хватают, яки волки, все подряд, никак не набьют свое рогожное брюхо. Значит: потом ведь будет поздно. Онова живем! Не подсуетишься, не карабчишь – «қазанның түбіне ештеңе түспейді», как выразился один корифей-классик.

* * *

Когда я жил и рос в ауле, никто из моих земляков слов «миллион», «миллиард» не произносил.

Сейчас сплошь и рядом слышу: Мырқымбай слямзил миллион, Мыржықбай стырил миллиард.

Прогресс, однако.

Одного заядлого коррупционера назначили борцом с коррупцией. Бедняга тут же надорвался и умер.

Пепел Клааса

Об этом в последние десятилетия исписано немало бумаг: документальные исследования, доклады, статьи, живые свидетельства, романы, воспоминания, рассказы, стихи. Собрать бы все вместе, издать бы 20-30-томник трагической судьбы лишь одного народа – российских немцев, и мир содрогнулся бы от горя, несчастья, скорби, лишений и издевательств, сознательного государственного геноцида, выпавших ни их долю в эпоху сталинской тирании и политического, идеологического беспредела верных сатрапов той черной полосы нашей недавней истории.

Об этом посильно и я поведал в своих произведениях – публицистических и художественных.

Выросли поколения, которые обо всем этом стараются уже не думать, не вспоминать.

Напрасно. Тщетно. Зря.

Не помнить о том – безнравственно, преступно. Сознательно обрекать себя на беспамятство – значит, не осознавать себя как народ. Чувствовать себя Агасфером. Манкуртом.

Пепел Клааса стучит в наших сердцах.

И не только один раз в году – 28 августа – в День национальной скорби и памяти российских немцев, независимо от того, где они ныне обитают – в России ли, в Казахстане, в Германии или еще где-либо.

Эта тема неизменно звучит в литературе, живописи, музыке российских немцев.

Жаль, в киноискусстве она совершенно не отражены. Не родил-ся еще такой режиссер...

Это собственно, не тема.

Это судьбы, неизбывная боль. Трагедия.

То, о чем я пытаюсь здесь сказать, четко определил Президент Международного Союза общественных объединений российских немцев, Президент Общественной академии наук российских немцев, доктор экономических наук, профессор В.Ф.Баумгертнер:

«Бесперспективная судьба российских немцев в СССР была предрешена в 1941 году. Немцы должны были исчезнуть как народ, как национальность. С этой целью была запущена вся репрессивная мощь государственной машины, которая распылила наш народ по Сибири и Казахстану, отняв у него общественную и частную собственность и лишив его основы национального существования».

Сказано четко и исчерпывающе.

Напомню некоторые этапы истребления народа.

Сначала был обнародован черный, насквозь лживый Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года.

Текст этого Указа сидит в печенках, поэтому я с омерзением процитирую здесь лишь первый абзац:

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья».

Смехотворность этой злобной клеветы двадцать три года и один день спустя признал тот же Президиум Верховного Совета СССР, отменив Указом тот первый Указ. Утешили народ, уничтожив наполовину.

В годы войны с фашистской Германией последовал под грифом «совершенно секретно» ряд постановлений.

Вот одно от 10 января 1942 года. Цитирую:

«В целях рационального использования немцев-переселенцев – мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Всех немцев – мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, высланных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в количестве до 120 тысяч в рабочие колонны на все время войны, передав из этого числа:

а) НКВД СССР – на лесозаготовки 45 000 чел. НКВД СССР – на строительство Бакальского и Богословского заводов 35 000 чел.

б) НКПС СССР – на строительство железных дорог Сталинск-Абакан, Сталинск-Барнаул, Акмолинск-Карталы, Акмолинск-Павлодар, Сосьва-Алапаевск, Орск-Кандагач, Магнитогорск-Сара 40 000 чел.

К мобилизации приступить немедленно и закончить 30 января 1942 года».

Постановление подписано Председателем Государственного Комитета Обороны Иосифом Сталиным.

Еще одно «совершенно секретное» постановление от 14 февраля 1942 года:

«Всех немцев – мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, постоянно проживающих в Архангельской, Вологодской, Ивановской, Молотовской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской, Читинской, Челябинской, Чкаловской, Ярославской, Кировской, Новосибирской, Омской, Куйбышевской и Иркутской областях, Приморском, Хабаровском, Алтайском и Красноярском краях, Башкирской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, Чувашской, Бурят-Монгольской и Коми

АССР, Казахской, Туркменской, Таджикской, Киргизской и Узбекской ССР – мобилизовать в рабочие колонны на все время войны, передав НКВД СССР для использования на строительстве железных дорог. Мобилизацию закончить к 25 марта 1942 г.».

Подписал постановление Председатель Государственного Комитета Обороны И.Сталин.

«Обустроили» советских немцев, отлучили от семей, от детей, загнали за колючую проволоку, повели на непосильную, каторжную работу под конвоем, под дулом автомата, с собаками, начали морить голодом, изощренно издеваться, садистски глумиться, закапывать трупы во рвы-овраги, истреблять ежедневно, методически, ссылаясь на законы военного времени, но этого оказалось мало, нужно было еще одно совершенно секретное постановление, и оно появилось 7 октября 1942 года.

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Дополнительно мобилизовать в рабочие колонны на все время войны всех немцев мужчин в возрасте 15-16 и 51-55 лет включительно, годных к физическому труду, как переселенных из центральных областей СССР и республики Немцев Поволжья в пределы Казахской ССР и восточных областей РСФСР, так и проживающих в других областях, краях и республиках Советского Союза».

Вчитываюсь в текст. Сначала забрали повально мужчин-немцев в возрасте 17-50 лет. Менее, чем за год их в подавляющем большинстве истребили на лесоповалах, шахтах, строительстве заводов и дорог. Пришлось мобилизовать мальчишек с 15 лет и мужчин до 55 лет.

Но и этого оказалось мало.

Второй пункт данного постановления гласит:

«2. Одновременно провести мобилизацию в рабочие колонны на все время войны также женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет включительно».

Однако, проявили социалистическую гуманность: пощадили беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет?

А как быть с женщинами, у которых дети старше 3-х лет?

И это в постановлении предусмотрено.

«3. Имеющиеся дети старше 3-летнего возраста передаются на воспитание остальным членам данной семьи».

А как быть, если, других членов нет?

Есть, оказывается выход:

«При отсутствии других членов семьи, кроме мобилизуемых, дети передаются на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам».

Ах, мудро! Передать сирот немецким колхозам, которых и в помине нет!

«К мобилизации немцев приступить немедленно и закончить в месячный срок».

А как представляется эта экстренная мобилизация в предзимье? Очень просто.

«5. Обязать всех мобилизованных немцев явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и 10-дневным запасом продовольствия».

Я жил в то время. У меня были родители. Но я не понаслышке знаю, что у немцев-спецпереселенцев к тому времени не было никакой исправной зимней одежды, ни запасов белья и постельной принадлежности (все было обменено на продукты ради элементарного выживания), а о 10-тидневном запасе продовольствия и думать было смешно (радовались горсти ячменя и кружке «обрата» из колхозной фермы).

Кто подписал это «совершенно секретное» постановление? Председатель Государственного Комитета Обороны И.Сталин.

Где я «откопал» эти секреты?

Смотри: «История российских немцев в документах», ч. I., М. 1993, стр. 168-169; 170; 172-173.

О, разных указов, законов, постановлений было много, много! Один другого страшней, глупей и циничней.

Мое поколение их знает.

Досадно, что отмахиваться от них молодая поросль, живущая ныне в иных условиях и понятиях в России, Казахстане, Германии – потомки оболганных, униженных, замученных, истребленных предков.

Знаем мы кое-что и о ГУЛАГЕ – советских концлагерях. О том просветил мир Александр Исаевич Солженицын. Лично мне в этих лагерях по молодости лет побыть не довелось. Но имею сотни знакомых (не только немцев!), которые сидели в лагерях по 8-17 лет. По каким лагерям были размещены рабочие отряды и колонны из советских немцев?

Назову здесь три лагеря, в которых трудились до изнеможения и, надорвавшись, умерли мои родственники по отцовской и материнской линиям.

Ивдельлаг НКВД. Дислокация: Свердловская область, ст. Ивдель. Лесозаготовки. Численность трудармейцев на январь 1942 г. – 12347 (все мужчины); 1943 г. – 12266 (все мужчины); 1944 г. – 5613, (мужчин – 4761, женщин – 852); 1945 г. – 5181 (мужчин – 4301, женщин – 880).

Нижнетагиллаг НКВД. (Тагилстрой НКВД). Дислокация: Свердловская область, г. Нижний Тагил. Строительство металлургического и коксохимического заводов. Численность трудармейцев на март 1942 г. – 3737; на январь 1943 г. – 3717 (все мужчины); 1944 г. – 4837 (мужчин – 3877, женщин – 960); 1945 г. – 4500 (мужчин – 3528, женщин – 972).

Воркуталаг НКВД. Дислокация: Архангельская область, ст. Воркута. Угледобыча. Численность трудармейцев на январь 1944 г. –

6873 (мужчин – 5361, женщин – 1512); 1945 г. – 6571 (мужчин – 5156, женщин – 1415).

И сколько было таких лагерей, в которых преобладал контингент российских немцев?

Центральная немецкая газета «Нойес Лебен» (Москва, от 28 авг. 2013 г.) приводит данные по 34 (!) лагерям. Подчеркиваю письменно: тридцать четыре.

Откуда эти сведения почерпнула газета?

Указано: «Материал подготовлен на основе анализа и сопоставления документов, хранящихся в фондах 9401, 9414, 9479 Государственного архива Российской Федерации».

Е-е... что и говорить, предмет для бесконечного душеизлияния.

Только тот, кто ничего не видит, и верблюда не заметит.

А глухой и вселенский плач не услышит.

Безголосый в лучшем случае только мычит.

Или стонет.

То и дело вопят-пошумливают: холокост, голодомор, геноцид.

А гибельный эксперимент с российскими немцами как называется?

Следствие культа личности?

Слепое возмездие тирана?

Сознательное умерщвление народа?

Необходимая жертва на алтарь победы?

Сатанинские происки?

Уродство тоталитарной системы?

Преступление перед человечностью?

У меня нет ответа.

А если лишь непреходящая боль, омерзение, презрение, безмолвный крик души, глухая ненависть к тем, кто заварил эту густую, кровавую кашу.

А у меня и поныне спрашивают: чем отечественные немцы недовольны? Чего им не хватает? К чему им бывлая государственность – трудовая коммуна или автономия? Чем вызван их массовый исход из страны, в которой они обитали, которой они служили верой и правдой 200 лет? И с какой стати они педалируют свое скорбное прошлое? Не одни ведь страдали, лишения-несправедливости терпели.

Ну, было, было, было. Что ж теперь? Обстоятельства вынуждали. Жизнь заставила. Не было черного умысла. Надо же считаться с крутыми зигзагами судьбы-истории. А вождь сказал: «Война без жертв не бывает».

1. У меня уже нет сил отвечать на такие вопросы-упреки разных Klugscheib«Нынешнее реальное состояние отечественной системы образования крайне тревожное».

2. «Качество знания среднего выпускника общеобразовательной школы нашей страны на уровне ниже удовлетворительного».

Диагноз поставлен. Но намечены и пути лечения.

И в этом пафос книги, ее значимость и поучительность. Для учителей, для управленцев, для родителей, для Гражданина независимой страны.

* * *

Вот название для романа на современную тему – «Время большой лжи». Правда, я не вижу писателя, который мог бы такой роман написать. Разве что Магауин? Или, может, Нурмаганбетов?.. Не знаю.

* * *

В русских домах на Волге в довоенное время – я это слышал и видел – подметали хаты веником. Сор заметали по углам – под кроватью, под лавкой, за сундуком, в закуток за печкой. Раз-раз... пыль столбом... и вся уборка.

В немецких деревнях метлой пользовались только во дворе. И то сначала окропляли двор лейкой. А в доме делали только влажную уборку. С пылью сражались истово.

У мамы было правило: сор необходимо вычищать прежде всего по углам, где не видно. А где видно – пусть лежит прямо посерединке, дабы все лицеизрели, какая хозяйка неумеха-неряха.

Таковы были вековые традиции в немецких колониях. Работа абы как считалась позором. Лентяй было ругательным словом.

В современном Казахстане, я заметил, сор тоже замечают по углам. Убирают только там, где видно. Посерединке. Для показухи. Для отвода глаз. А по углам вековая грязь, пыль, паутина, копоть.

Такова государственная политика.

* * *

О, да... одно и то же явление, один и тот же факт позволительно трактовать по-разному. Писатель Анатолий Штайгер, бывший российский немец, в очерке «Задумал я побег» напомнил старый анекдот: стоит круг людей различных национальностей с переводчиками и пытаются понять, что сказал чехословак – наше пиво самое лучшее в мире. Один переводчик переводит: чехословацкое пиво самое лучшее в мире. Второй перевел: чешское пиво хорошее. Третий: чешское пиво не такое уж хорошее. Четвертое: чешское пиво плохое.

И, полагаю, каждый по-своему прав.

* * *

Есть казахские писатели, которые рьяно утверждают, что ради сохранения природного казахского языка, надо максимально приблизить орфоэпию к орфографии (и наоборот), то есть, писать русские и иностранные слова так, как это удобно и естественно для произношения, для исконно казахской артикуляции. Вместо «газеты» писать гәзет, кәзет, кізит. Вместо «снегурочка» – сенгүрөшке,

вместо «Монтескье» – Мэнтескейа. «Товар» – тауар, «кровать» – керует, «самовар» – самауыр, «телефон» – телепон, «справка» – ысправка, «телеграмма» – тілграм, «четвертый» – шабдартай, «первый» – перуай, «золотой ключик» – салатай күліш.

Нонсенс! Ничего более глупого придумать нельзя. Получается: «Эй, көзне-маладес, раскуялся жарабес».

Таково, якобы, требование закона сингармонизма.

Если так, мол, будем писать, избавимся от засилья русской грамматики.

В произношении казахского писателя-корифея Н. «ковыль» – кобыл, а «Нобель» – Нобыл.

Что, так и писать?

* * *

О том, что в многонациональном Казахстане давно установились весьма толерантные, даже дружеские, братские человеческие отношения между народами, я не однажды писал и говорил с гордостью и восхищением.

Однако, каким образом это случилось?

Откуда такой феномен? Или – как одно время говорили – лаборатория?

Кто заложил основу такого братства?

Ответ – если смотреть в корень – неожидан и парадоксален: С-т-а-л-и-н!

Да, да, тот самый. Хоть смейся, хоть плачь.

Усатый, подозрительный великий вождь, видевший во всех тайных врагов, врагов народа, никому не доверявший, сославший тьму-темь «неблагонадежных» народов в неохватный Казахстан, сам того не желая, помимо своей сатанинской воли, заложил основы истинного интернационализма.

Смутно я это чувствовал всегда, с малых лет, как только был депортирован с берегов Волги на берег Есиля. Но не смог эту очевидную мысль сформулировать четко и ясно, пока не укрепил меня в моей догадке российский немецкий писатель, живущий с 1997 года в Германии, – Игорь Шёнфельд в своем остром, беспощадном в своей правдивости романе «Дороги Августа».

Вот этот пассаж:

«Август вообще становился постепенно русским человеком – не в смысле национальности, а в смысле ощущении причастности к единой беде: много их было в Казахстане, несчастных депортированных немцев Поволжья, но и русских со всей страны было тут не меньше. И не только русских, но и корейцев, греков, венгров, финнов, итальянцев, румын: воистину огромен и многонационален был народ, объявленный Иосифом Сталиным своим врагом... при котором бесправные немцы, корейцы, греки, чеченцы, венгры, финны, итальянцы и румыны стали братьями одной, единой беды. Да, это было то самое братство, в котором чеченец без всяких плакатов и призывов стал братом и немцу, и крымскому татарину, и белорусскому поляку».

Так получилось: собрал-согнал великий вождь оболганных, униженных и оскорбленных в одну кучу и сотворил интернациональный дух, косяк братских народов на бескрайних просторах Казахстана. А ведь он совсем не то хотел. Жизнь внесла существенные коррективы.

* * *

По себе знаю: очень непросто жить с ущербным сознанием репрессированного, депортированного. Память прошлого тебя преследует всю жизнь. Память становится садистом, палачом, истязателем. И в отчаянии кажется, что легче жить без прошлого, без памяти.

Волком выть хочется. Память парализует порой волю, все твоё существо. Чтобы изжить её, нужно несколько поколений. Память эта зарождается генетически, ещё в утробе матери. Писатель Игорь Шёнфельд в романе «Дороги Августа» пишет о своём герое: «Он научился жить без мыслей. Или только с минимальными мыслями. Потому что мысли будили отчаяние. А жить с отчаянием в сердце было тяжело до невозможности. Но жить было нужно: ради будущего».

А ведь так жили-выживали все мои соплеменники – моё поколение и старшее. Народ (российские немцы) был обречён на гибель, на голодомор, на методическое истребление.

Все стали подранками. И живут, стиснув зубы. Некоторые (редкое исключение) кажутся вполне благополучными. Как я, например. Вроде и жаловаться грешно. Кому какое дело до моих душевных терзаний?

А во сне я и поныне езжу под конвоем в ссылку в товарном щелястом вагоне (восемь семей по сорок человек), не смея даже плакать и обивая пороги комендатуры, неприкаянно брожу – голодный и холодный – спецпереселенцем, неблагонадежным, изгоем с тавром шпиона и диверсанта, как аттестовал нас великий вожь всех времён и народов...

Мы бредём по краю обрыва

(рассказ)

...боль. Боль. БОЛЬ...

Она подкралась незаметно, исподтишка, стянулась, сжалась в комок – тупая, ноющая, неослабная. Вцепилась намертво. Медленно, но неуклонно разрастаясь, разливаясь по всей груди, подбиралась, подкатывалась к горлу, перехватывала дыхание, простирала свои жадные щупальца к плечу, к животу.

Никакие нитраты не в силах ее обуздать, купировать.

«Четвертый», – мелькнуло холодком.

Вот напасть! С какой стати? Ведь еще от третьего не успел за зиму оклематься.

Скорая?

Что случилось? Адрес? Телефон? Подъезд?

Ждите!

Он всей пятерней сгреб тугую боль, стиснул ее ладонью и рухнул на диван, скорчился, с усилием задавливая стон.

«Скорая» подкатила довольно быстро, а почудилось – вечность.

Та-ак... Давление. Кардиограмма. Укол. Еще укол. В вену. В мышцы. В живот. Изокет. Аспирин. Кардикет. Конкор. Еще. Еще. Не легче? Не отпускает? Давление не снижается. Аритмия.

Забираем.

В реанимацию.

Через полчаса, после очередной кардиограммы, растелешенный, он очутился в просторном реанимационном зале в окружении врачей и сестер.

– Что зачистили? Понравилось у нас? – пошутил кто-то.

– М-мм...

...боль. Боль. БОЛЬ...

Она неукротима, как взбесившийся зверь.

Нет с ней сладу.

Хмурая, чем-то возбужденная, взбудораженная сестра склонилась над ним, ширнула иглой в запястье, досадливо передернулась.

– Фу, блин!

– Что? Вена плохая?

– Лопнула!

Пощупала чуть ниже, резко, с нажимом протерла смоченной спиртом ваткой, примерилась, ширнула еще разок, поморщилась.

– Фу, блин!

– Неудача?

– Опять лопнула! Дайте другую руку.

Сестра явно не в духе. Видно, конец рабочего дня. Домой пора. А тут возись с ним!

Ширк-пырк. Трах-бабах. Кое-как внедрила в вену катетер, обклеила тяп-ляп, укрепила пластырем крест-накрест.

– Не «блин» надо было говорить, а «бисмилля».

– Что-о? – Сестра ошпарила его черным взглядом. – Что еще за «бисмилля»? Казах, что ли?!

– Не совсем, но близок.

Один доктор. Второй доктор. Третий.

Капельница. КМА. Изокет. Таблетки. Уколы.

– Сейчас полегчает.

«Сейчас» наступило часа через два. Боль начала нехотя отпускать. Дыхание налаживалось. Еще через час боль смирилась, улеглась, утишилась. Точно змея уползла в нору. И под мерным кап-кап-кап он провалился в спасительную дрему.

Ночью он малость оклемался, прислушался. Оказался в знакомом реанимационном зале, в котором он уже однажды бывал, за ширмой тихо постанывала женщина, временами взывая к Аллаху. За ней стояла еще ширма, крихтит мужик, без конца требуя к себе внимания, далее расположилась еще некая пожилая дама, хриплым, прокуренным голосом монотонно напоминающая, что ее пора перевести в свою палату в отделение; далее – ближе к краю зала – разместились еще двое бедолаг, к которым хлопотуньи-сестры то и дело спешили гурьбой по первому зову...

Боль тупо отзывалась в сознании.

Бог весть, чем меня напичкали, накачали, одурманили. Загрузили онемевшую плоть всласть, по завязку. Восприятия затормо-

зились, мозги затуманились, все вокруг покрылось, затянулось пеленой, все зыбится в нелепой мешанине реального и ирреального. Стараюсь стряхнуть этот тяжелый обморок – не получается. Будто на мгновение вырываюсь из топкого омута, в который снова окунаюсь с головой. Мерещатся вороха рукописей, давних, уже пожелтевших, закручивавшихся по краям и еще недавно начатых, исписанных то внятным крупным почерком, то мелкой-мелкой неразборчивой вязью; и я их разглядываю через лупу, и эта таинственная вязь уводит меня, затягивает в сутемную пучину. И я с усилием вновь выплываю, стряхиваю блажь и оказываюсь замураванным грудami неподъемных фолиантов; потом вдруг попадаю в старый отчий дом на берегу Есиля, сталкиваюсь то с отцом, то с матерью, то с сестрами, переселившимися ныне на ташкентский погост. То вдруг вижу себя в киргизском аиле, и Чингиз Турекулович показывает мне какую-то свою рукопись на киргизском языке. И я ее читаю вслух и все понимаю. Потом, неведомо каким образом я сижу в своем колченогом, продавленном кресле за своим старым письменным столом, в крохотном кабинетике и выписываю на бумажке предстоящие неотложные дела: составление книжки для детей, книгу воспоминаний, рецензии и отзывы на несколько книг, продолжение «Плетенья чепухи», предисловие к «Четвертому Риму» Мориса Симашко, материалы для «Литературной Алма-Аты», для «Простора», «Парасата», «Керуена», тщетно вспоминаю, кому что обещал, и мне все тревожней на душе, ибо с отчаянием вспоминаю, что не успеваю, не успеваю, не успеваю, если проваландаюсь в реанимации.

Тяжко мне, тяжело.

Особенно от сознания, что от моей воли и характера ничего уже, кажется, не зависит.

Я все же перебарываю себя и с трудом выбиваюсь из толщи воды и улавливаю больничные звуки, скрипы, лязги, шорохи,

стоны, перекличку разных аппаратов, щелчки, шлепки, посвисты, стук и бряк, приглушенный шепот, суету и беготню сестер и санитарок.

– Гюльнара, ты где?

– Сымбат, срочно в третью палату!

– Багдагуль, давление какое? А сахар?

– Ида! Жанна! Татьяна! Булбул! Айнур! Ельнур!

– Эй! Ай! Уй! Ух! Бух!

Суматоха как на току-хирмане в страдную пору.

Я вновь впадаю в тяжелую дрему-дурман. Опять караваном проплывает жуткая мешанина из диковинных картин, химеры на-слаиваются, исчезают, испаряются, сменяются, как в калейдоскопе, и я оказываюсь в разных слоях времени и пространства, и никак не различу границы сна и яви.

Все смешалось, перемешалось, сплелось.

Все плывет, зыбится, вспыхивает и потухает, гаснет, истает, клубится.

Вслед за Морисом выплывает из мрака знакомые лица моих коллег, приятелей, друзей, их много-много, они давно уплыли во всесокрушающем потоке, обитают в иных пределах, далеко за горизонтом, за горами, за долинами, за облаками, в царстве звезд, и их больше, больше, больше тех, кто еще до поры до времени гостят на этой не очень милосердной земле.

И вот из забвения предстал перед моим воспаленным взором диковинный мангышлакский каньон, заросший по краям колючками, кустарниками, кривыми, чахлыми деревцами, с жуткими каменистыми выступами, похожими на фантастических чудовищ, изъеденных ветрами, дождями, солнцем, с испещренными звериными и людскими тропами, с песчаным, валунистым ложем, с крутым обрывом, по отполированной стенке которого льется-пле-

шется-булькает-грохочет-искрится вода, непрекращающийся веками водопад, прозрачный и знобяще холодный даже в нестерпимый мангышлакский зной.

О, да... это было, было, было... Помню, славный сын того края Абиш, возглавивший наш поход в этот каньон, уверенно спускался по крутой, узкой тропе, и мы – писатели, ученые, журналисты, участники культурно-просветительской программы, – цепляясь друг за дружку, упорно спускались по обрыву в каньон, доносивший прохладу из утробы Земли.

И я вижу, узнаю всех своих друзей – Зейнулла Сериккалиева, Зейнулла Кабдулова, Балгабека Кыдырбекулы, Кыдыр Мырзалиева, слышу их голоса, шутки, остроты, рифмованные экспромты. Все они за последние годы покинули нас, опечалили, осиротили наши души, а вот теперь, когда меня милые эскулапы старательно реанимируют, ушел и выдающийся композитор, деятель-азамат, яркая, колоритная личность Еркегали Рахмадиев, который тоже был среди тех паломников мангышлакских достопримечательностей.

...Да-а... Все мы бредем по краю обрыва, и нас, современников-замандасов, остается все меньше, меньше.

Что ж... ропщи – не ропщи, такова доля всех, кто однажды посетил земную юдоль.

И что? Можно обо всем этом не думать? Если Творец озарил, одарил тебя сознанием и зрячей душой?

Нет, не думать не могу, хотя и бодрюсь из последних сил.

Доносится сквозь пелену голос любезной Шынар, дочери моего давнего знакомого-коллеги Сарбаса.

– Не храбритесь, не бодритесь, не активничайте: у вас все-таки инфаркт.

«Четвертый», – подсказывает в уголке сознания злорадный Азель, а Шынар, свидетельница и диагностка всех моих сердечных дел добавляет:

– И ни о чем не думайте.

– Как это?

– А так. Что случилось, то случилось. Относитесь философски.

Легко сказать! Кем же надо быть, чтобы ни о чем не думать.

Разве что толстокожим носорогом?

Группа белохалатников обступила мое ложе, что-то советует, каждый на свой лад подбадривает.

Опытный кадр, поджарый, стройный Ахá, курировавший знатных персон, изрекает:

– Главное: не унывайте. Если седок не уверен, и конь под ним не скачет.

«Мудрая сентенция, – отмечаю про себя, – можно будет использовать в какой-нибудь статье».

Вижу: дамы в белых халатах ухмыляются. И седок, и конь, видно, померещились им совсем в ином смысле.

Я посетовал на то, что на восстановление уйдет много бесценного времени.

– А у меня уже своего времени не осталось...

Еще один белый халат тотчас отзывается:

– Всегда надо чем-то жертвовать, чтобы чего-то достичь. После четвертого инфаркта вам надо себя сильно поберечь. Вы, слава богу, и так немало сделали. Рейтинг у вас высокий.

Слышу давнее признание Абдижамила: «Ой, как я сильно хворал! Думал: откину копыта. Подумаешь: всем положено уходить. Да надо бы что-то совершить».

Увы, редко кому это суждено. Разве что олимпийцу Иоганну Вольфгангу Гете...

– Я вас не агитирую, не уговариваю, не навязываю ничего, – заговорил у моего изголовья моложавый джигит в ослепительно белом, тщательно отглаженном халате. Человек опрятный, располагающий, с твердым умным взглядом.

Догадался: один из ведущих хирургов, о котором врачи прожужжали все мои уши: «Золотые руки. Кудесник».

– Вы должны знать: каждый инфаркт – это отмирание миокарды. А клетки, к сожалению, не восстанавливаются. Четвертый инфаркт – это очень серьезно. Дальше будет еще хуже. Какой-то может быть роковой. Опять-таки возрастной фактор. Риск большой. Поймите: без аортокоронарного шунтирования не обойтись. Вам нужно не только шунты ставить, но и клапаны заменить. У вас, если откровенно, работает только половина сердца...

Вспомнил: мой друг Абиш признался в беседе с Кулбеком, что у него ныне функционирует лишь половина мозгов. У меня же, выходит, лишь половина сердца.

Невесело. Тащимся, бредем, получается, по краю мангышлакского каньона.

– Спасибо, Серик, за откровенный разговор. Я вам верю. Дело в том, что я мысыктабандап приближаюсь к 80-летию. И мне надо бы издать еще пять-шесть книг. Может, дотяну? Потом мои друзья, Шота и Аманжол, прошли в моем возрасте операцию АКШ, но они также не вылазят из больницы и санатория. Так какой смысл?

– Смысл в продлении качества жизни. Вы говорите о 80-лети, а после шунтирования проживете еще лет пять-десять.

– А зачем, милый доктор? Ну, издам все рукописи, перестану марать бумагу, совсем одряхлею, буду не жить, а прозябать, после всех мук и рисков. Ради чего?

Серик немного смешался.

– Ради жизни.

– После 80-ти лет?! Когда ты превращен в развалину?!

– Жить интересно и после девяноста.

– Не уверен...

За операцию агитируют меня все, в один голос, как сговорились, и в искренности моих эскулапов-азаматов я ничуть не сомневаюсь. Все они желают мне добра и благополучия.

И во время утреннего обхода, немного церемонного и пышного, с сохранением неведомой мне субординации, глава консилиума, весьма серьезная дама, строго изрекла, как окончательный вердикт:

– Готовьтесь!..

– К чему?

Совет прозвучал несколько двусмысленно, и строгая дама поспешно поправилась:

– К операции!

Совет, наверное, разумный. Но у меня нет ни уверенности, ни убежденности. Я ведь человек интуиции, доверяю некому внутреннему зову.

– Видите ли, почтенные. Я вообще-то атеист. Но не воинствующий. И с некоторых пор прислушиваюсь к Голосу, который диктует свою волю. И безропотно ему подчиняюсь. Я верю в Абсолют, в высший Разум, в некую Силу. А Голоса свыше нет. Знака нет. Понимаете? И я жду.

Члены консилиума переглянулись, сдержанно усмехнулись. Видно, от меня такого признания не ожидали.

– А потом я вырос в казахском ауле, в казахской среде. И казахи мудро утверждают: сколько предначертано тебе лет, столько и проживешь. Мне это по душе.

– Да-а... Но на Бога надейся, а сам не плошай.

– Бог-то Бог, да сам будь неплох.

– А медицина тогда зачем?

– Ладно. Будем ждать голос.

– Что должно быть, того не миновать.

– Что должно быть, то и будет. А что будет – то уже было.

На четвертые сутки перевели из реанимации в палату. И все здесь знакомо. Бывал не раз. И лечащий врач – давняя знакомая, милая Сауле, заботливо подбирающая арсенал лечения. Е-е... ничего нового под луной.

Новое – только соседи по палате. Люди всегда интересны и неповторимы. Мне большей частью везет. Повезло и на этот раз.

...Серику Б. 75 лет. Физически крепкий, закаленный в жизненных бурях, мобильный казах. Прошел, как говорится, Крым и Рим. Владелец многих профессий. Авиатор. Летал. Лет семь представлял в Китае. Учился в Москве в престижном вузе. Работал в ЦК Казахстана. объездил Европу, Америку, северную Африку, южно-восточную Азию. Очень современный, деятельный. Спортсмен. Огромные связи. Контактный. Открытый. Здравомыслящий. Все понимающий и все умеющий. Всем интересующийся. Жена – кандидат наук. Двое взрослых, одаренных детей. Оба бизнесмены. Один внук учится в США, другой – в Швейцарии. И еще двое-трое подрастают, тоже проявляют способности.

Я им любуюсь: колоритный казах. Видный. Крепких корней. Матушке 99 лет, а еще мобильна.

Правда, сердце у Серика немного шалит, хотя аортокоронарное шунтирование провел в Германии. Обнаружилась легкая одышка. Читает. Забавляется компьютером. Большинство власть предержащих его знакомцы. Со многими из них сотрудничал.

Мы сразу же нашли общий язык. И мне было с ним приятно общаться. Единственный недостаток, который я в нем обнаружил, – несколько скованная казахская речь. Он всю жизнь больше вращается в русской среде. И ему легче общаться по-русски. Рассуждает он, конечно, иначе, чем доморощенные нацпаты. Его угнетает наша экономическая отсталость, потеря былых критериев и ценностей, разруха в системе подготовки кадров, образования,

медицины, культуры труда и управления, бессистемность, хвастовство, политический треп, неумная болтовня, отсутствие научно выверенных критериев, неясность цели, зыбкость перспективы, духовный и нравственный разброд и шатание.

Тотальное рвачество погубит наше общество.

Сколько можно продержаться на советских ценностях?

За годы независимости потерь значительно больше, чем обретений.

Истинную перестройку Серик увидел только в Китае. Ему и принадлежит XXI-ый век.

То, что происходит у нас сейчас во всех сферах, обернется большой бедой, карой, расплатой. Бессистемность, нечеткость управления процессом – наша погибель. И несложно провидеть наше грядущее.

Коррупция – наша национальная трагедия. Борьба с нею – фарс, химера, обман. Отсутствует мотивация честного, созидательного труда.

Простая истина: КАРМАН к гробу не пришьешь – нам недоступна.

Ход мыслей бывалого и трезвого Серика Б. мне симпатичен и созвучен.

И мне было жаль с ним расставаться.

Я обитаю среди казахов с 1941 года, знаю этот народ прилично, прирос к нему сердцем, душой, языком, и все же, видно, знаю недостаточно, образовались новые пласты, сложилось незнакомое племя, которое еще нужно понять, осмыслить, ощутить во всех параметрах.

Все на свете кардинально меняется. В том числе и вековые традиции, нравы, ценности, ориентиры.

Что прошло – прошло. Настраиваться надо на грядущее. Иначе будешь обречен плестись в хвосте кочевья.

Свято место пусто не бывает. Не успел удалиться Серик, на его место в палате первой кардиологии заступил Амантай М.

Но сначала сестра занесла его пузатый, щегольской портфель, а через некоторое время объявился и сам клиент: невысокого роста, в очках, со строгим выражением лица, с достоинством и уверенностью во всем облике.

«Преподаватель вуза», – решил я.

Оказался финансист. Кандидат экономических наук. Был замом какого-то министра. Лет на девять моложе меня, а по части болезней и разных испытаний куда опытней. «Недипломированный профессор-кардиолог», – пошутил он. Два инфаркта «отхватил» раньше меня; шунтирование сделали в Турции; за последние годы поставили пять стентов. И опять обнаружили нелады. Опять предстоит коронаграфия. Родом из Кокпекты. Служил в армии. Белый свет изрядно познал, пока «двигал» легкую промышленность в республике. Лицом больше похож на корейца, бурята или монгола.

– Намыс жок! – резко выпалывает мой собеседник-сопалатник. – Честь потеряли! Совесть, разум утратили... Вот я живу на Дзержинского. На каждом углу тусуются мои кандасы-соплеменники из аулов. В китайском тряпье, в вонючей китайской обуви, шумные, крикливые, с дешевыми мобильниками. Готовые на любую работу. Зайдешь в магазин – они же грузчики, неси-подай, тяни-толкай. На базаре опять-таки они тележки толкают. Орут: «Ноги, ноги!» Бишара! И жалко их. И стыдно за них. Живут за городом, как попало. В саманных пристройках, на заброшенных дачах, в лачугах. Ужасно! Зарабатывает этот бедолага-сорлыбай за день кое-как на чай-пай, на нан-май, на чекушку и доволен. Е-е, куда, бергеніне шүкір! Слава Аллаху! Бисмилля ирахман рахим! А что дальше? Что завтра? Что будет с детьми? Что вообще их ждет? Ай беда!

И он не думает. И те, что наверху, о том голову не ломают. А зачем? Баба его во дворце в Швейцарии сидит. Сам он миллионами воруется, разными красотками забавляется. Чихать он на все хотел! По «Хабару» трендит: двадцать тридцать, двадцать пятьдесят! Мы самые-самые! Весь мир смотрит на нас. Поражается нашими темпами. Атаңның басы!!

...Слушаю горестный монолог соседа по палате, предаюсь своим думам, лежу под капельницей. Кап-кап-кап по жилам-сосудам изокет с аспаркамом. Приходят на ум саркастические строки незабвенного Калтая: «Ак сиса, кызыл сиса, сиса, сиса. Мен алып жатырмын капельниса...»

Мир казахов сложен, неоднозначен. Те казахи, которых я знаю и с которыми большей частью общаюсь, – выходит, лишь часть казахов. Фактически существует огромный пласт нации, который к исконной казахской культуре, истории, литературе, ментальности, языку ровным счетом никакого отношения не имеет. Они, как выражается поэт Шаханов, только «по мордиям» казахи, то есть, по внешнему облику, а по сути некий иной этнический продукт, отражающий своеобразие времени и обстоятельств. Но как бы там ни было, все равно казахи. Ни к какому другому этносу их не пристегнешь. Сабит Муканов, помнится, говаривал: Старый урус мусульманином не станет». То же самое и с казахом: трижды прокрути его через мясорубку – не станет он ни урусом, ни шуршутом. Впрочем, это можно сказать и о других. Например, о российских немцах. Получается, казах, но не совсем. Немец, но с примесью. Не сразу определишь: подпорченный или обогащенный.

Тысячи и тысячи казахов учились в русских школах, окончили российские вузы, поневоле внедрились в русскую культуру, объездили белый свет, работали или работают за рубежом, шпрехают

или спикают на иных наречиях. Они дипломированные специалисты, занимают в обществе и государстве высокие должности, мыслят масштабно, и их не волнуют те, казалось бы, острейшие проблемы, о которых так рьяно, зачастую исступленно пишет казахская пресса. Я с такими казахами, заметно оторвавшимися от всего сугубо национального, но так или иначе работающими на имидж государства, встречаюсь нередко. Мне они кажутся интересными, хотя нацпаты склонны их казахами не считать. Но это совсем не значит, что нацпаты по достоинству и качеству выше их. Наоборот, они живут в своем универсальном мире, являются очень современными людьми и совсем не страдают оттого, что не соответствуют каким-то критериям, представлениям так называемых «таза» (чистых, подлинных) казахов. В обществе у них своя ниша, которая, похоже, разрастается, расширяется с каждым годом. Более того, им совсем не хочется быть «таза» казахами, их вполне устраивает, что они «шала» или даже «ада». Комплекс неполноценности им абсолютно не свойственен. Зато они овладели такими профессиями, заворачивают такими делами, познали столько всяко-разного, чего «таза» казахам и не снилось. Сталкиваясь с таким национальным пластом, я порой начинаю сомневаться в своих представлениях и предрассудках. Надо полагать, я не всегда прав в своих казахских мотивациях.

...Вырвался-таки на балкон. Ах, благодать! Ясное небо. Птички ликут, на все лады чирикают. Пахнет солнцем и распутившимся почками. Горы окутаны хмарью.

Как хочется малость окрепнуть, восстановиться и вернуться домой! Домой, домой! Дома и стены, и родная жена помогают.

Зашел в палату многоопытный Ахат Аминович, начал учить меня разным манипуляциям, якобы укрепляющим сердце.

Старательно внимаю ему. А вдруг есть какой-то толк? Хотя бы для утешения. Утопающий хватается за соломку.

Впорхнули две милые казашки-санитарки.

– Агай, что вы все пишете? Вы акын? У подружки завтра день рождения. Может, сочините поздравительный стишок?

Вошел главный врач – молодой, миловидный, ухоженный.

– Как себя чувствуете?

Голос приятный, баритональный, очень знакомый. Выяснилось: сын моего давнего коллеги.

– Ну, что? – спрашивает с улыбкой. – Голоса свыше еще не было?

Ясно: намекает на операцию. Ратует за кардинальное лечение. Ничего другого, мол, не остается.

– Ребята у нас – во! Сделают, как надо.

– Верю, верю. Да вот беда – нет знака. Голоса нет.

– Да будет вам Голос, ага! Нечего тянуть-откладывать.

– Жду.

Ясный день. Весна. Солнце. Я в раздумье. И жизнь прекрасна. А мы бредем по краю обрыва. Уже сорвались с него Сериккалиев, Кабдолов, Кыдырбекулы, Рахмадиев, Санбаев, Мырза-Али... На том свете друзей-приятелей уже больше, чем на этом. А человек – пенде. Цепляется за хрупкую нить, за соломку до последнего.

Кап-кап-кап по жилам-сосудам живительный изокет.

И что впереди?

Бредем, бредем-тащим по краю обрыва...

Апрель 2013 г.

Больница. Палата № 3

Тетрадь двадцать шестая

Шорнабай

* * *

Сидят на скамейке у памятника Чокану два старика и долгим взглядом провожают женщин, снующих взад-вперед. Вздыхают. Облизываются.

– У тебя песик лает? – спрашивает один.

– Лает, да не кусает, – отвечает второй.

И оба по-стариковски похикикивают.

* * *

Что-то, замечаю, казахстанская власть очень печется об увеличении народонаселения, а оралманов, похоже, не очень-то жалует. Ставит разные преграды, гражданство надумала дать по истечению пятилетнего срока проживания.

Ну, это ни в какие ворота!

И мне почудилось, что казахская власть побаивается казахов, предпочитая Ассамблею народов. С ней, видно, мороки меньше.

* * *

Журналист Андрей Столяров («ЛГ», № 43/13) пишет: «Маркс, ссылаясь на Гегеля, полагал, что история повторяется: один раз – как трагедия, второй раз – как фарс. Нам кажется, что Маркс был не вполне прав. История действительно повторяется. Однако каждый раз – именно как трагедия».

Журналист, понятно, имеет в виду Россию.

Я же, казахстанец, полагаю, что и у нас истории (во всех сферах) повторяются, но преимущественно как комедия. Ни Гегель, ни Маркс этого, конечно, предвидеть не могли.

* * *

Как-то, на 8-ое марта, делая женщинам комплименты, наш саруар как бы вскользь заметил, что «женщины не воруют».

Не знаю. Саруару видней. А я вспоминаю ту пройдошливую мадам, которая ловко поживилась на переписи населения и сделала ноги то ли в Эмираты, то ли в Россию. Знаю также добрый косяк хатунов и келиншек, которые грациозно присваивали себе государственные деньги.

Российским мадамам тоже палец в рот не клади. Ныне, к примеру, уже забыли госпожу Скрынник, министра сельского хозяйства России, которая свалила за рубеж, прихватив казенные миллионы. Или вот экс-глава Департамента имущественных отношений Минобороны РФ Евгения Васильева, которая нанесла ущерб государству на сумму более 3 миллиардов рублей. У ней же, у мадам Васильевой, изъяли 19 килограммов ювелирных изделий, в т.ч. 57 тысяч бриллиантов, рубинов, изумрудов. (см. «ЛГ», № 41/13).

Каково?!

Еще неизвестно, кто ловчее ворует детишкам на молочишко – господу или госпожи.

Думаю, комплимент саруара не очень-то корректен.

* * *

Что-то я не встречал в печати доброго слова в адрес наших судей. Конечно, теоретически можно предположить, что среди них встречаются порядочные, честные люди. Но пишут-то больше о неправедных, продажных, нечистых на руку, лихоимцах-взяточниках.

Читая о них, вспоминаю пьесу А.Н.Островского, в которой старуха говорит:

«В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой – салтан Махнут персидский; и суд творят они надо всеми людьми, и что ни судят они, все неправильно. И не могут они ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен».

Видно, и нашим судьям-неумехам положен такой предел.

* * *

Зинаида Миркина, поэтесса, переводчица, вдова знаменитого философа-культуролога Григория Померанца (надеюсь, в Казахстане хоть кто-то его знает), на вопрос корреспондента «Новой газеты»: «Назовите три, на ваш взгляд, определяющие приметы современной России» отвечает:

– Бандитский капитализм. Цинизм. Отсутствие правосудия.

По отношению к Казахстану я бы ответил так:

– Бандитизм. Коррупция. Невежество.

* * *

Казахскому «Мыркымбаю» вполне соответствует русский «Вася Пупкин». Шаханов придумал два определяющих современное казахское общество имени – Ырбикул и Жырбибай. Едко и точно!

* * *

Вопрос: в какой степени казахские чиновники-воры в высоких креслах – казахские патриоты? В чем выражается их патриотизм? В том, что, набив коржуны миллионами, сигают за кордон? Странно, что именно они внушают казахской бишаре патриотические чувства. Нищие казахи, шныряющие по базарам, должны быть патриотами?

Что-то тут не так, братцы!..

* * *

Он говорит: «Я горжусь тем, что родился казахом!»

Я говорю: «Горд тем, что являюсь этническим немцем».

Ну, и что? Так и будем гордиться и выпендриваться друг перед другом?.. Қой, айналайын! Лучше обнимемся грудь в грудь, дескать, и ты хорош. И я не лыком шит.

* * *

Шумели: доктрина, доктрина. А где это доктрина?

Говорят: нур-отан, нур-отан. А это в самом деле – партия?

Партия вроде есть, а работы никакой.

А если и есть работа, то толку никакого.

Ну, да... толку никакого, а доктрина есть.

Доктрина есть, но где она?

Сказка про белого бычка.

* * *

Я понял вот что:

– никто ничего не знает;

– пакости ждут человека на каждом шагу;

– лучше настраиваться на худшее, тогда хорошее воспринимается приятным сюрпризом;

- не спеши, все равно опоздаешь;
- конечно, лично от тебя, от твоей воли кое-что зависит, но не все;
- то, что должно быть, то и будет, но и сам не сиди сиднем;
- а главное: не суетись, не хапай, на чужое рот не разевай, всегда помни, что Творец создал тебя человеком.

* * *

Двести лет тому назад провидец Мөнке би предсказал:

«Испоганишься, народ мой, измельчаешься,

и порукой тому станет то,

что жить будешь в домах, нагроможденных за крепостью,

что суд несправедливый будут творить бии лукавые,

что каждый месяц прошумят сборища,

от которых польза народу ни на грош.

И язык твой будет шершавый-пестрый

и вера твоя будет сомнительной,

жены твои будут шастать по базарам,

а мужчины сторожить очаг погасший...»

О, Аллах! Это же наше время! Как степняк-акын провидел его?!

* * *

Кружатся мои компаньоны-старичье вокруг уютного подворья-садика, постукивают бадиками-тростью, растабары баят:

– Слушал, какую «рипорму» затевает наш новый министр?

– Какой?

– Ну, тот, которого посадили на науку и образование.

– А-а... Так он же появился всего два месяца назад.

– Прыткий оказался. Решил все университеты одним махом приватизировать.

– Не дейді?!

- Ну, и что будет?!
- Разве можно давать в частные руки образование и науку?!
- У нас все можно! Подумаешь!
- Это значит «Гитлер капут»?
- Конечно, капут! К чему нам образование, наука? Мы и так войдем в тридцатку передовых государств.
- А разве не вошли уже?
- Кажется, нет...
- Войдем! Какой разговор?!
- Неужели министр сам додумался до этого?
- Кайдам! Кто-то шепнул наверняка.
- Ия, ия... Не иначе.
- Апырай! У нас наука и образование и так «шыкпа, жаным, шыкпа».
- Можно представить, какого уровня будут у нас университеты.
- Е-е... то ли еще будет...
- Не волнуйся... все будет!

* * *

В далекие (или не очень?) кунаевские времена секретарь ЦК КПК по идеологии Саттар Нурмашевич Имашев привел молодого кустанайского немца Владимира Аумана к Динмухамеду Ахметовичу.

– Вот наш новый инструктор.

Кунаев укоризненно посмотрел на Саттара, дескать, что еще за еврея ты ко мне привел.

Саттар сразу все смекнул.

– Нет, нет, Димеке, он немцыс, немцыс, но умный, как казах!

Ауман долгие годы успешно работал в ЦК КПК, потом его забрали в Москву в какой-то отдел ЦК КПСС. Ныне он с головой ушел в дела российских немцев.

* * *

Писатель Мухтар Магауин как-то сказал обо мне: «Когда-то, давным-давно, Бельгер, может быть, и был немцем, но теперь он казах».

То, что простодушные и добросердечные казахи нередко воспринимают меня казахом и всячески поощряют меня, конечно, лестно и меня греет. Но в душе я все же предпочитаю оставаться природным немцем.

* * *

Давний знакомый, знатный казах Батырбеков, как-то издали заметив меня, громко пошутил в окружении толпы, собравшейся на поминки:

– Вон идет немец, который казахам так и не стал.

В толпе дружно и безобидно рассмеялись, но мне шутка пришлась не по душе. Неужели то, что я не стал казахом, – мой изъян? Я ведь придерживаюсь принципа: кем родился, тем и оставайся. Сабит Муканов говаривал: «Старый урус мусульманином не станет».

* * *

Назвал я одну из своих книжек «О, казахи мои!..» Активно живя среди казахов 72 года, весь пронизанный языком и духом казахов, полагаю, имею право так сказать. Книжку на немецкую тематику я также мог бы назвать «О, мои немцы!..»

А вот «О, мои русичи!..» сказать не могу, ибо знаю только казахстанских русских, и то неглубоко, так как чую, что они заметно отличаются от русских России.

Чтобы проникнуться русским духом шикарный писатель кореец Анатолий Ким годами жил в рязанской глубинке, где – по его словам – местные жители принимали его за «яврея». Я, боюсь, в исконне русской среде жить бы не смог. Правда, если бы Сталин депортировал меня в Сибирь, я, может, и стал бы чалдоном.

* * *

По TV показали, как Президент пропесочил членов правительства. Через несколько дней премьер-министр снял стружку с зам-министров (Министров трясти – прерогатива Президента).

Вообще-то трепать правящую элиту абсолютно правильно: ее надобно держать в страхе, дабы Бога не забыли. А еще справедливее было бы для заворовавшихся время от времени устраивать «нюрнбергский процесс», и кое-кого вообще голым в Африку пустить.

Иначе как? Нельзя же, чтобы людишки вконец испаскудились.

* * *

Некоторые читатели моих «Плетений» желают, чтобы я из номера в номер неустанно разоблачал и высмеивал власть предрежащих. Зачем? Я такой цели вовсе не преследую. Им, чай, и без меня мощно достается на орехи. Лаять на луну – не удел писателя. Тем паче для пенсионера-инородца это и недостойно, и некорректно. Как публицист я позволяю себе иногда указывать на очевидные или скрытые изъяны общества. Ну, и достаточно. Я вообще-то склонен воспринимать реальный мир через литературу. А это означает быть посылно честным и правдивым.

* * *

Всем памятен знаменательный, вещий сон хана Аблая, по которому лев и тигр превратились соответственно в волка, лису, зайца, мышь, лягушку, рака, червяка, муравья. То есть, со времен измельчал могучий и могущественный ханский род.

Со сном Аблай-хана перекликаешься строка русского поэта Михаила Крупина:

– Только нету человека,
Всюду змеи, муравьи.

* * *

О морали, думается мне, мы все более забываем. Неожиданно воцарился, вошел в плоть и кровь аморализм. А коли так, о каких высоких материях позволительно думать? Независимость у нас, как ни странно, обернулась тотальной безнравственностью. Все достойное человеку вытеснила презренная татешка Акша. Она обрекает человека на зверя, на скот.

* * *

Еще недавно у нас была царевна-лягушка; теперь она обернулась лягушкой-потаскушкой, шлюшкой-полягушкой-хотькомушкой. На моем веку даже целомудренные казашки, вырвавшись из аульно-семейного надзора, ступили на эту скользкую стезю. Нет царевны-лягушки, остались лишь Иван-дурачок да простодыра Мыркымбай. Таков тернистый путь к глобализму.

* * *

Не торопи время: оно и так летит на крыльях.

* * *

Это надо же: даже казахстанские немцы изловчились воровать. Казахская власть выделила им на культурно-национальные нужды здания-помещения. Ну и что? Маленькие «фюрерчики» ловко прихватизировали их, оформили на свои фамилии как частную собственность, выгодно продали и дали деру в фатерланд.

Ну, не подло ли? Не всему же надо подражать! Ты-то, немцы, куда лезешь?

Я-то полагал, что у «наших» немцев остались генетические честь и совесть, заповеданные предками. Нет, куда конь с копытами, туда и рак с клешней.

Ф-фу! Ай-яй-яй! Сплошной кэкэй!..

Что больше всего меня пугает в нынешнем казахском обществе?

– Апатия.

Беда в том, что всем все уже все равно, бәрі бір.

Лукуллов пир

(Из цикла «О, казахи мои!..»)

... Давно это было.

Вспоминаю, вспоминаю этот случай с радостью, как светлый сон на заре. Так поступает только казах, истинный казах, щедро-душный степняк.

Ныне и такие встречаются все реже. Реальность вносит свои коррективы.

За давностью лет я и имени его уже не помню.

А его помню, приземистого, плотного, с тубетейкой на бритой голове, в рубаше со стоячим воротником, в ладной безрукавке с рядом перламутровых пуговичек, с шелковой подкладкой, с кармашками на груди и по бокам. Смуглолицый, с редкой бороденкой, открытый, приветливый и красноречивый. Ладно, красно плел словеса на казахский манер.

И байбише его помню, в белом кимешке, плюшевом камзоле, длинном до пят цветастом платье с оборками. Туготелая, широколицая, с подчеркнутым достоинством. Она умело хлопотала у пузатого, изрядно помятого самовара, раскатывала тесто на эластичной, выбеленной от мездры шкурке. Она прислушивалась ко всему, что происходило вокруг, но в разговор мужа и его юных гостей не вмешивалась. А вокруг по двору сновал табунок чумазных, чернявых, голопузых ребятишек мал-мала меньше и резвились с щенятами, с ягнятами. Спросишь у казаха: «Сколько у тебя детей?», ответит уклончиво: «Е-е, бегают тут четверо-пятеро».

А произошло все вот как.

Нагрянули мы с моим однокашником по институту Казбеком в какой-то аул неподалеку от тогдашнего районного центра Байкадам. Казбек был родом из Актобе, я же – уроженец Энгельса на Волге, вырос в ауле в Северном Казахстане.

Ментальность северных, аркинских, казахов мне знакома с детства. А перед южанами я тогда робел. Они отличались и манерами, и повадками, и нравами, и даже речью.

Мы с Казбеком только что обзавелись дипломами и по распределению Министерства прибыли в отдаленный район Джамбульской области учить местную поросль русскому языку и литературе.

Мы еще толком не устроились и были по-студенчески постоянно голодны.

«В том ауле, – поведал мне Казбек, – живет один сородич. Я его сроду не видел. Но мать пишет: непременно проведай его, передай салем.

Поехали, благо недалеко. 10-12 километров по-казахски – рукой подать.

Хозяин располагался в саманном доме-коржуне с большим двором и огородом-бахчой за дувалом.

Казбек представился, передал почтительный салем и на меня указал:

– Гера. Немыс. По-казахски кого угодно за пояс заткнет. Мугаллим.

Хозяин принял радушно, сказал: «Бәрекелді! Проходите!»

Мы скинули у входа обувь, прошли на торь прохладной и затемненной комнаты, подложили под бок подушки, поблагодарили хозяина.

Беседа с некоторым скрипом налаживалась. Хозяин пристально вглядывался в нас, как бы примеривался, в какой тональности вести разговор.

Казбек быстро иссяк. От волнения толстый его нос обильно вспотел. Хозяин переключил свое внимание на меня.

- Какого рода-племени будешь?
- Атығай, – ответил я без запинки.
- А?! Какой атығай?
- Есть на севере такой род – Атығай-Қарауыл.
- Не дейді? Интересно... А мы – тамá.

Мне это ни о чем не говорило. В казахских родах-шежіре я, можно сказать, совсем не разбираюсь. Моя немецкая голова разуместь это не в состоянии.

Угостили кумысом с душиком прокопченного кожанного бурдюка. Большую расписную чашу с пузырящимся прохладным напитком мы осушили в три приема и почувствовали, как бодрящая влага точно прокатилась-просочилась по всему телу. Потом долго пили чай с каймаком, с рафинадом, баурсаками, иримчиком, изюмом-курагой, конфетами-мәмпаси, тандырной лепешкой.

Обильный дастархан поднял дух. У Казбека вспотел не только нос, но и скулы, шея, затылок, уши. Глаза замаслились, ушли в шелку. Байбише кинула ему на колени полотенце. Я почувствовал, что и у меня горит лицо, запунцовели щеки.

Хозяин сыпал поговорками, шутками, цитировал стихи, строки казахских жырау. Он явно был искусный говорун, за словом в карман не лез. И я напрягся, стараясь не ударить лицом в грязь.

- А этот Құрышев в самом деле силен?

Я догадался, о каком Құрышеве речь, сказал уклончиво:

- Должно быть, силен, коли первый секретарь.
- Ай, не знаю! До Ыстекена какое ему дело? На хвост, что ли, ему наступил?

Я промолчал: говорить о Хрущеве и Сталине я был не уполномочен. Признаться я устал от них.

Байбише, временами по-бабьи цокая-пощелкивая язычком, подбадривая мою казахскую речь, когда я вставлял-вкрапывал редкие модные словечки, только успевала разливать чай. Так щедро

меня никто еще не угощал – ни казахи, ни немцы, не говоря уже об урусах.

Наелся до отвала. Я посмотрел на Казбека. Пора, пожалуй, и честь знать.

– Брось, Геражан, на часы не смотри, – предупредил хозяин, привычно пощипывая кущую бороденку. – Скоро мясо сварится, баранью голову преподнесу.

Вот-те раз! Зачем я налегал на баурсаки с каймаком и столько чаю выхлебнул? Неужели хозяин в нашу честь ярку порешил?

Действительно, вскоре занесли большой поднос-табак с горкой дымящегося мяса с матово отливавшимися сочными по краям, с лучком, с крутым бульоном. Мне на тарелку положили опаленную баранью голову с большим острым ножом. Я смутился: такой почести я за свою жизнь удостоивался впервые. И как я справлюсь с ритуальными обязанностями почетного гостя? Но тут осенило: вспомнил древнее казахское поверье.

– Аға-еке! Я польщен и благодарен. Но у меня, слава Аллаху, жив-здоров отец. И баранья голова по традиции предков мне вроде не полагается.

– Вон как! Жөн, жөн, Геражан. Пусть тогда голову разделяет айналайын Казбек. У него-то отец давно погиб.

Казбек полотенцем осушил потный нос, принялся орудовать ножом, будто всю жизнь только этим и занимался, отрезал от бараньей головы хрящевые уши у самого основания, губы, язык, раздал кому что положено, обработал щеки, затылочную часть, вырезал глаза, управился ладно-складно, как повар с картошкой.

Хозяин остался доволен. То и дело приговаривал:

– Э, бәрекелді! Джигит!

Ели бесбармак руками, ловко загибая пальцами куски мяса с сочными, тонко нарезанный курдюк проглатывали не жуя. Хозяин всячески подбадривал нас, явно довольный нашим аппетитом.

Ели долго, не торопясь, с трудом подавляя отрыжку. Такой вкунятины за студенческие годы отведавать не приходилось.

Между тем солнце незаметно склонилось к горизонту. Я покосился на часы.

– Ай, Гера, – перехватил мой взгляд хозяин. – Куда торопишься? Спешка – шайтаново дело. Сейчас нам поднесут сорпу с куртом. Потом малость проветримся, походим по двору. А там почаевничаем, хозяйкиной выпечкой побалуемся. Как же иначе?

Я всерьез встревожился. Последний раздрызганный автобус-коробочка в Байкадах пройдет здесь часов в семь вечера. Успеем ли?

– Не дергайся, Геражан, – ухмыльнулся хозяин. – Всею свое время. Вы – редкие гости. Заночуете.

Я заметил, что мой кореш Казбек уже настроился на такой вариант.

Чай пили со сливками, с мятой. На большой тарелке золотился чак-чак, густо облитый янтарным медом.

– Ай, аға-еке, такой пир закатили! У немцев это целая свадьба! Лукуллов пир!

– Скажешь тоже, Геражан! Какой пир? Какая свадьба? Обычное казахское угощение.

Бату-благословение по ритуалу произнес сам хозяин. Пророботал несколько молитвенных арабских слов, потом перешел на казахский:

– Да будет усеян ваш путь цветами! Да сопутствует вам всюду удача! Да улыбнется счастье на вашем поприще! Да украсит вашу жизнь спутница-келин! Да возрадуют вас потомки! Да будет высоким ваш шаңырақ! Да будет крепок ваш остов! Да не покинет вас дух предков!

После каждого благожелания хозяин делал паузу, и байбише одобрительно восклицала:

– Әумин!

Потом и Казбек подтверждал:

– Эумин!

И я солидно заключал:

– Эумин! Да будет так!

Свернули и убрали дастархан. И от обилия трапезы нас с Казбеком стало клонить ко сну. Мы казались себе обжорливым удавом, только что заглотившим кролика.

– Теперь вот что, джигиты, – сказал хозяин. – Пройдемся немного перед сном, заглянем в бахчу. Каждый должен выбрать дыньку или арбуз.

– Астафиралла! – вырвалось у меня. – Помилуйте, аға-еке! Лопнем!

– Не лопнете. В желудке для каждой божьей пищи уготовано свое местечко.

На юге темнеет быстро, и звезды зажигаются рано. Они стоят ниже, чем на севере. Пахло сеном, кизяком, дымом. Из бахчи веяло свежестью. За аулом надрывались лягушки. Где-то нехотя брехали дворняги.

Хозяин через калитку провел нас на бахчу

– Поглядите. Выберите парочку-другую.

Мы с Казбеком облюбовали две кругленькие дыньки, а хозяин приглядел себе длинную, гладкую, полосатую покрупнее.

Уже при свете керосиновой лампы мы опять уселись за кругленький, низенький столик и вскрыли-взрезали пахучие дыни. Сладкий тягучий сок тек по губам, по подбородку. Господи, сколько же влезет в человеческий желудок! Хозяин продемонстрировал нам, как положено есть дыню. Длинные полоски он подрезал до корки на кусочки и всасывал мякоть одним махом от края до края. До чего же ловко у него это получалось! Глазки его сузились в щелку, уши подрагивали, по колючей, редкой бородачке струился медовый сок.

– О каком пире, Геражан, ты говорил давеча?

– Лукуллов пир!

– А этот Лукулл – казах?

– Нет, римлянин. Консул. Богач и хлебосол. Еще до новой эры жил.

– Ай, наверное, все же был казах. Сколько у него было овец, не знаешь?

– Не знаю...

– Должно быть, все же казах был. Табунами наверняка владел.

Постелили нам в правой боковушке на кошме и корпеше. Хозяева с детишками перебрались в левую.

– Будем спать, не шелохнувшись. Как удав, – сказал, рыгая, Казбек. – Наше дело спать, а желудок пусть варит.

Проснулись поздно, прошлись по аулу и снова уселись чаевничать.

– Бәрекелді, джигиты. Обрадовали, – заметил хозяин.

Байбише вручила Казбеку вместительную холщовую сумку с разной снедью.

– Гостинцы на дорогу...

Хозяин крепко обнял нас.

– Аман болыңыздар, джигиты. При случае заезжайте еще.

На подвернувшейся подводе мы, удовлетворенные, добрались до райцентра.

Много лет спустя, я поведал об этом случае знакомым немцам из Германии. Расчетливые и экономные, они, кажется, не поверили.

А что было – то было.

* * *

У нас как? Сначала обрушивается ливень наград – ордена, медали, звания, грамоты, гранты, погоны. Награды охватывают половину населения страны.

Явный перебор.

К этим наградам настолько все привыкли, что цена этим «сёл-кебаям» – грош или соқыр тиынка.

И вот однажды президент спохватился и крепко отчихвостил правительство. Многих, как по команде, поднял с места и строго отсчитал при всех.

И пошло-поехало. Кроткий премьер-министр тотчас обрушил на нерадивые головы корджун выговоров и пригрозил при случае добавить.

Акимы тут же пропесочили своих «гавриков» (по-немецки Rarpenheimer).

Те – ниже стоящих.

Выговоры посыпались, как из рога изобилия.

Ну, конечно, опять перебор.

И наград, и выговоров получилось столько, что их восприняли, как укус комара.

Эффект в обоих случаях – ноль, пшик.

Получилось, как в казахской притче: бай наказал малая, малай – свою бабу, баба – собаку, а собака – свой хвост.

Ни в чем никакой меры.

* * *

Кто-то предрекает в газете не обвальную (кұдай сактасын!), а ползучую девальвацию. Я тоже склоняюсь к этому. У нас ведь все будет ползучим. Вся жизнь ожидается ползучей. И мы все будем ползать. Летать даже денежные мешки не будут.

* * *

Читаю в «ЛГ» (№ 43/13): «Градус общественных настроений напрямую зависит от самочувствия русского народа».

Это сказано о России. И, думаю, это справедливо.

А в Казахстане? Градус общественного настроения разве не зависит напрямую от самочувствия казахского народа?

А самочувствие казахов в своей стране, как я понимаю, далеко не идеальное.

И если у казахов настроение плохое, то каково остальным инородцам?

Логика есть, не так ли?

Тут же бросилась в глаза еще одна фраза:

«... однако, тема русского народа в наших программных документах и целевых установках присутствует недостаточно».

А у нас, в Казахстане, тема казахского народа в программных документах и целевых установках присутствует достаточно?

Как бы не так!

Казахская тема, на мой взгляд, звучит под сурдинку, стыдливо, робко, извинительно. Некоторые даже как бы извиняются, что они казахи.

Так не годится. Не надо смущаться, стыдиться, стесняться здорового и разумного национализма. Я, например, всегда болею за все немецкое. И горжусь истинно немецким. И казах вправе всегда помнить свое подлинное национальное. Каждый казах должен быть охвачен высоким национальным намысом.

Власть казахстанская немного трусовата. Или излишне скована, оглядчива, осторожна. Она не любит и боится глубоких, честных и бескомпромиссных критиков. Конечно, желательно, чтобы сознания не заносило в неразумные дебри. Однако, в доме должен быть хозяин, и от его настроения зависит душевный комфорт всех членов семьи.

* * *

Кажется, на старости лет кое-что стал смутно понимать.

Одно время – еще в школе – возомнил себя марксистом. Откуда такая блажь? Я тогда для отца выписывал в отдельную тетрадь

выводы глав из «Краткого курса ВКП(б)». Ходил по аулу с пузатым «Капиталом» и книгой Меринга «Карл Маркс. История его жизни» (Запомнил фразу Плеханова: «Не в меру умеренный Меринг»).

Потом читал Маркса и в институте, и в аспирантуре.

Толком ничего так и не понял.

Потом тщетно пытался примазываться к социализму.

Поздно сообразил, что социализм мой был ленинский.

С изъяном. С душком.

А марксизм мой – явно сталинского толка.

Уродливый. Ёр да жық. Сапожный.

И что в результате?

А ничего.

Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан.

И думаю: я не один такой.

* * *

Мой сопалатник, 59-летний Хайролла Жанқошқаров, спросил у меня: «Почему строительство дороги «Мойынты-Чу» нигде не отражено в литературе? В чем дело? Что за этим стоит? Мать положила на это строительство свое здоровье».

Я начал вспоминать и ничего так и не вспомнил.

Странно... Кто бы ответил на этот вопрос?

* * *

К Аманхану (Алимулы) я непременно прислушиваюсь. Он начитан, умен, самостоятелен. Но вот с этим его мнением не соглашусь (см. «Айкын» от 7.12.13). Он полагает, что очень многие казахские писатели достойны нобелевской премии и называет М.Ауэзова, Ж.Аймаутова, К.Жумадилова, М.Мағауина, Д.Исабекова, Т.Алимкулова, К.Искакова, А.Сулейменова, А.Кекилбаева, Т.Абдикова и – добавляет – «других».

Кто эти «и другие»?

Я перечисленных литераторов знаю и высоко почитаю, но достойным Нобеля считаю только Мухтара Омархановича Ауэзова (он слишком рано умер).

Странно, что в списке Аманхана не упомянуты А.Нурпеисов, Д.Досжанов, М.Шаханов. Они ведь тоже примериваются и примеривались к Нобелю. Даже проявляли завидную активность в своем вождении.

Аманхан, видно, слишком щедр. Эдак половину членов Союза писателей Казахстана надо будет нобелировать.

* * *

В центральной президентской клинике в Алматы (в народе: больница Совета Министров) в каждой палате установлен шикарный телевизор с 67-ью программами.

Ойдойт!

Телевизоры новейшей марки висят даже в реанимации. Лично для меня это беда, мука. Я почти не смотрю TV. Мне он жутко мешает, унижает, отравляет жизнь. У меня от него резко поднимается давление и частит сердце.

Договариваться с соседями не смотреть в ящик редко удается. Как это так лежать в палате и не глазеть телевизор?! Некоторые больные смотрят ящик с 7 утра до 10-11 вечера. А поскольку контингент в основном пожилой, глуховатый, то ставят звук на всю мощь. Я не уверен, что всем пациентам это на пользу. Думаю: хвори от этой какофонии только обостряются.

В реанимации один сталинист в три часа ночи смотрел фильм «Сын Сталина». И при этом угрожающе рычал: «Я Сталина люблю! Да здравствует Иосиф Виссарионович! И никто не запретит мне его любить!»

Он был из «платных», и никто ему возражать не смел.

В 20-й палате первой кардиологии молодой, но уже брюхатый мужчина целыми днями смотрел одни мультфильмы. В женской палате две старушки включали телевизор в 6 утра, громко рассказывали друг другу сны и переговаривались по мобильнику с домочадцами. Знакомые государственные и общественные деятели ограничивались новостными программами, но смотрели их подряд с 6 до 10 вечера.

Во всех палатах гремели телевизоры. Я отсиживался на диване в коридоре, пока знакомый профессор просмотрел пять новостных программ подряд. На мой вопрос: «Что же новенького происходит в мире?» Всерьез ответил: «О! Сенсация! В Израиле нашли бочку вина разлива – представьте! – до новой эры». «Вам это знать было нужно?» «А как же?! Такая информация!»

В угоду мне 88-летний ветеран труда смотрел ТВ без звука. Лишь бы картинки мелькали.

Беда!

Укладываясь в больницу (увы, это случается все чаще), я спрашиваю у заведующей отделением: «Есть ли хоть одна палата без ТВ?» «Нет», – отвечает удручающе. «Ну, тогда положите меня хоть в коридор. Ведь для меня ТВ – смерть».

Недавно узнал, что один корифей заблаговременно построил для себя мазар, распорядился разбить вокруг дорожки и стоянку для машин, обсадить деревьями, а главное – повесить на стенку телевизор последней модификации, чтобы мог на том свете лицезреть ящик.

Астафиралла!..

Вообще-то полагаю, в каждом отделении больницы необходимо содержат одну-две палаты без ТВ. Иначе все лечение пойдет на-смарку. Крайне редко я видел в больнице у кого-либо книгу. Только ТВ и мобильник! Подсчитали бы, сколько от этой цивилизации бедствий...

* * *

Стихов в казахстанской прессе печатается море. Но кто их читает? Кто о них что-нибудь вразумительное говорит? Стихов много, поэзии мало. Акынов уйма, поэтов с гулькин нос. Кто-то сказал: поэзия – восхождение на эшафот. А у нас, похоже, стишки складывают после обильного бесбармака.

Если скажут, что я неправ, в бутылку лезть не стану.

* * *

В Москве вышла уникальная книжка. М.Ю.Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...»

Эти стихи Лермонтову сам Бог в минуту вдохновения нашептал-надышал. Иначе откуда бы такие слова:

– Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит...

Книга вышла в издательстве «Историческая газета» в 2013 году. 160 страниц. 1000 экземпляров.

В сборник вошли 60 переводов этого шедевра русской классики на 44 языках мира, в т.ч. китайском, японском, английском, французском, чеченском, иврите...

Интересно: на казахском языке тоже?

Хотел бы эту книжку иметь.

* * *

Читаю статью доктора Эдгара Флика (Edgar Flick) в журнале (№ 10 за 2013 г.) «Volk auf dem Weg» (орган Землячества немцев из России в Германии). Речь в статье идет о немецких ученых российского происхождения.

В 1724-м году Петр Великий обосновал Российскую Академию наук. Первоначально действительных членов Академии было 13

человек. Девять из них были немцами: философ, юрист, химик, филолог, историк, математики, анатом, ботаник. Автор статьи называет их фамилии.

Немцы были задействованы во всех сферах науки и образования.

Вклад их в русскую науку, историю и культуру огромен. Никто этого отрицать не может.

Прошло без малого 300 лет.

Российские немцы в подавляющем большинстве эмигрировали на родину предков.

О причинах здесь я речи не веду.

К настоящему времени в Германии проживает около 2,8 миллионов российских немцев (с учетом смешанных браков и детей-полукровок их наберется около 4 миллионов).

Из них, – отмечает Эдгар Фрик, – 250 тысяч имеют высшее образование. Научных работников – 30 тысяч.

Помню, экономисты в конце 90-х годов прошлого века подсчитали материальный вклад эмигрирующих в Германию российских немцев, так называемых «поздних возвращенцев».

Получилось несколько миллиардов долларов.

Именно на это обстоятельство намекал прославленный российский академик Борис Викторович Раушенбах, когда мы, группа немцев-автономистов, были на приеме у Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Академик во время тяготной, бесплодной беседы вдруг резко сказал: «Хватит болтать! Дураков здесь нема! Немцы свой вопрос решили. Воссоздание немецкой автономии на Волге – русский вопрос. Вот и решайте!»

Решать немецкий вопрос в России тогдашние руководители не пожелали. Или были не в состоянии.

И начался массовый исход немцев из России. Действительно, дураков больше было нема.

Кого можно ныне назвать среди ученых из числа российских немцев?

В области культуры – музыковед доктор И.Бухгольц, поэт, доктор В.Мангольд, историки доктор А.Айсфельд, доктор А.Бош, доктор В.Кригер, литературовед доктор К.Эрлих.

В медицине – кардиолог профессор доктор А.Лихтенберг, врач-гигиенист доктор Фраш, микробиолог профессор доктор А.Обгольц, психотерапевт доктор И.Классен.

В машинном строительстве – доктор А.Мораш, доктор В.Лаукарт, доктор С.Зер, доктор Н.Нойбергер.

В горном деле и геологии – доктор В.Бесфлуг, доктор И.Нойфельд, доктор Г.Вирт.

В естественных науках – биофизик профессор доктор А.Хагелганц, физик доктор Р.Фрик, доктор А.Бехерт, доктор Г.Боос.

Российский немец Андрей Гейм стал в 2009 Нобелевским лауреатом в области физики.

Ныне российские немцы в Германии значительно идентифицировались: есть признанные писатели, издатели, журналисты, историки, выдающиеся спортсмены, даже один член Бундестага (Heinrich Zertik – кстати, бывший казахстанец).

Уверен: лет через 20-30 вклад потомков российских немцев в германскую науку увеличится резко. Вот и подумайте: кто проиграл, а кто выиграл? Кто смотрел дальше своего носа? И чья идеология и политика оказалась дальновиднее? То-то же!

Сталин и Пушкин *(по А.Кадырову)*

В кабинет вождя входит генерал Власик.

– Иосиф Виссарионович, к Вам просится Александр Сергеевич Пушкин.

С т а л и н: Кто такой?

В л а с и к: Писатель, поэт.

Сталин: А что он написал?

Власик: Ну, «Онегин», «Руслан и Людмила», «Памятник».

Сталин: А на грузинскую тему что-нибудь написал?

Власик: Да. «Путешествие в Эрзерум».

Сталин: Ладно. Пускай заходит.

Входит Пушкин. Снимает цилиндр. Почтительно кланяется.

Сталин: О, товарищ Пушкин?! Рад, рад! Вы написали дивную штуку об Эрзеруме. Мы все вас хорошо знаем. Гордимся вами. Слушаю вас.

Пушкин: Благодарю Вас, Иосиф Виссарионович! Мне очень приятно слышать Ваши слова. Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...

Сталин: (подхватывая). Да, да! И назовет меня всяк сущий в ней язык... Я слушаю вас, товарищ Пушкин.

Пушкин: Простите милостиво. Но у меня три просьбы...

Сталин: Говорите. Я весь внимание. Для гения русской литературы мы сделаем все.

Пушкин: Первое. Я стою на пьедестале с непокрытой головой. Дождь, понимаете, снег, ветер... Зябко. Опять-таки вороны, воробьи, голуби...

Сталин: Понятно. Нехорошо... Этот вопрос, товарищ Пушкин, мы решим безотлагательно.

(Поднимает трубку)

Горсовет? Почему это у вас поэт Пушкин в холод и жару стоит на памятнике с непокрытой головой? Непорядок! Дайте ему квартиру на улице Горького. Все! Слушаю вас, товарищ Пушкин.

Пушкин: Второе. Я замечаю: многие мои книги мало печатают.

(Сталин поднимает трубку)

Сталин: Госпечать? Чем вы там занимаетесь? Страна Пушкина не знает. Издайте его для трудящихся миллионным тиражом! Да!.. Я слушаю вас, товарищ Пушкин.

Пуш к и н: Третья просьба. Меня хочет убить некий Дантес. Преследует меня на каждом шагу. Женке проходу не дает.

(Сталин, чуть помедлив, поднимает телефонную трубку)

С т а л и н: Лаврентий! Ты Пушкина знаешь?

Б е р и я: Знаю. Но еще больше его жену – Натали.

С т а л и н: Читал?

Б е р и я: Читал.

С т а л и н: А что читал?

Б е р и я: «Путешествие в Эрзерум».

С т а л и н: Так вот, товарища Пушкина хочет убить некто Дантес. Прими меры. Незамедлительно!

Б е р и я: Будет сделано, товарищ Сталин.

С т а л и н: Слушаю вас, товарищ Пушкин.

Пуш к и н: Я тронут вашим вниманием, Иосиф Виссарионович. Вы решили все мои проблемы.

(Пушкин кланяется и уходит)

Сталин озабоченно поднимает трубку

С т а л и н: Товарищ Дантес?... Пушкин только что вышел от меня... Удачи!..

* * *

Вот контрапункт книги Н.Анастасьева «Мухтар Ауэзов» (ЖЗЛ):

«Поэт, пусть и не выходит он на магистрали и площади гражданской жизни, пусть маргинал он – обитатель притчеязычной башни из слоновой кости, – все равно раскольник и диссидент. Его «прирожденная судьба – говорить **не то**, даже говоря буквально то же самое, что любой вокруг» (Октавио Пас). За что же власти любить такого человека? Конечно, он ей только мешает, потому что истинные произведения, как говаривал Осип Мандельштам, никем не разрешены, – «ворованный воздух». И вообще никакой взаимной симпатии быть не может, даже общий язык найти трудно, ведь

где государство, там эгоизм, а где поэт, там альтруизм; политика – искусство возможного, а поэзия – искусство невозможного».

Сказано исчерпывающе точно и ясно.

И далее автор дополняет:

«Это неизбежное противостояние может быть трагически-плодоносно».

Увы, современная казахская литература эту основополагающую истину плохо понимает. Она свою миссию главным образом видит в угодничестве властным структурам.

* * *

Из этой же книги я выудил мысль Арнольда Джорджа Тойнби: «Может ли кто-нибудь заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть поглощенным ею целиком и полностью?»

Полагаю, вопрос этот в равной степени обращен как к казахам, так и к российским немцам.

Впрочем, ко многим другим наверняка тоже.

* * *

В больнице я очутился в одной палате с театральным критиком уйгуром Ахметжаном. Он забавляет меня анекдотами.

Некий уйгур приезжает из Москвы. Собрал земляков и вдохновенно рассказывает о тамошних достопримечательностях.

– Кремль видел?

– А как же! Величественный. Забор высокий. Не перепрыгнешь.

– А красную площадь?

– А как же! Красная-красная...

– А ЦУМ?

– А как же! Столько разного товару там накопил! Вах-вах!

– А мавзолей видел?

– А как же! Ленин один там лежит. Как живой!

И тут один из земляков, следящий за новостями, и говорит:

– Ох, заливаешь, брат! Мавзолей-то, пишут на ремонте.

– Ну, и что?! Истинного уйгура никакие преграды не остановят. Подошел к охраннику. А он – нельзя, говорит, ремонт. Дал ему на лапу пять зелененьких, и он спрашивает: «Тебя пустить вовнутрь, или вынести его самого?»

Казахские запреты

В них выражена философия, мировоззрение, мировосприятие степняка. Я вырос в этой ауре и следуя ее мудростям, ее общечеловеческим ценностям. Вот некоторые нравственные постулаты в моем переводе.

- не наступай на дастархан, на пищу.
- не смейся над физическим недостатком людей, над убогими и ущербными.
- не пинай скотину, посуду, еду.
- не мочись и не плюй в воду, не мути, не взбалтывай ее.
- не рви траву и волосы свои.
- не бегай вокруг жилища.
- не распирай и не обнимай косяк двери.
- не наступай и не садись на порог.
- не бей скотину и кров свой.
- не скачи, не беги мимо погоста.
- не указывай пальцем на кладбище, нужду свою у могил не справляй.
- не лей черпаком пищу в собачью плошку.
- ночью не подметай жилище и ногти не стриги.
- дорогу старших не переступай, речь их не перебивай.
- руками бока не подпирай, о земле не опирайся, подбородок не стискивай.

- лицо ладонями не скрывай.
- колени не обнимай.
- понарошку не плачь.
- людей и звезд не считай.
- метлу стоймя не ставь.
- руки не сплетай.
- ножом, ружьем на человека не указывай.
- пустую люльку не качай.
- на Коран, на хлеб не ступай.
- близкому человеку нож не дари.
- на соль, на золу не наступай.
- с огнем не играй, через огонь не шагни, на огонь не плюй.
- хлеб на пол не бросай, на хлеб ничего не клади.
- в неурочный час не спи, не плачь, не выражай соболезнования.
- шапку задом наперед не надевай.
- в дом, запыхавшись, не забегай.
- дома не свисти.
- веревку, ремень на шею себе не закидывай.
- на луну рукой не указывай.
- не плюй в колодец, в посуду, в небо.
- в воду в ведре рот не погружай.
- раньше старших в речь не встревай.
- прежде старших к еде не тянись.
- прежде старших не садись, не ложись.
- старшим не перечь.
- не ходи туда, куда не позвали.
- не вваливайся в дом без разрешения.
- прилюдно не рыгай, не чешишь, не ковыряй в носу, в ушах.
- землю плетью не хлещи, прутом не бей, в злобе не топай.
- детей не пугай.
- не оседлай лошадь задом наперед.

- не раскачивай лодку.
- не лги, не сквернословь.
- не хвались, не кичись.
- к женщине силу не применяй.
- скотину не ругай.
- пищу не оскверняй.
- над божьей тварью не глумись.
- не ахай, не вздыхай.
- лбом о землю не бейся.
- через очаг не перешагивай.
- скверну и плохих примет избегай.
- не ложись лицом вниз.
- дурных привычек не высказывай.
- не обрастай волосней, не отращивай ногтей.
- на чужую постель не садись.
- на пятки не садись, не отворачивай лица.
- левой рукой не ешь.
- брюки под голову не клади.
- руки за спину не закладывай.
- ночью золу не вытаскивай.
- завтраком не пренебрегай.
- не помаргивай зря.
- не скрещивай руки на груди.
- не забирайся с ногами на стул.
- в лицо ребенка не дуй.
- ногти не обкусывай.

(см. газету «Алматы айнасы» за 21 и 27 ноября 2013 г.)

* * *

Вот шикарная тема для остро-современного романа – «Бесбармак и госбардак». Кто напишет?

* * *

Когда увидел впервые свет книга Олжаса Сулейменова «Аз и я», шум и треск стоял по всему Советскому Союзу. Многие издательские работники понесли строгие наказания. Директор издательства «Жазушы», скромный, тихий Абильмажин Жумабаев, попенял как-то Олжасу, дескать, из-за тебя мне выговор влепили. Олжас, якобы, ответил: «Ничего, старик, придет время, и ты будешь гордиться, что из-за меня пострадал».

И недоброжелатели зашумели-загалдели на все лады: вот нахал, вот гордец, вот хам!.. Вместо того, чтобы посочувствовать человеку, так надерзить...

А ведь Олжас оказался прав. Как в воду глядел. Прошло, кажется, лет двадцать, мы с милым Әбеке не один год гуляли возле памятника Чокану, и мой собеседник часто произносил: «Это было тогда, когда я издал «Аз и я» Олжаса...», «О, тогда с нас по три шкуры сняли», «Аз и я» тогда прогремела на всю страну», «Я мог бы выполнить план, издав миллионным тиражом «Аз и я»...

В таком вот духе.

Выходит, Олжас оказался дальновиднее всех.

* * *

Иногда меня подмывало сказать что-то едкое, саркастическое, разоблачительное в адрес руководства страной и государством. Да что там говорить: разных пройдох и жулья в тех сферах предостаточно. И народ их знает. И их персонально, и их преступления-преступления.

Вот я себя и сдерживаю, накидываю на свой роток платок, вспоминая при этом слова Франсуа де Малерба (1555-1628). «Не надобно вмешиваться в управление кораблем, на коем ты всего лишь пассажир».

Сейчас, на склоне лет, я всего лишь пассажир на казахстанском корабле, а потом гутарить жирно (в смысле «сезім сөйлеу») мне, пожалуй, не пристало.

* * *

Увидел в книге памятник Фирдоуси. В чалме, чапане сидит на каменном выступе, прижав левой рукой к туловищу пухлую, увесистую книгу. Надо полагать, это его знаменитый труд «Шахнаме» («Книга царей»). Эту книгу Фирдоуси писал 35 лет. Объем поэмы в четыре раза (!) превышает «Илиаду» и «Одиссею» Гомера вместе взятые.

Представили масштабы?

Фирдоуси – псевдоним, означающий: «Райский». А полное имя его Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси. Жил он между 934–941 и 1020–1030 гг. Считаю 1000 лет назад.

* * *

Академик-лингвист Шора Сарыбаев считает, что я обогатил казахский язык одним словом – «жопеке». И даже сочинил по этому поводу стишок:

– Бүгінде көбейді ғой жопекендер,
Бұл тосын сөз қайдан келді демендер.
Орыстың ұятты сөзін сыпайылап,
Айтып жүр казак жанды білгір Бельгер.

* * *

Сабит Муканов отличался казахбайским многословием. Но иногда выражался энергично.

– Тыңдадым Сталиннің үндеу сөзін,
Шымырлап, бойды билеп, толкып сезім.
Қайрат, намыс, кек, муза араласып,
Отырдым зорға ұстап, бойымды өзім.

«Муза» здесь неуместна. Видно, в оригинале стояла все же «ыза» (гнев).

Для Сабита все это «жарасып-ак тұр». Но Ауэзов вряд ли бы до такого опустился.

Вспоминается: «богач-батрак». Ауэзов был духовный богач, а Муканов – духовный батрак. Первый – интеллеktуал, второй – жай пысык», «кызыл белсенді», нищий энтузиаст, низовой активист. Продукт классовой схватки. Бог одарил его талантом. Но талант был батраческий. То есть, агрессивно-напористый, тенденциозный. Поражение времени, не имеющего будущего.

* * *

За счастье жизни следует благодарить судьбу. И роптать на прошедшие годы глупо. Я и не ропщу. Во многом, кажется, я себя реализовал. Но сказать, что я полностью состоялся, никак не могу. На что досаую? На депортацию, на раннюю ссылку, на социальную несправедливость, на национальные ущемления, которые слишком подло обрушились на мою хрупкую душу.

И еще на то, что самые чуткие годы я вынужденно провел малозначительно в ауле, где, как мне теперь чудится, заложенные во мне кое-какие способности, умственные и эмоциональные наклонности не получили подпитку в условиях убогой жизни в ауле. То есть, я мало читал и читал не то (чаще всего и читать-то нечего было), я не слышал хорошей музыки, образцовой русской и немецкой речи, я не получал необходимого интеллектуального развития. Образно говоря, гонял балду, был предоставлен самому себе, жил-проживал-выживал, как придется, упустил свой «лицей», которого в военные и послевоенные годы и в помине не было.

И состояние моей несвободы затянулось на долгие годы.

Это я чувствую обостренно на старости лет, и поныне не выдавив из себя по капле раба.

И слишком много сил, здоровья, труда потратил на элементарный насущный хлеб, с превеликим напряжением выравнявшись из кабальных долгов лишь в 37-летнем возрасте.

Когда я об этом вспоминаю, у меня камнем падает сердце. Только какой теперь смысл о том думать и вспоминать?

Мой гороскоп

Я довольно сдержанно отношусь к разного рода астрономическим выкладкам и мистическим предсказаниям. Должно быть, влияние отца, который на корню отрицал всякие химеры.

И вот на днях я наткнулся среди своих бумаг на четыре странички «амбарной» книги, плотно напечатанные на машинке. И вспомнил: это распечатка своеобразного досье на меня, представленное в 80-х годах прошлого века в Ташкенте кинорежиссером-документалистом Галиной Огурной. Ныне она живет и здравствует в Москве, где – по сведениям из печати – успешно снимает документальные фильмы. А тогда, в 80-ые годы, она работала в Ташкентской киностудии и сняла фильм о моих родителях, их соседях, близких и знакомых под названием «Байсунский тупик» по моему сценарию.

Лишь узнав о моем дне, месяце и годе рождения, Галина Алексеевна (уж не знаю, по каким таким данным) написала обо мне следующее.

Выписываю лишь отдельные детали:

Она вычислила, что я человек с числом дня рождения I. (Не пойму, что это значит). А такой человек якобы достигает новых высот только прямым и прогрессивным путем. Здесь следует избегать эгоизма и корыстолюбия, своеволия и своенравия, соблюдать осторожность, соразмерять свои интересы с интересами других людей, чтобы они не пришли в конфликтное состояние, иначе

можно растерять друзей и приобрести врагов. Сильное число дня рождения I обещает многое, оно предполагает высокое развитие, если следовать его советам.

Далее идут более конкретные сведения:

1934 – год Собаки. Мужской год. Куратор – Юпитер. Стихия – дерево. Ориентация – Восток. Время года – весна. Растение – пшеница. Болезнь – селезенка. Вкус – кислый. Цвет – синий. Талисман – дракон. Магическое число – 8.

Не могу судить: имеет ли это конкретное ко мне отношение? И в какой степени?

Далее расшифровывается год Собаки:

Люди, родившиеся в этот год, обладают лучшими человеческими чертами. Верны, честны, внушают доверие, потому что они умеют хранить тайны, но они несколько эгоистичны, невероятно упрямы и эксцентричны. К богатству не стремятся, но деньги у них всегда водятся. Они могут быть эмоциональными, но холодными к малознакомым. Смотрят на многое критически и славятся острым языком. Однако эти люди стоят за справедливость, знают, за что борются. Начав, они доводят дело до конца, и победа обычно достается им. Из них выходят хорошие руководители, революционеры. Из 160 декабристов около 110 человек были рождены в год Собаки.

Конечно, далеко не все, но что-то, кажется, мне свойственно.

Знак Зодиака – Скорпион.

Второй знак тригона – Вода.

Дневной дом Марса.

6-й градус Скорпиона (28.10) – необыкновенное терпение и грудолюбие.

Последние два качества однозначно мне присущи.

Час рождения. До 9 утра – Дракон. (На роддомовской бирке зафиксировано, что я родился в 8-20 утра по московскому времени).

Дата рождения – 28-ое октября. Воскресенье. День Солнца. День Человека.

Рожден в 21-й Лунный день (III фаза). Ребенка, родившегося в этот день, будет отличать – трудолюбие и работоспособность. Месяц рождения – октябрь – месяц Крысы – терпение и одержимость.

Люди, рожденные в день Солнца, у многих народов считались счастливицами, потому что они уже изначально словно бы получили заряд солнечного света. Предполагалось также, что дети, появившиеся на свет в воскресенье, будут долгожителями, поскольку у них будто бы есть невидимая помощь со стороны, особенно во время болезни. Многие их печали оказываются кратковременными, а радости, напротив, долгими.

Из людей, рожденных в день Солнца, отбирались врачи, а также люди творчества или люди, которые могли сами выбрать себе дорогу, так как им предоставилась свобода выбора.

Таковы некоторые выписки из гороскопа, который для меня составила многие годы назад кинорежиссер Галина Огурная. Сейчас, на исходе восьмого десятка лет, у меня кое-что из него вызывает любопытство.

* * *

Что казахи многословнее других, говорил еще Абай. И, скорей всего, так оно и есть. Однако, немало случаев, когда казахи выражаются точнее, круче, сочнее, чем другие народы. Помню, еще острослов Калтай Мухамеджанов утверждал, что три тома марксова «Капитала» казахи исчерпывающе выразили тремя пословицами. И это верно.

Вот еще пример. Казахи говорят: «Дүние кезек», т.е. по смыслу: «Все в жизни изменчиво», «Жребий переменчив».

В.А.Жуковский, переведя балладу Ф.Шиллера «Das Siegesfest», выразил эту истину так:

– Все великое земное
Разлетается как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.

Пришлось потратить больше словесного материала, чем это сделал казах.

И все же по краткости всем языкам дает фору латинский язык.

Вот: *Do ut des*. Означает: даю тебе с тем расчетом, чтобы и ты мне дал.

* * *

С подросткового времени знаю, что Вальтер Скотт – великий писатель. Но кроме его «Айвенго» ничего не читал.

Теперь узнаю:

– он был первым поэтом Англии (До появления «Чайльда-Гарольда» Д.Байрона);

– он написал уйму романов («Уэверли», «Гая Мэннеринга», «Ламмермурская невеста», «Черный карлик», «Пуритане», «Роб Рой», «Эдинбургская темница», «Легенда о Монтрозе», «Кеннилворт», «Вудсток», «Анна Гейерштейн» и др.);

– он написал множество биографий: Ч.Джонстона, Л.Стерна, О.Голдсмита, С.Джонсона, О.Уолпола, С.Ричардсона, Д.Байрона, Э.Т.А.Гофмана и др.;

– его труд «Жизнь Наполеона Бонапарта» состоит из 9 (!) томов;

– он опубликовал четыре выпуска «Рассказов дедушки» – история Шотландии для детей;

– как издатель он выпустил более 70 томов;

– написать уйму статей и рецензий;

– прожил всего 61 год.

(см. «100 великих зарубежных писателей», 2009 г.)

Его девиз: «Жить творя – наивысшее счастье»

Мой давний друг, славный чингизид Шот-Аман Валиханов (Уәлихан), знаменитый архитектор, облаченный всевозможными титулами, званиями и степенями, мандатами и дипломами разных стран, к тому же драматург, стихотворец, балагур и острослов, издал на исходе 2013 года в Астане в общем объеме почти 70 печатных листов двухтомник сочинений тиражом в 2000 экземпляров (изд. «Фолиант»).

Замечу: на двух языках, в которых он одинаково искушен.

Человек Шот-Аман Едрисович увлекающийся, талантливый, мобильный с ярко выраженным гражданским темпераментом. К своей избранности по происхождению он относится с гордостью и ответственностью.

Два тома большого формата обильно проиллюстрированы редкими фотографиями: я их насчитал около 300. Они запечатлели не только общественно активного автора, но и его окружение, творческую обстановку, время, историю, пристрастия.

Что, на мой взгляд, само по себе ценно и значительно.

Большинство статей, вошедших в два тома, мне лично в немалой степени знакомо.

Это прежде всего капитальные исследования, сгруппированные вокруг глобальных, стержневых тем «Абылай хан» («Абылай ханның ататегі кім?», «Аблай хан туралы өлең-жырлар және тарих», «Абылай ханның әулеті», «Абылай», «Абылайдың хаты табылды», «Алып Абылай ханның есімі бүгінге дейін ел есінде»); «Шоқан Уәлиханов» (в этот цикл вошли одиннадцать статей, освещающих разные аспекты уникальнейшей жизни выдающегося казахского ученого и окрашенных любовными чувствами автора к своим именитым предкам).

Третьим разделом первой части идут тщательно выверенные сведения о казахских ханах, султанах и төре. Восхитило и поразило

обширное родословное Чингис-хана и его многочисленных потомков – сведения, географически расположенные на 40 книжных страницах убористого шрифта. Схема такая: называется хан имярек, перечисляются его дети, от детей – внуки, от внуков – правнуки и следующие ответвления-поколения. Пример: Чингис-хан (1165–1227) – его сыновья (Жошы хан, Шагатай, Угедэй, Толы) – внуки (упомянуто 21 имя) – от них десятки и сотни потомков. По такой схеме представлены родословные Азь Жанибека, Акназар хана, Нияза, Абулхаир хана, Нуралы хана, Ералы хана, Айшуак хана, Абилямбет хана, Имана, Укибая, Тортана, Уалихана, Абылай хана... нет, всех я здесь не перечислю, обязательно что-нибудь напутаю, от обилия имен и свихнуться немудрено. Надо учесть, что у каждого хана была не одна жена (у Абылая, к примеру, было рассказывают, тридцать жен, от которых он имел 30 сыновей и 40 дочерей, а сколько было в свой черед чад у тридцати абылаевских сыновей, а от них внуков?!) Моя немецкая голова не в состоянии это уразуметь. Я попытался было сосчитать любопытства ради имена, перечисленные в родословном Чингис-хана, но тут же отказался от этого намерения: имен наверняка не одна тысяча.

Однако, подчеркну: родословное чингизидов, несомненно, украшает первый том сочинений Шот-Амана Едрисовича.

Вторую часть первого тома составляют статьи о зодчих, коллегах, писателях, ученых, государственных и общественных деятелях, музыкантах – современниках-друзьях автора. Эти статьи (их в томе 21) были в разное время опубликованы в средствах массовой информации на казахском и русском языках.

Том предваряет обстоятельная статья доктора искусствоведения, профессора Райхан Ергалиевой «Вселенское чувство свободы духа» (на двух языках). Статья охватывает все грани незаурядной личности «многостаночника» Шот-Амана Валиханова.

Содержание второго тома определили 72 статьи, исследования, речи, интервью, обзоры, заметки, письма, объединенные вокруг четырех тематических блоков на казахском и русском языках: **«Ескінің көзі – тарихтың өзі»** (в этом разделе привлекают внимание читателей такие историко-исследовательские и публицистические полемические работы, как «Бір атаның баласы едік», «Шындыққа жүгінсек...», «Читая Солженицына», «Қазақ санлақтары», «Шорман әулеті» и др.); **«Памятники истории и культуры Казахстана»** (главным образом, выступления автора на съездах и пленумах Казахского общества охраны памятников истории и культуры, а также статьи типа «По следам Марко Поло и академика В.В.Радлова», «Сохраняя и приумножая культурное богатство»); третий – самый объемный раздел – **«Таспен жазылған тарих»** (разные аспекты прошлого и настоящего архитектуры в Казахстане; ключевые работы: «Бүгінгі қаланың бейнесі», «Ғимараттар сөйлейді», «Таспен жазылған симфония», «Кадровое начало в архитектуре», «Проблемные вопросы архитектуры полносборного строительства жилых и гражданских зданий», «Архитектура наших городов», «Градостроительство на селе в современных условиях», «Сәулет өнерінің бүгін мен ертеңі» и т.д.).

В четвертый раздел второго тома – **«Тәуелсіздік нышандары»** – вошли две работы: «Ғарышка аттанған ұлттық белгі» и «Елбасының байрағы».

Напомню, что Ш.Е.Валиханов является разработчиком и автором многих государственных символов, знаков и атрибутов, все-сторонне воспроизведенных фотографически и репродукционно во втором томе.

Я пишу не рецензию и не аналитическую статью о двухтомном собрании сочинений давнего друга. Я пытаюсь дать общее представление о данном труде, привлечь внимание читателей к нему, выявить основные достоинства этих двух фолиантов.

Так, в чем сила автора?

В том, думаю, что он не только одаренный, одержимый крутыми идеями зодчий, но и страстный, целеустремленный сподвижник Культуры в ее ренессансном значении. То есть, он точно нащупывает суть явления, видит зорко и далеко, всегда и неизменно опирается на истоки национальной культуры, искусно связывает в гармоническом единстве прошлое и настоящее – историю, этнографию, философию, фольклор, литературу, и все его писания отличаются незаурядным интеллектом, огнем озарения и высокой духовностью. Как драматург, как стихотворец, он умеет сплести все грани искусства (по Абаю: «кисыннан кисыстырар ер данасы»), облачать свои деяния в красивые формы, чувствует – как Художник – дыхание Времени и стремится служить Вечности.

Он по натуре максималист. Ставит перед собой всегда высшую планку подлинного творчества. Он стремится к глобальным свершениям.

Именно таким я вижу и воспринимаю Шот-Амана Валиханова.

Такой Личностью он предстает и в своем объемном двухтомнике.

Я знаю: этим двухтомником многограннее творчество Шоты не ограничивается. На ниве культуры он увлеченно, заодно служит, считайте, 60 лет. За эти десятилетия безустального труда он свершил многое.

Конечно, в двухтомник его вошли кое-что, но далеко не все, не все. Деяния его (включая художественные произведения и переписку с выдающимися людьми) наверняка «потянут» томов на десять, а, может, и больше.

За все ему воздастся.

Время воздаст.

Вот это – весьма конспективно – я и посчитал нужным сказать.

Честь, достоинство и хвала высокородному мужу!

Бабушка

С некоторых пор я с опаской раскрываю газеты и включаю телевизор: боюсь услышать черные хабары про безвозвратные командировки моих друзей и знакомых.

Мое поколение ныне бредет по краю обрыва.

Время, когда о смерти ничего не знаешь, не ведаешь, осталось далеко позади.

Первая смерть, которую я видел и которая оставила в моей душе тягостный след, была кончина моей бабушки.

Звали ее Элизабет-Мария, в девичестве Зельцер, в просторечии Лизабет, и случилось это горе зимой 1941 года в селе Мангейм Генденфлюрского кантона в Поволжье.

Мне шел тогда седьмой год, а бабушке – семидесятый, и внуков у ней было – мне не сосчитать. И в этой ораве я был единственный «городской», и мне было сподручнее общаться по-русски, нежели на гессенском наречии. Моих родичей, помню, это забавляло.

Бабушку я побаивался, в ее просторном деревянном доме с заброшенным подворьем было неуютно, пахло нежитью. Да и сама она – суровая, сухопарая, длиннолицая, долговязая, в длинной, до пят, просторной, застиранной юбке, бесцветной, мятой кофте, черном платке, из-под которого свисали по краям седые космы, тонкогубая, морщинистая, носатая, с глухим, ворчливым голосом – к себе не располагала.

Представить ее молодой я не мог. Знал: от моего дедушки Фридриха Бельгера, умершего в голодомор 1921 года, крестьянина-батрака, она родила пятерых сыновей и двух дочерей. По всему умученному, изнуренному облику моей бабушки можно было безошибочно догадаться, что ее семья никогда не ела досыта. Нищета сопровождала ее и при русском кайзере, и при советской власти.

Правда, это я осознал-уразумел значительно позже.

Бабушка умирала долго. Рак пожирал ее медленно. Смертный огонь сжигал-испепелял ее изнутри, ей носили лед из погребов, и она жадно глотала эти серые, хрупкие льдинки.

Хоронили ее всем селом. Сохранилась фотография: в просторном дворе возле гроба стоят скорбящие. Я в валенках, шубке, шапке, обвязанный шарфом, в рукавичках стою рядом с мамой, одетой по-городскому. Мы тогда жили в Энгельсе, в летной школе, где санинструктором служил отец, а в Мангейм наведывались часто.

Успокоили бабушку на местном, убогом кладбище. Я тогда никак не мог понять, как такое происходит: жила-была бабушка, которая, кажется, по-своему меня любила, и вдруг от нее в степи за селом остался едва заметный бугорок.

Потом и его не стало.

И Мангейм исчез с лица земли.

И Республика немцев Поволжья державной волей в одночасье сгинула.

Далее последовали Указ о выселении «десятки тысяч диверсантов и шпионов», депортация в телячьих вагонах, ссылка, трудармия, комендатура, всяческие ограничения, сознательное истребление «неблагонадежного контингента», законопослушного, трудолюбивого народа, который имел несчастье родиться в России немцем и называться руссланддойче.

Ну, все это известно в деталях. Три миллиона руссланддойче, переселившихся в Германию, все это знают и помнят, как и те, что остались в России и Казахстане.

Бабушку ее лютеранский Бог от всего этого спас.

Может, она предчувствовала все беды, которые вскорости гибельно обрушились на тех, к кому и она принадлежала?

Вряд ли...

Ведь зимой 1941 года никто о том не помышлял. И намек на то не было.

Гром разразился на исходе августа. И разом все оборвалось, все рухнуло, все улетучилось.

И немецкие ухоженные села, и образцовая Республика, и надежды-чаяния, и человеческие души и судьбы.

Народ перемололи, измолотили, затравили, истребили.

Но не о том я веду здесь речь. О том я писал и говорил не однажды.

Я о моей бабушке, которая ценой жизни, своей смертью обрела избавление от всех предстоящих неимоверных, немислимых, неисчислимых утрат и мук.

Господи, сколько лет с тех пор миновало. Ныне я уже старше своей бабушки. И вспоминающих то время совсем, видно, мало осталось.

07.01.14

О любви все сказано?

Поделюсь приятным хабаром из Берлина: прислал мне тамошний друг и коллега Леонард Кошут большого формата книгу-альбом «Gedichte über die Liebe» – «Стихи о любви» (Котбус, 2013).

Автор графических работ – Рудольф Зитнер.

Их я насчитал 120. Изящные, эротические, светлые, чувственные, целомудренные, стыдливые и откровенные, обнаженные и едва намеченные, недосказано скромные, восхитительно тонкие, окутанные легким флером, возбуждающие, ликующие, фантастические... нет, не подберу точного слова. Это чистое, высокое искусство... гимн любви, апофеоз страсти, поэзия вечных и благородных чувств, на которых зиждется неистребимая Жизнь.

Это надо смотреть, это надо видеть, чувствовать и восхититься.

На правой стороне страниц плотной бумаги – графика, на левой стихи, проникновенные, возвышенные, затаенные, простые и

вычурные. Стихи-кружева о любви разных авторов, разных эпох, разных веков – немцев, французов, англичан, австрийцев, испанцев, перуанцев.

120 волшебных стихов!

В число воспевших любовь оказался и фрагмент абаевского стиха «Язык любви – язык без слов» в переложении Лео Кошута. Все четыре строчки, но такие пронзительные, проникновенные, весомые, понятные на всех наречиях.

«Ғашықтың тілі – тілсіз тіл» – «Язык любви – язык без слов» – «Der Liebe Sprache braucht kein Wort».

Каждый вечер для улады и отдохновения я, старый анахорет, читаю стихи о любви прославленных во всем мире поэтов, радуясь созвучию искусства – поэзии и графики, испытывая гордость за «нашего» Абая.

Я пытался было пересказать два-три стихотворения, да разве любовь, музыку, небо, солнце, ночь перескажешь? Это под силу лишь избранныкам Земли, любимцам богов – поэтам, художникам, композиторам.

Но держать такую книгу-альбом в руках – радость, вчитываться в слова и разглядывать чудотворные сплетения линий – счастье.

Вот об этом я и хотел поведать.

Такие книги – подумалось – надо бы торжественно вручать влюбленным, бракосочетающимся, взволнованным сердцам, которые хотят, но не могут выразить свою упоительную страсть. Подобная книга вывела бы их из оцепенения немоты.

Неужели в Казахстане никто не дерзнет на такое свершение? Я верю в силу, чары, в колдовство и магию казахской любовной лирики. Вот озарить бы ее еще живописью красок и волшебством сплетенных в истоме линий...

Ай, чудо, чудо! Құдырет!

У меня никогда не было дачи. Знал: ее разграбят.
У меня никогда не было машины. Знал: ее угонят.
И от компьютера я спешно избавился. Знал: меня он подведет.
Надеюсь я только на себя, на бумагу, на шариковую ручку. Я,
скорее, дервиш-пилигрим в этом взбаламученном мире.

Было. Есть. Будет

Так он назвал свою новую книгу, увидевшую свет на исходе прошлого – 2013-го года.

Книга объемная. Композиционно тщательно продуманная. В нее вошли стихи разных лет. И они распределены по блокам-разделам, характеризующим тематические и настроенческие грани поэта: «Сны и видения», «Укусы музы», «Иранские странствования», «Манускрипты из Египта», «Стихостепи или экспедиционные мотивы», «Тюрк и я», «Человек... – это звучит горько», «Поэмы и стихоэссе», «Посвящения» и т.д.

Автор – Бекет Карашин. Я о нем писал не однажды. Яркая, неординарная личность.

О себе он сам все рассказал. И в начале, и в заключении книги. И биографию свою изложил, и книги-труды перечислил, и звания, награды, премии обозначил, и почетные дипломы, грамоты упомянул, и об участии в форумах, международных конференциях, симпозиумах, фестивалях не забыл.

Что ж... есть о чем говорить. За 60 лет жизни и творческой активности он сумел реализовать себя в разных ипостасях. И все правда.

Сам себя он аттестует так: писатель, поэт, историк-тюрколог, литературный переводчик, культуролог, лингвист, этнограф, аналитик социально-политических процессов, киносценарист.

Можно еще добавить: режиссер, сценарист, консультант документальных фильмов.

Где издавались его произведения? В США, Германии, Италии, Болгарии, России, Китае, Иране, Турции, Египте.

Само собой: в Казахстане.

Где учился? Окончил философско-экономический факультет Казахского госуниверситета, очную аспирантуру Института философии и права АН Каз.ССР, Институт «Аль-Азхар» в Каире.

Обо всем остальном я здесь и говорить не буду.

В «Приложении» есть раздел, написанный в шутливой тональности: «Вопросы анкеты. Ответы Бекета». Вопросы, к примеру, такие: «Главные черты вашего характера», «Ваш главный недостаток?», «Каким вам хотелось бы себя видеть?», «Как вы обычно знакомитесь?», «Ваше любимое блюдо», «Ваш любимый город», «Кто был вашей первой любовью?», «Ваш тост», «Ваш девиз». И т.д.

Вопросы конкретные. Ответы лапидарные. Флер философский.

В них много любопытного и поучительного.

Как и в разделе «Океан общения, дружбы и любви».

Отмечу еще и предисловие автора – «Прилюдная прелюдия». Блистательное эссе.

Он любит играть словами, высекает из них разные неологизмы и созвучия, обыгрывает фонетику а ля Олжас Сулейменов. Мне нравится его придумки: «стихострелы», «стихостепь», «стихоэссе», «человолк», «червовек», «маг-аргамак», «бурмалак», «золумбей», «арабокрабодабра», «эгология», «аты-баты тюрковаты, ат – стреляй, а бат – тони».

Юмор философа не покидает. О себе он пишет иронически, играя рифмами:

– Я не вампир и не злодей,
Не лицедей, не фарисей,

Загадочная картина Малевича намек на апокалипсис? Черные, жуткие фантазии обуревают поэта-философа во сне:

– Я безголовый, но над головою
Черные вороны жадно кружат...
Черный квадрат – земля подо мною...
и надо мною – черный квадрат...

Я эту поэму читал еще в рукописи, потом – в двух книжных изданиях, и каждый раз нахожу в ней новые детали, свежие краски, незатертые мысли.

Книга Бекета Карашина дает обильную пищу для широкоохватных суждений. Есть, как говорится, повод для растекания мыслью по древу. Книга эта, бесспорно, тянет на серьезную читательскую конференцию. В своих беглых строках я не претендую на критико-аналитический размах. Я нащупываю лишь отдельные моменты.

Скажу несколько слов о двух бекетовских творениях – «Страсти-мордасти или диспут о власти» и «Агностансы кантианца» (они, на мой взгляд, весьма характерны – и по содержанию, и по форме – философскому мировосприятию и мироощущению атырауского коллеги).

В библиотечной курилке «старичок пенсионного возраста» обращается вопросом «в никуда»:

– Что у нас в обществе творится, кругом неразбериха, беззаконие и безвластие, куда же смотрят политики, неужто нет у нас светлых умов, чтобы навести порядок?!

Назревает диспут. Вступает в него философ:

– Мечтал Платон когда-то страстно,
чтобы возглавил государство
философ. А попросту – мудрец,
но не пустышка иль глупец.

Сей император или король
свой осчастливил бы народ.
Богатой стала бы казна
и процветала бы страна.

Запальчивый студент придерживается иного мнения.

– Идеалистом был Платон
и потому ошибся он.
Ведь базис общества – не разум,
скорей всего, – безумный казус,
когда бездарный богачей
в покупке власти всех сильнее.
Сим миром правит звон монет,
В кармане пусто – трона нет.

Демократ, разумеется, не согласен:

– Чтоб было в обществе нормально
не надо толстого кармана,
ума правителя или же страха,
не нужно гения-монарха –
судьбу свою решить народ.

У монархиста своя точка зрения:

– Для вас уже анахронизм –
Одновластие, монархизм?
Тогда и ваша «власть народа»
Неактуальна, старомодна,
а категория «народ»
обозначает «разнород».

Диспут разгорается. У каждого спорщика свои козыри, свои аргументы.

Спорили, пока:

не разладился прошахско-процарско-проханский настрой монархиста;

не исчерпал аргументы демократ,

не вспотел от напряжения лоб философа,

и пока не стали гаснуть библиотечные лампы.

А старичок «возжигатель спора», твердил одно и то же:

«Неужели у нас нет светлых умов, чтобы навести порядок?!»

О чем же «Агностансы кантианцы»?

Автор разъясняет:

«Замысел состоит в том, что автор преднамеренно встает на позиции последователя немецкого философа И.Канта, основателя так называемого агностицизма, теории отрицания познаваемости мира, а точнее – сущности вещей».

Автор не скрывает своего пессимизма в восприятии современного мира:

– Сохнет, хилеет познания древо.

Разгневалась Гея, разгневалось Небо.

Рушится все, что создано было,

не выдержав нары, природного гнева.

И все же надежда умирает последней:

– Но может, останется все же росток

человечества, разума новый исток?..

Может, может, – соглашаюсь и я, разделяя все авторские сомнения и бодрясь, утешаясь.

Немало достоинств я нахожу в новой книге Бекета Карашина «Было. Есть. Будет».

В предисловии к книге он пишет: «Не все поэты (по Маяковскому, и не только по нему) могут быть хорошими, но все могут и должны быть разными».

Абсолютно согласен.

И еще он признается: «Не отрицая ни одну из поэтических школ и направлений, классических форм стихосложения, как западной, так и восточной поэзии, автор пытался найти свой путь».

Похвально, конечно. Никак не возражаю.

Но все же мне не совсем по душе, когда, скажем, гомеровский гекзаметр мешают с раешным стихом. Все же приятнее, когда ямб отличают от хорея. Должно быть, это моя слабость (или ограниченность) в восприятии сложившихся канонов версификации и ритмомелодики. В поэзии я поклонник того, что называется гармонией, созвучием, Gleichklang, «сылдырлап өңкей келісім» (Абай). В этом смысле «свой путь» Бекета в иных случаях более раскован.

Ну, а объяснять можно все на свете. Еще Гегель сказал.

* * *

А вообще-то, если честно, как на духу, я приемный сын Казахстана. Чем утешаюсь и тихо горжусь.

Для России я оказался пасынком, хотя мои предки верой и правдой служили ей 160 лет. Меня в одночасье отторгли, предали, вышвырнули. Кого винить-то? Ну, не народ же. В частности русский. Подлецы – власть, политика, идеология. И вес же обидно, что защиты и милосердия с той стороны я так и не увидел, не испытал. А Казахия меня приютила и обласкала. И это, думаю, мое воззрение, мое счастье.

* * *

Эта дама из Германии (Родом из Тюрингии) мне приятна во всех отношениях. Иногда она меня наведывает. Легкая, поджарая,

стройная, гибкая, простая, общительная, знающая, обаятельная. С ней и беседовать-то комфортно. Всегда в движении, в разъездах, она многое повидала, обо многом осведомлена, и сердце ее распахнуто людям и жизни. Немка, она за 19 лет исходила, изъездила необъятный Казахстан вдоль и поперек. И полюбила его просторы, степи, горы, устюры, леса, народ, его культуру, историю, обычаи, своеобразие. Не только полюбила – привязалась к Казаху всей пылкой душой.

Зовут ее Дагмар Шрайбер. И в Казахстане у ней уйма друзей и знакомых.

Свои многогранные познания и любовь к стране казахов она блистательно выразила в солидном (444 страницы, 250 цветных фото, 20 карт городских планов) путеводителе (Reiseführer) «Kasachstan». Перед вынужденным из-за каких-то неурядиц отъездом в Германию Дагмар нанесла мне визит и вручила мне 4-ое издание своего труда («Trescher-Verlag, 2012»).

Я – давний казахстанец, побывал не однажды во многих казахстанских краях, прилично знаю страну, ее историю, культуру, население, ментальность. Поэтому с особенным любопытством и пристрастием перелистал этот путеводитель, подолгу рассматривал фотографии, вчитывался в тексты, вникал в разные известные-неизвестные факты, убедился, что Дагмар увидела страну свежим, незамутненным, зачарованным взглядом и все, что увидела, изучала, запечатлела, описала достоверно, мудро, тактично, с любовью. Даже сугубо казахские, сложные для восприятия европейца названия воспроизвела фонетически максимально точно, бережно. Огромный материал о стране сгруппировала вокруг основных тем: «Страна и люди», «Алматы и его окрестности», «Жетысу – край семи рек», «Юг Казахстана: по следам Шелкового пути», «Сары Арка – великая степь», «Дыхание Сибири: Алтай и Прииртышье», «Казахстан у моря» и т.д.

Разумеется, каждый из этих больших разделов имеет свои главки. Например, об Алматы говорится об его истории, географическом расположении, достопримечательностях, музеях, религиозных центрах, парках и зеленых массивах, ярмарках-базарах, информационных средствах, а также об его окрестностях – Медеу, Шымбулак, Табаган, Бутаковка, Алма Арасан, Сункар, Кок Жайлау, Большая Алматинка, Шебер аул, озеро Сорбулак.

Подобные описания характерны для всех глав, составляющих путеводитель «Казахстан».

Перелистав и перечитав многие страницы этой красочной книги, я мысленно совершил приятное путешествие по всей стране и испытал большую гордость и за страну, и за ее уникальную природу, за ее города, степи, горы, урочища, озера и реки, пастбища и поля, за ее многонациональный народ и за автора путеводителя, любовно составленного иностранкой и изданной в специализированном издательстве в Германии.

Рад тому, что существует такой путеводитель о стране, в которой обитаю уже 73 года, на немецком языке. Глубоко благодарен чуткому, добросердечному автору – Дагмар Шрайбер.

14.01.14

Мама

Мама ушла от нас в мае 1994 года в Ташкенте, не дожив несколько месяцев до моего 60-летия.

Отмаялась...

Сам я ныне приближаюсь к 80-ти годам. А о маме думаю с любовью и благодарностью постоянно.

В спальне висит ее портрет. Она глядит из небытия спокойно и сосредоточено. Каждое утро, заправляя постель, я всматриваюсь в

хотя, полагаю, многое было ей непонятно. Ее пугали мои резкие, колкие статьи социально-политического характера. Она желала, чтобы у меня была спокойная, размеренная жизнь.

Я гордился мамой. Она гордилась мною. И любовь наша была взаимной.

Прах ее покоится на ташкентском кладбище «Домрабат» рядом с могилами отца и моей сестры Розы. Три мраморных памятника стоят рядышком – половина нашей семьи. Последний раз я побывал здесь в день похорон отца – в ноябре 2002 года. Увы, до Ташкента мне, наверное, уже не добраться. Да и на отцовской усадьбе ныне обитают чужие люди...

* * *

Я по-казахски (по-казахски: «мысық табандап») подкрадываюсь к 80-летнему рубежу. И продолжаю шкрябать пером почти с прежним усердием. Но чаще стал задумываться. «А зачем? Может, довольно бумагу марасть?»

И тут узнаю, что Даниилу Александровичу Гранину исполнилось ныне (в январе 2014 г.) 95 (!) лет. Жок, алжыған жок! Пишет книги, дает интервью, выступает по телевидению. Представьте:

в 2009 году вышла его книга «Причуды моей памяти».

в 2010-м – «Все было не совсем так».

в 2011-м – роман «Мой лейтенант».

в 2012-м – «Заговор».

в 2013-м – «Человек не отсюда».

Выходит, человек всю жизнь расписался после 90 лет...

Так, может, и мне брать с него пример, а не комплексовать раньше времени?

А вот его мысль, мне очень близка: «Серьезная болезнь нашего общества – одиночество».

Это верно. Казахи, однако, этого стесняются. Стараются о том не говорить.

Одиночество от национальности не зависит.

* * *

Ночью задумался: «Какие книги я мог бы выдать на-гора»?

– Летели однажды пять диких лебедей. (Мотивы российских немцев), 6 п.л.

– Пепел Клааса (о судьбе рос. немцев), 20-25 п.л.

– Герольд Бельгер кім? (статья обо мне и интервью последних лет на каз. языке), ≈17 п.л.

– Күнделік беттерінен. Дневники последних лет. На каз. яз. ≈13-15 п.л.

– Избранная чепуха в двух томах. ≈ 60 п.л.

– Казахские арабески. ≈ 30 п.л.

– Вблизи и рядом. Лит. портреты на фоне дневниковых записей. ≈ 23 п.л.

– Волк, Чапа и другие. Рассказы для детей. 3 п.л.

– Ритмы судеб. ≈ 9 п.л.

– Тень дней минувших. Дневник. 40 п.л.

– Все, что смог... ≈ 18 п.л.

В сущности, я мог бы – при необходимости – представить издательствам эти опусы за полгода.

Но кто издаст? И на какие шиши?

Хотя – отмечу – последние шесть названий более-менее пристроены и могут увидеть свет еще в 2014 году.

* * *

Недавно я сильно расстроился, узнав, что через пять миллиардов лет погаснет солнце.

Какой ужас! Как жить-то будем?!

Через каких-то пять миллиардов лет мы будем пребывать в сплошном мраке. Ну, не конкретно мы, а наши потомки.

Я лишился сна. Даже писать перестал.

А вчера (18.01.14) из газет узнал о грандиозных и радужных перспективах Казахстана в 2050 году. О том увлекательно поведал наш Президент в очередном послании к народу.

Душа встрепенулась. От радости макушкой уперся в небо. В зобу дыхание спёрло. Провидческий дар Елбасы потрясает. Депутаты аж пятьдесят раз разразились аплодисментами. Ни один ни на мыскал не засомневался.

Ликуя, звоню знакомым писателям. Оказывается, никто и не слышал. В голосе никакого восторга.

Один говорит: «Но как мы о всех этих сведениях узнаем на том свете? Кто нам сообщит?»

Я ответил: «Нешауа! По мобильнику как-нибудь сообщат».

«Мед тебе в уста!» – откликнулся знакомец.

* * *

Из газет: судя по статистике Минобразования Казахстана мы превращаемся в страну ученых. Ежегодно в республике защищается до 500 докторских и 1500 кандидатских диссертаций.

Какие темпы, однако!

Это сколько же у нас будет докторов и кандидатов наук, скажем, через двадцать лет?

Есть опасность, что научными степенями обзаведутся и бараны, и верблюды. Баран – доцент, верблюд – профессор.

Ой, алла-ай!..

* * *

Сколько всякой всячины приходилось на моем веку читать про ад и рай! С раннего детства и поныне на склоне лет.

А лучше, точнее о том сказал, пожалуй, Омар Хайям (1048-1131).

«Ад и рай – в небесах» – утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай – не круги во дворце мироздания,
Ад и рай – это две половины души».

Вот вам и вся диалектика, вся мудрость, вся суть мировосприятия.

* * *

Мой друг и коллега, современник Калихан Искак однажды сказал: «Из мусора рождается мусор». Он имел в виду человека. Не что подобное изрек в древности Лукреций: «Из ничего и не выйдет ничего».

* * *

Долг велит сказать несколько слов о книге Алимжана Ахмадиева «Бакыт сенің колында» (А., «Мерей», 2013).

И вовсе не потому, что автор – генерал-майор, а потому, что знаю его со школьных времен, с аульного детства.

Мы росли в соседних аулах: я в нынешнем селе им. И.Ибраева, он – в Коктереке, на расстоянии 6-7 километров.

Коктерек – славный аул. Рядом река Есиль, озеро, родники, березовые колки, пышный тугай, лесостепь, могучий тополь, упирается в небо.

Я охотно и часто бывал в том ауле. Оттуда вышли знатные люди: партийные и советские деятели (А.Ф.Шалов), благословенные, мудрые старики (Нуркан, Омар, К.Оспан), дюжина милицейских работников, писатели-поэты (А.Нуртазин, Е.Конарбаев, Ж.Нуркан), историки (К.Кусаинов), педагоги (Г.Каленова), передовики сельского хозяйства. Всех не перечислю.

И, конечно же, земляки гордятся Алимжаном Ахмадиевым, который дослужился до чина генерал-майора.

Я старше его, кажется, года на три. Помню его воспитанником интерната при казахской средней (единственной в районе) школе. Был он тихий, скромный, послушный, старательный, немного подавленный, как все сироты-интернатовцы.

Ни за что бы не подумал, что из этого малорослого тихони выйдет со временем генерал.

Да и он вряд ли предполагал, что тощий «немыс бала» станет со временем писателем.

Выходит, жили мы с ним в одно время, дышали одним воздухом, ели один хлеб, пили одну воду, учились у одних учителей, играли в одни игры. И чувства, как явствует из его книги, испытывали схожие.

О прошлом худо не говорим, на судьбу не сетуем.

Книга его ярко повествует о излучистом жизненном пути, о становлении личности, об упорстве и настойчивости, о целеустремленности и воле, о чести-достоинстве, о нравственности и порядочности, заложенных и заповеданных предками, о доброте и благодарности к светлым людям, которые исподволь наставляли-направляли наше поколение на праведный путь.

Обо всем этом Алимжан рассказывает просто, доступно, искренне и исповедально. Он с трогательной любовью повествует о родных и близких, о родном крае, о наставниках и сослуживцах, о супруге, дочери, внуках, находит прочувствованные, проникновенные нежные слова.

Книга выходит за рамки семейного повествования, домашнего очага. Она, думаю, обращена к широкому читателю, к «младшему, незнакомому племени», раскрывает тернистые пути-дорожки подлинного азамата, который добился всего сам, без «волосатой руки» и шальных денег, по крутым ступеням одолел вожаделенные вершины.

В этом я вижу предназначение, подспудный пафос его живого автобиографического повествования.

Нет у меня каких-либо серьезных придилок и к русскому переводу, осуществленному Алматом Жарылкасымовым. Он бережно передал доверительную тональность повествования.

Написав эту книгу, генерал, полагаю, сделал доброе дело, и я сердечно говорю: «Он болсын!».

* * *

Джованни Боккаччо («Декамерон»), оказывается, говорил: «Тот, кто хочет быть здоровым, отчасти уже выздоравливает».

Совет правильный, мудрый.

Я хочу быть здоровым, но отчасти никак не выздоравливаю.

Видимо, на 80-м году жизни это проблематично.

* * *

Мопассан прожил всего 43 года. Умер от прогрессивного паралича мозга. А за десять лет творчества написал 27 томов прозы, пьес, статей, стихотворений.

Многие мои казахские коллеги в литературе состояли по 50-60 лет, а издали едва 7-8 томов.

Низкая производительность труда. Слишком много времени уходит на той-шоу, интриги и бесбармак.

* * *

Для моих казахских коллег характерна неумная жажда к званиям, побрякушкам. Иному уже 90 лет, а он все еще домогается «Кахармана» или «Героя».

Бернарду Шоу предлагали дворянство, титул пэра. Отказался. В 90 лет еле согласился стать почетным гражданином Дублина.

Между прочим, написал 57 пьес. Нашему Дулату И., плодотворному драматургу, еще далеко до этого.

Умер Шоу в 94 года. И согласно завещанию, тело его было сожжено и прах развеян по саду.

Факт, достойный подражания.

* * *

Вот еще пример уникальной продуктивности.

«Архив писателя Артура Конан Дойля – двадцать огромных ящиков – до сих пор не опубликован. Там кладезь информации, в котором письма писателю от У.Черчилля, Т.Ф.Рузвельта, короля Эдуарда VIII и еще много-много чего...»

(см. В.М.Ломов, «Сто великих зарубежных писателей», М., «Вече», 2009, стр. 281).

* * *

Из этой же книги я почерпнул и этот факт: «Тагор написал более 3000 песен».

У покойного Туманбая сколько?

Помню, как на одном банкете мы с ним оказались за одним столиком. Шел концерт. И тексты большинства песен принадлежали ему. «Это я написал!»

И все же столько песен, как Рабиндранат Тагор, едва написали тридцать самых известных казахских текстовиков.

* * *

Джек Лондон работал в литературе 20 лет (всего прожил 40 лет). И за эти годы создал 400 публицистических произведений, 200 рассказов, 20 романов и 3 пьесы.

Каково?

* * *

Джон Толкиен (1892–1973) отличался исключительным даром в постижении языков. Еще в школе он изучал греческий, немецкий,

валлийский, готский, древнегерманский, средневековой английский и древнеанглийский, исландский и древнеисландский языки.

В Оксфорде он изучал древнефинский язык.

В лазарете стал учить русский и освежать в памяти испанский и итальянский языки.

С 1920 г. стал преподавать английский в Лидском университете. Его избрали профессором англо-саксонского языка и литературы в Оксфорде.

Поражаешься. По белому позавидуешь.

* * *

Есть такая странность: многие выдающиеся писатели друг друга не празднуют, не жалуют.

Примеров сколько угодно. На память приходят и Лев Толстой, и Достоевский, и Бунин, и многие-многие другие. Немало жестких, несправедливых слов – взаимно обидных – было высказано коллегами.

Помню, как Мухтар Магауин печатно высказался как-то о Нурпеисове. Существует мнение, что Абдижамил – классик, корифей, патриарх, что он создал два объемных шедевра – трилогию «Кровь и пот» и дилогию «Последний долг». Книги эти много раз переиздавались и переведены на многие языки мира. А Магауин заявил: «Нурпеисов – писатель средней руки». И еще добавил: «Даже ниже среднего».

Нечто подобное сказал Томас Манн и о Эрихе Ремарке. Весь мир зачитывается романами, «На западном фронте без перемен», «Три товарища», «Триумфальная арка», «Время жить и время умирать», а Томас Манн публично объявил их автора «писателем средней руки».

Кстати, Э.М.Ремарк был очень популярен и в Советском Союзе.

* * *

Писательскую трагедию очень просто выразил Рюноскэ Акутагава:

«То, что стоило бы написать, никак не пишется. То, что мог бы написать, писать не стоит».

Ай, верно!

Старая истина: «Если можешь не писать, не пиши».

* * *

Если бы я был, скажем, просто немец (в смысле германец), я бы, пожалуй, это не педалировал, но то, что я российский немец (руссланддойче), воспитанный и пригодившийся в Казахстане, для меня существенно и важно. Потому я это неизменно подчеркиваю.

* * *

Умница Петр Своик, экономист, кандидат технических наук, до тошно, научно обоснованно доказывает: «Если глава государства сообщает, что пенсии за 15 лет выросли в 10 раз, это означает, что и цены выросли на столько же».

Полагаю, что он прав, ибо приводит разные конкретные расчеты, которые к тому же графически изображает.

У меня свой подход: не научный, а житейский. Как только Елбасы объявляет народу, что увеличивает пенсию, скажем, на 10 процентов, лихачи на базаре и расторопные коммунальщики тотчас поднимают цены на 20-30%.

Если лет пять назад моя жена, прихватив одну тысячу тенгушек, смело ехала на базар, то ныне без 7-8 тысячи в кармане она и из дому не выходит. Еще можно сравнить квитанции за ком. услуги последних лет. Пенсия за реальными ценами никак не угонится. Даже баш на баш не получается.

«Во имя Слова»

Неустальный Сагымбай Козыбаев, доктор исторических наук, профессор, президент Академии журналистики Казахстана, признанный мэтр, наставник, ученый, издал очередную свою книгу (кажется, 46-ую по счету) под названием «Во имя Слова» (Усть-Каменогорск, «Шығыс акпарат», 2014 г., объем 12 п.л., тираж 300 экз.)

Это библиографический указатель. В аннотации оговорено: «своеобразный отчет в канун даты личной жизни – 70-летия и 40-летия непрерывной работы в КазНУ им. аль-Фараби на преподавательской стезе».

Даты солидные. Автор солидный. И деяния его достойные.

Из указателя явствует: человек славно поработал. Я знаю труды профессора Сагымбая, имею большинство его книг, о некоторых из них посильно публично отозвался. Он обладает широкими и глубокими познаниями, целеустремлен, по-граждански активен, мобилен, неустанно пестует ярких рыцарей пера.

В фундаменте культуры лежат разного рода справочники, словари, указатели, библиографии. Профессор Козыбаев исповедует эту непреложную истину. Его последний по времени библиографический указатель наиболее полно охватил все грани его творчества. Назову некоторые разделы: «Докторские и кандидатские диссертации, выполненные под руководством», «Отдельные издания», «Труды изданные под редакцией», «Рецензент монографий, учебных пособий, книг», «Газетно-журнальные рецензии», «Предисловия к книгам», «Алфавитный указатель трудов» и т.д.

Аккуратно и дотошно перечислены внушительные сведения по всем разделам биобиблиографического указателя.

По-немецки говоря, я все это акцентировал и проникся почтением к содеянному давнего знакомого.

Его ученики, читатели и поклонники вправе (обязаны!) все это знать.

Вторая часть книги отведена посвящениям коллег – Марата Барманкулова, Куандыка Шамакайулы, Бекжана Аширбая, Ивана Хромова, Ирины Гайкаловой и других.

В заключении приводятся основные даты жизни и деятельности автора, свидетельствующие о масштабах его личности и значимости творческой персоны.

Тираж книги незначителен, у автора учеников, соратников, знакомых наверняка в десятки раз больше. Поэтому я и счел нужным представить новую книгу профессора Козыбаева широкому читательскому кругу уважаемой газеты «Дат».

* * *

Давний знакомый, приятный коллега занес как-то мне стопку своих книг и, воспользовавшись встречей, тотчас спровоцировал меня на интервью для газеты, в которой давно и успешно трудится.

Он – «многостаночник»: поэт, переводчик, прозаик, эссеист, публицист, критик, драматург, редактор. Натура неумная, мобильная, общественно и социально чуткая. Отменный собеседник. Живой ум. Жизнь познал по всем параметрам.

Он издал, кажется, двадцать книг. Постоянно печатается в газетах-журналах. Орденоносец. Придерживается четкой гражданской позиции.

Зовут его звучно – Адольф Альфонсович Арцишевский.

Казахи кличут почтительно – Адике.

Творчество его мне знакомо. Но сейчас хочу ограничиться несколькими словами о последней по времени книге «Портрет современника в интерьере эпохи» (А. «Алаш», 2013, объем 20 п.л., тираж 2000 экз.)

Жанр книги – эссе, публицистика. «Это книга о тех, кто вносил и вносит свой вклад в духовное богатство нашей республики, в созидание завтрашнего дня Казахстана».

Так сказано в аннотации.

Кто герой этих проникновенных, прочувствованных, психологически зримо и внятно охарактеризованных очерков-эссе?

Писатели, политики, ратники, артисты, композиторы, историки, режиссеры, музыканты, художники, спортсмены...

Назову для конкретики несколько ярких, выдающихся имен: Сагадат Нурмагамбетов, Малик Габдуллин, Виктор Бадиков, Рубен Андриасян, Чингиз Айтматов, Бауржан Момышулы, Азербайжан Мамбетов, Юрий Герт, Морис Симашко, Юрий Померанцев, Шакен Айманов, Ермек Турсунов...

Я насчитал: в книгу включены 60 очерков. То есть, охвачены жизнь, судьба, деяния 60-ти знатных граждан нашей страны. Очерки-эссе распределены по трем главам-разделам («Сокровенное», «Былое и думы», «Услышать будущего зов») и выписаны с тщанием и любовью. Они – действительно портреты современника. И именно – «в интерьере эпохи». В этом смысле книга названа снайперски точно.

Подавляющее большинство героев этой книги – мои знакомые. Я их не только знал (знаю!), но и чувствовал (чувствую!) по-человечески, по-граждански с неизменной симпатией.

Этой книгой, полагаю, Адольф внес существенный вклад в духовную ауру Казахи, воздав дань крупным личностям, которые облагоураживают творческий дух и славу нашей страны.

Рад за своего коллегу и охотно представляю его и его книгу многочисленным читателям уважаемого «Дата».

25.01.14

* * *

Достали меня телефонные звонки: «Как перевести на русский язык мәңгі ел? Елбасы сказал, что это и есть национальная идея».

Ей-ей, не знаю, что ответить. У казахов ведь все слова многозначны.

Вообще-то «мэнгі» означает «вечный». Насколько я знаю, вечным бывает только Бог. Ведь даже солнце не вечное: погаснет, сказывают, через 5 миллиардов лет. Ученые подсчитали. Вечное, выходит, нечто сакральное, иррациональное, мифическое.

Ну, а эль (ел) означает и страна, и народ, и население, и нация, и мир, и родной край, и обитель.

В сочетании двух слов получается как бы «вечная страна», «вечный народ», «вечный мир», «вечная нация», «мир Вечности».

Т.е., каждый переводит на свой салтык.

Конкретнее и резонней было бы спросить у самого автора этого словосочетания.

Ясно одно: речь идет о Казахи, о стране казахов.

Что еще я могу сказать?

Точно знаю, что:

а) есть «мэнгі бишара» (в смысле: вечный бедак, бедолага)

б) и «мэнгі ұры» (в смысле: вечный коррупционер)

Вот эти два социальных типа действительно «мэнгі» – вечные.

Все остальное не «мэнгі», а «энгі», то есть, нечто ослиное, глупое.

Получается «энгі ел» – ослиное царство.

А «мэнгі ел», надеюсь, объяснят-растолкуют наши доморощенные мудрецы-философы.

«Ел» – для меня близкое, теплое слово. У меня есть даже книжка «Эль». А слово «мэнгі» меня настораживает.

* * *

Воровство у нас нынче стало достоинством. Истинный джигит у нас тот, кто умеет ловко воровать. Этому искусству, считай, научились. Труднее – прятать концы в воду.

Герой рассказа А.П.Чехова «В овраге», сыщик Анисим Цыбукин говорит: «Украсть всякий может, да вот как сберечь! Велика земля, а спрятать краденое негде».

Да... Казахстан велик. Да где прятать краденое? Вот на этом и попадают наши славные азаматы. То и дело попадают в силки.

И все же джентльменов удачи, рыцарей большого хапка становится все больше. Думаю, к 2050 году наберутся опыта.

* * *

Вообще чеховский Анисим, ставший к концу жизни банальным фальшивомонетчиком, – философ. Вот о чем он говорит своей мачехе:

– Я так, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совести мало в людях.

На этом месте мне подумалось: не о нынешнем ли Казахстане идет речь?

Анисим продолжает:

– Я вижу насквозь, мамаша, и понимаю. Ежели у человека рубаха краденая, я вижу. Человек сидит в трактире, и вам так кажется, будто он чай пьет и больше ничего, а я, чай-то чаем, вижу еще, что в нем совести нет. Так целый день ходишь – и ни одного человека с совестью. И вся причина, потому что не знают, есть бог или нет...

Когда я вижу иных акординских важных чиновников, и я вспоминаю эту реплику чеховского Анисима. Да, я слышу, что они говорят, а сам мимовольно думаю: «Совести-то у них есть или вся испарилась?»

* * *

Когда читаешь классиков, всегда возникают странные ассоциации.

Вот наши правители, как правило, говорят важно, глаголят жирно, убежденные, что они сидят высоко, а потому старше всех.

Плотник Елизаров («В овраге») говорит:

– Дело наше праведное, богоугодное, а ежели вам угодно быть старше, то сделайте милость. Кто же старше? Купец первой гильдии или плотник? Стало быть, плотник, деточки.

Старше, конечно, народ, а чиновник, до поры до времени забравшийся на высокое кресло. Просто об этом надо почаще напоминать. «Кто трудится, кто терпит, тот и старше».

* * *

Охотно допускаю, что я неправ, но упорно чудится мне, что в последние два десятилетия стремление к образованию, к наукам, к интеллекту, к культуре у нас заметно убавилось.

Верно: и университетов хоть отбавляй, и платных учащихся избыток, и ученых званий-степеней как кизяк в степи, и зарубежные штудии полным-полно отечественными буршами, талант на таланте сидит и талантом погоняет... все так, но сменились, на мой взгляд, акценты, изменились приоритеты, сама тяга к духовности взяла крен в сторону некой низменной, циничной меркантильности.

Почему-то в обществе преобладает сознание, что едва ли не главная ценность жизни – хитрость, ловкачество, деньги. Сюда еще можно добавить коварство, подлость, обман, показушность, хвастовство-даракианство.

Таковы приметы времени. Если же обойтись одним словом, то это акша. И то: если хитрость есть, акша будет. Успешный человек у нас не механизатор, а пройдоха-махинатор.

На таком лживом постулате выросло-воспиталось целое поколение.

Меня, например, всегда восхищали гуманитарно разносторонние люди. Среди моих замандасов-современников это были Аскар Сулейменов, Абиш Кекилбай, Мухтар Магаунин, Акселеу Сейдимбек, Мурат Ауэзов, Мухтар Кул-Мухаммед. Их личности облагорожены литературой, историей, музыкой, живописью, философией, этнографией и т.д.

Среди нынешних я таких не вижу. Может, они еще не раскрылись-не развернулись? Может, они еще созревают в глубинках Казахстана или в зарубежных интеллектуальных закутках?

Конечно, все не охватить, необъятное не объять, и все знать невозможно. Всему есть предел. И на все отвечать немислимо. Однако, меркантильность, бескрылость в познании меня настораживает и пугает.

Старик-бродяга в рассказе Чехова «В овраге» отвечает на вопрос своей горемычной спутницы так:

– Всего знать нельзя, зачем да как. Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух лететь способно; так и человеку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобы прожить, столько и знает.

Мудрость эту я не совсем разделяю. Чтобы прожить абы как, многого не надо. Жить необходимо по-человечески достойно, дабы не отстать от кочевья времени. Для этого «четверть» не годится. Надо ориентироваться на максимум.

А пока у нас максимум – хапнуть как можно больше и вовремя слинять. Сейчас, кажется, для этого только и учимся.

* * *

Интервьюеры то и дело допытывают меня: какое Ваше мнение о молодых казахских литераторах?

Меня этот вопрос каждый раз застает врасплох. Молодые это кто? Каких возрастных рамок?

Вспоминаю, как лет тридцать-сорок назад такой же вопрос нередко задавали маститому Габиту Мусрепову. Он обычно в своем вальяжном, лениво-барском тоне отвечал в том духе, что молодых он, конечно же, знает, читает с интересом и любопытством и при этом называл Сафуана Шаймерденова, Тахави Ахтанова, Абдижамила Нурпеисова, Зейнолла Кабдолова, Куандыка Шангитбаева.

А им было тогда уже за пятьдесят, и в литературе они обрели имя, их издавали и переиздавали, но Габиту Махмудовичу они мерещились еще молодыми.

В свой черед у представителей этого поколения тоже традиционно спрашивали о молодых. И они называли Кадыра Мурзалиева, Туманбая Молдагалиева, Абиша Кекилбая, Саина Муратбекова, Калихана Исакова, Аскара Сулейменова, Зейнолла Сериккалиева, то есть, моих сверстников, ныне уже ушедших или со скрипом подбирающихся к 80-ти.

Теперь и меня расспрашивают о молодых. И я с некоторой натугой называю Дидара Амантая, Айгуль Кемелбаеву, Асель Омар, Лиру Коныс, Мадину Омарову. Они, кажется, сорокалетние, издали по несколько книг, но для меня, нынешнего, он продолжают ходить в молодых.

А то племя, которому сейчас по 25-30, мне и вовсе не знакомо. Конечно, что-то попадает на глаза, мелькает там-сям в периодической печати, и я даже кое-что читаю (хотя, признаться, охотнее перечитываю Толстого, Чехова, Томаса Манна, Г.Гессе, М.Ауэзова), но в моей дырявой голове ничего не остается, все испаряется на другой же день. Разумеется, молодая казахская поросль и ее творения в том никак не виноваты.

Теперь вот в «Қазақ әдебиеті» (31.01.14) читаю добротный аналитический разбор неведомого мне Нурбека Тусипхана о произведениях также неведомых мне Алмаса Нусипа, Алибека Байбола, Армана Альменбета («Үш талшыбық») и приятно удивляюсь перечню упоминаемых критиком имен, уже заявивших о себе на литературном небосклоне – Койшыбек Мубарак, Бейбит Сарыбай, Максат Малик, Өміржан Абдыхалық, Нурлан Кабдай, Мирас Мукаш.

Надо же!.. Значит, не погас благотворный огонек в очаге. И то, что я их не знаю, – моя проблема. Или беда. Утешаюсь тем, что меня они наверняка тоже не знают. Для них я, скорее, мастодонт неведомой эпохи.

А вообще-то все правильно. Неправильно то, что о молодых литераторах слишком редко и мало говорят, критики воды в рот набрали, и массовый читатель (если таковой существует) пребывает в полном неведении. Мы как-то не научились показывать товар лицом. Пропаганда всякой нови запущена дальше некуда. Даже плохо представляем, что же волнует молодых. Вот в чем вопрос-то...

* * *

Холуяж в сущности не только унизителен, безнравственен, но и абсолютно бесперспективен. Я уже столько лет тщетно вдавливаю эту очевидную истину в голову некоторых не в меру ретивых доморощенных писателей, философов, экономистов, юристов, историков.

Увы, наши славные жопеке этого никак не понимают. У них на холуяже свет клином сошелся.

Видимо, холуяж бессмертен, как и коррупция. Рабство, холуйство неистребимы. Должно быть, человек греховен изначально.

* * *

Благосклонный ко мне журналист-энтузиаст Амантай Д. придумал для меня орден: «Тевтонский Бейбарс духовности в Казахстане».

Уах, уах! Башка кру́гом!

* * *

Странствующий офицер в лермонтовской «Тамани» спрашивает у молодой певуны-контрабандистки: «А как неравно напоешь себе горе?»

Последовал ответ:

– Ну, что ж? Где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять недалеко.

Мудро! В сущности в этих словах вся философия жизни.
Извечная истина!

* * *

В эти дни (январь, февраль 2014 г.) в печати много пишут и вспоминают о 70-летию прорыва ленинградской блокады. Мне запомнились пронизанные болью и достоинством интервью с Даниилом Граниным, его выступление в Берлине, в Бундестаге; помню свидетельства Михаила Дудина, Андрея Битова, Роберта Лейнонена и многих других, видел документальные и художественные фильмы, не раз слушал знаменитую симфонию Шостаковича...

Но об этом апофеозе человеческого духа и стойкости я узнал позже.

Ну, а тогда, в годы войны, я, депортированный в глухой казахский аул малолеток, о ленинградской трагедии ничего не ведал. И «ленинградцы, дети мои!» Джамбула услышал впервые, кажется, где-то в пятом-шестом классе. Помню оригинал:

– Ленинрадтык өренім,
Мактанышым сен едің...

В русском переводе этих строк больше пафоса, энергии, торжественности.

Не о том, однако, речь.

Суровые и лапидарные сводки Совинформбюро в чтении легендарного Левитана передавались из районного центра Марьевки по телефону лишь изредка, и слышали их в ауле, кажется, всего два-три человека, дежуривших в аулсовете. В том числе и мой отец. О прорыве ленинградской блокады в окрестных, захудалых аулах Северного Казахстана никто ничего толком не зал.

А мне запомнился лишь один блокадник, непонятно каким образом очутившийся в нашем краю. Ни примерного возраста его, ни национальности я определить не смог.

Был он предельно истощен, изнурен (сейчас я бы сказал: дистрофик крайней степени, но тогда я этого слова не знал), с провалившимися, потухшими глазами, с оттопыренными ушами, точно приклеенными к облезшему черепу, с несуразно большим носом, с тоненькими, как плети, руками, ужасно костлявый, трухлявый, высохший, сплюснутый.

Он производил впечатление заблудившегося скелета, древней мумии, лишенной всякого смысла и ориентира. «Тірі аруак» – определил я его для себя по-казахски.

Он и не говорил почти. Еле размыкал синюшные губы и глухо ронял какие-то словечки, которые и разбирать-то было мудрено. Казалось, он и от еды отвык. Долго жевал беззубым ртом хлеб, шамкал, всхлипывал, сопел, судорожно вел кадыком, стонал, немело расколупывал яйцо, ронял ложку, еле удерживал в трясущихся руках обшарпанную кружку с ячменным кофе.

Я пугался его. Мама возилась у печки, изредка косилась на гостя, тихо бормотала: «Либер Хайланд! Майн Гот!» Отец из крохотного пузырька налил ему ложечку рыбьего жира и поспешно удалился в медпункт.

Гость попросился переночевать у нас одну ночь. Шел он, как я понял, в сторону Петропавловска – то ли в Дом инвалидов, то ли в какой-то лазарет. Было лето, тепло, но до Петропавловска надо было преодолеть 200 километров.

Отец обещал ему подводу до колхоза Мектеп, а дальше – как получится, как повезет. Мир не без добрых людей.

При медпункте были две комнатухи. В одной обосновались родители с сестренкой. В другой ночевал я с доходягой-пришельцем.

Ночь оказалась для меня бессонной. Почему-то с вечера мне померещилось, что незнакомец меня непременно задушит и съест. Откуда такая фантазия – Бог весть. Приблизнилось и все.

А гость вздыхал, мучительно зевал, кряхтел, стонал, сморкался, бредил, кого-то звал. Ворочался на скрипучей железной койке. Часто вставал, шатаясь и держась за стенку, выходил во двор, потом подолгу сидел на краешке койки, что-то бессвязно бормотал, вскрикивал, чмокал, жевал губами, чесался, пил воду. Я все слышал, но старался не шелохнуться. Мне чудилось, что гость хочет что-то сказать, но то ли забыл что́, то ли не было сил.

Спал он, что называется, птичьим сном. Поднялся, едва забрезжил свет. Сел, скрючился у порога, привалился к косяку и забылся ненадолго, то и дело вздрагивая, как заморенная аулсоветская кляча.

Таких людей в нашем ауле не было.

Он не был похож ни на кого.

Утром мама завернула ему в узелок ломоть каравая, пяток круто сваренных яиц, несколько картофелин, бутылку молока.

Пришелец прослезился, задрожал лиловыми губами. Прижал узелок к груди, глухо пролепетал:

– Спа-си-бо!..

Он пришел к нам, как тень. И ушел, как тень. Тихо, незаметно, будто растворился в тумане над Еси́лем.

Когда говорят о ленинградской блокаде, я живо представляю этого предельно истощенного, полуживого человека-скелета, в лихолетье мимовольно оказавшегося в нашем ауле.

И мне не нужно читать о тех страшных днях. Я вспоминаю того пилигрима и с содроганием понимаю, чувствую, ощущаю всю мерзость, грязь и горе войны.

Разное приходилось видеть, но пережить блокаду – Бог миловал.

* * *

Ныне покойный мой друг, весьма плодovitый прозаик Дукенбай Досжан года за четыре до своей скоропостижной кончины

прислал мне из Астаны объемное, суровое и резкое письмо, в котором обличал меня в некоторой легковесности, мелкотемье, поверхности, излишней категоричности. Я, дескать, пишу отзывы о несущественных, незначительных сочинениях, выписываю то, что некогда изрек тот или иной писатель, та или иная знаменитость, проецирую это мнение на современность, не воздаю должное истинным художникам, признавая лишь Кекилбая и Магауина, смотрю на мир из окопа, вижу только то, что поблизости, не взмываю на могучих крыльях вдохновения в небесную высь, не вглядываюсь орлиным взором в даль.

Ну, и в таком духе. Очевидно, мое «Плетение чепухи» было ему не по душе.

Я не спорил. Более того, чистосердечно признал его упреки и увещевания. Допускаю, что и к последним опусам Дукеша был излишне строг и придирчив. Его откровенные заигрывания с властями вызывали у меня стойкую неприязнь.

Но критические нотки его письма в мой адрес я посчитал справедливыми.

Что поделать? Крылья мои подрезаны и взлетать орлом уже не могу. Описываю только то, что вижу-наблюдаю из своего возрастного окопа.

Убедился: кому-то жанр «плетения» нравится. Многоверстовые романы-эпопеи ныне читать недосуг. Времени в обрез. А тут еще интернет, компьютер, телевизор, газеты.

Если имеешь, что сказать, скажи коротко, сжато, без финтифлюшек и побрякушек, обозначь самую суть. Читатель сам развернет твою мысль, если она наличествует.

Юрий Карлович Олеша еще когда сказал: «Размышление или воспоминание в двадцать или тридцать строк – максимально в сто, скажем, строк – это и есть современный роман».

Я разделяю его мнение.

На мой взгляд, моя «чепуха» (осколки, фрагменты моих «пле-
тений» я называю чепушками) имеет некоторое отношение к ли-
тературе. Пусть и с окопным ракурсом, как выразился Дукеш в
том сердитом письме. Я хотел бы эти фрагменты издать отдельной
книгой (о чем просят меня и читатели), опустив, конечно, сиюми-
нутные политические и конъюнктурные реплики, привязанные к
конкурентному временному случаю.

Разумеется, нужен отбор. И не только авторский, но и редактор-
ский, составительский. Не все же пихать в корджун. И не всякое
лыко в строку.

Дукенбаю за то строгое письмо благодарен. Замечания его учту.
Мелочиться не надо. Необходимо поднять планку видения, раздви-
нуть горизонт обзора. Не копать пыль бытия.

К этому и стремлюсь посильно.

* * *

Древнее правило «ни дня без строчки» мне лично по нраву. Я
придерживаюсь его многие десятилетия. Однако, понимаю, оно
справедливо, если есть, что сказать. Иначе получится: «Помыл го-
лову. Позвонил Мыркымбаю. Смотрел в потолок». А кому нужны
такие строчки?

* * *

Охотно соглашусь: писатель Паленшеев (не путать с Тугеншее-
вым!) – художник-стилист, красиво вышивает, изящно кладет узо-
ры, грациозно подгоняет словечко к словечку. Но за этой красотой
(в его произношении: «ритым» и «интанасия») не стоят ни знания,
ни деяния, ни смыслового направления. Ну, описал со всеми под-
робностями лужу, но что с того? Описал дождь, снег, лунную ночь.
Извел уйму слов, продемонстрировал свою наблюдательность, на-
ложил там-сям яркие заплатки, а сама-то одежда ветхая, трухлявая.

Мысль должна диктовать стиль. А зачем мне заплаты? В конечном счете они меня не восхищают, а, скорее, раздражают.

В любом случае я предпочту смысл, значение, содержание, целенаправленность. Меня прельщает главным образом образованный творец.

То есть, для меня важны ответы на вопросы: ЗАЧЕМ и ЧТО. А затем уже КАК.

Вероятно, не каждый со мной согласится. Вольному воля. Да я ни на чем и не настаиваю. Просто говорю о своих практических предпочтениях. И в конечном счете ничего против художников-иллюстраторов не имею.

* * *

Со скрипом-напрягом приближаюсь к 80-ти.

Швейцарец Э.Майер уже многие годы контактирует с космическими пришельцами, называет их по именам, издал девять томов бесед с ними на немецком и японском языках, и по его определению, восьмидесятилетние космические обитатели – юнцы.

80 лет у нас, землян, пока еще не молодость. Скорее, старость. (Для поэтессы Норы Пфеффер, скончавшейся в Германии за девяносто лет, убежденно считала, что 80 – начало старости. 91-летний берлинец Лео Кошут пишет и издает еще книги. 95-летний Д.Гранин дает интервью и недавно с блеском выступил в Бундестаге о Ленинградской блокаде).

То, что я, с малолетства хворый, намерен дотянуть до 80-ти, что ни говори, – фантастика.

Значит, мне повезло.

Значит, я счастлив.

* * *

Февраль спохватился, и зима залютовала. Ночью в Алматы температура опустилась до минус 20-22°.

Выползаю на балкон. Три воробышка на самой близкой ветке, взъерошенные, озябшие, надрывно верещат, поглядывая на меня: «Спа-си, спа-си, спа-сиини!»

Мне неудобно, больно, стыдно. На мгновение кажется, я тоже сижу на ветке, вдрызг озябший, насквозь промерзший, и молю о помощи.

Распахиваю створки, как бы приглашая воробьев на балкон, ну, хотя бы на подоконник, где все же теплее.

Не решаются. Не понимают. Таращат глазки-пуговицы. Чирикают: «Спа-си, спа-си, спа-сиини!»

Отхожу от окна в надежде, что воробьи, осмелев, вспорхнут на балкон.

Напрасно.

Сердобольная старушка-соседка вынесла к дереву тарелочку распаренного пшена, и воробышки, благодарно прочирикнув, разом упорхнули вниз, поспешно заклевали, пока не налетели прожорливые голуби и вороны.

По телевизору показывают, как мерзнут жильцы в северных городах, как в снежном плену застыли вереницы машин, как буран озорует в степи.

Лютует февраль. Солнце ходит-бродит где-то за свинцовыми тучами, за небесными торосами.

* * *

Ну, что с него взять? Он ведь всего-навсего министр. Человек хороший, да подневольный. Служба такая, куда денешься? Семью кормить надо. Приходится изворачиваться, приспособливаться.

Вообще-то, по моему разумению, чиновников высшего ранга следует назначать как наказание. Дескать, хочешь-не хочешь, а служи народу президентом, премьером, министром, высоким начальником три-четыре года, это твоя гражданская обязанность, твой жребий. Честно служи, а потом отпустим. Никаких благ,

никакого воровства, только служба, только обязанность. И лишь потом – вольному воля. То есть, служба как повинность.

Так должен стоять вопрос. Это было бы справедливо.

* * *

Нежданно-негаданно всколыхнул народ, обитающий в Казахи.

«Стан» набил оскомину. Сколько же этих станов: Афганистан, Пакистан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан...

«Стан» – нечто приземленное, временное понятие; ограниченное в пространстве, бивуачное, неопределенное.

Рядом с нашим аулом, в трех километрах, у степного пруда, стояли две временки и одна юртешка, в которых расположилась колхозная бригада. И казахи, и русские называли это место «стан».

Называть огромную, бескрайнюю страну, населенную вольным народом, «станом» – ну, ни в какие ворота.

Обратимся к Далю. Он толкует:

«Стан – место, где путники, дорожные стали, остановились для отдыха, временного пребывания, и все устройство на месте, с повозками, скотом, шатрами или иными угодьями; место стоянки и все устройство».

Дотошный Даль приводит примеры:

Стать станом в поле, обозом, табором.

Стан в отъездежном поле. Сборное место и ночлег. Военный, ратный стан, бивак, лагерь. Стан рыбацкий. Стан лесников. Разбойничий стан.

И т.д.

Нет, «стан» для казахов – как ни толкуй это слово расширительно – не совсем годится.

Эту страну целесообразно называть как-то по-другому.

Мне нравится слово «Казахия». Не я придумал. Им нередко пользуются историки, писатели, публицисты.

Это слово любил незабвенный Ануар Алимжанов.

А еще приятней мне слово «ел». Мощное слово! Короткое, красивое, многозначное. А «Қазақ елі» звучит возвышенно и поэтично.

Лет двадцать-двадцать пять назад в повести «Там, в долине» я об этом писал:

«Вот, к примеру, казахское слово «Эль». Перевести его можно на русский язык как «население», «народ», «страна». Так это слово толкуется в словарях. И это в общем-то верно, хотя при этом теряются кое-какие весьма значительные нюансы. Казах говорит: «мой эль», и означает это: мой аул и его окружение, край моих предков, моя малая родина, место, где капнула первая капля крови от моей пуповины, край – опора, край – защита, край – отрада, земля моей чести, моей совести».

В 2005 году я издал книжку, которая так и называлась – «Эль».

Казахские азаматы давно предлагают переименовать «Казахстан» в «Қазақ елі», что адекватно понятию «Страна казахов»

Вопрос этот долго тлел в сознании обитателей этой уникальной страны.

И вот с подачи Елбасы вопрос о переименовании страны вновь стал на повестку дня.

Понимаю: одним росчерком пера этот вопрос не решится. Будут обсуждения, разные толкования, кривотолки, активное неприятие, разные сложности как внутри страны, так и внешне. И плебисцит, полагаю, не внесет полную ясность.

Свое же личное мнение выскажу открыто: я «за» название «Қазақ елі». Считаю это разумным и справедливым во всех отношениях. Однако...

Однако, считаю нужным сказать и о своих сомнениях. Предвижу, что многие дружественные «страны» ошестинятся, посчитают себя ущемленными, обидятся, скажут: «Эй, керей, кайда барасың?!» А мы что, от токал родились?! И могущественные страны, наши экономические и политические партнеры, про себя

подумают: «Эй, тебе что, тесно стало в «стане»? Сиди уж, не рыпайся, довольствуйся тем, что ты хотя бы стан».

Будут сопротивления, будут... Шутка ли с бухты-барахты название страны менять?!

Второе «но» связано с орфоэпическим и орфографическим оформлением милого казахского слова «ел».

Понятно: «казак» мы привычно напишем «казах». И глаза, и уши с этим освоились.

А как быть с «ел»?

Напишешь «ел» – по-русски получится «кушал».

Напишешь ближе к произношению с «мягким» знаком, получится «ель» – дерево, шырша.

Что же я придумал? Я пишу «Эль» – обратным «Е». Вроде ближе к оригиналу. Сравни: «Марий-Эль».

Но ведь так можно написать по-русски в именительном падеже. А по-казахски следует говорить: «елі» – «Қазақ елі». Русская гортань произнесет или «элы» или «эли». В любом случае неизбежна морока с «і».

И как быть? Ума не приложу.

Остается, полагаю, один выход: писать название страны только по-казахски: кириллицей «Қазақ елі», латиницей «Qasaq eli». И пусть иноземцы произносят как хотят. Их проблема.

Пока мои мысли находятся на этом уровне. Может, завтра возникнут другие варианты.

Обратил невзначай еще внимание, что в моем имени есть любимый казахскому слогу «Ер», а в фамилии моей застряли «Ел», и «Ер».

Апырай, а?! Может, не случайно то, что в моем имени-фамилии два священных казахских слова?!

* * *

Мне по душе казахская мудрость: тең теңімен, тезек қабымен. Буквально: ровня с ровней, мешок с кизяком.

Я толкую эту мудрость расширительно, проецируя ее на все сферы человеческой деятельности.

Понятно: далеко не все люди одинаковы – по происхождению, по социальной значимости, по образованию, по интеллекту, по таланту.

Верно: не все пять пальцев одинаковы. Тоже казахская поговорка.

И еще вспоминается: протягивай ножки по одежке (по-казахски: по корпешке, т.е. по одеяльцу).

Что – конкретно – в данном случае я имею в виду?

А вот что:

Мне совершенно неинтересно, что думает, скажем, некий Паленшеев или Тугеншеев о Гете, Байроне, Т.Манне, Г.Гессе, Толстом, Достоевском, Чехове, Бунине etcetera.

А очень любопытно, что сказал Толстой о Шекспире, или Томас Манн о Гете, или Гессе о Достоевском, или Бунин о Чехове, или Горький о Толстом.

Они если и не равновелики, то очень близки друг к другу – и по времени, и по таланту, и по художественной потенции, по эстетической значимости.

Из моих казахских современников есть писатели, пространно рассуждавших о Гете, о Байроне, о Толстом.

Может, и похвально, но меня это не колышет. Ибо, как мне мерещится, они плохо знают и чувствуют эпоху, ауру того времени, творчество этих титанов, и их компилятивные судороги оставляют меня совершенно равнодушным.

В свое время по поводу того или иного юбилея Абдижамил Нурпейсов произносил с торжественных трибун немало слов-докладов о Толстом, о Тургеневе, о Достоевском, о Гончарове и о других; я знаю, он тщательно и ответственно готовился к этим речам, но что он сказал и что мог в сущности сказать, весьма поверхностно, приблизительно зная их творчество? Так, по-гамле-

товски «слова, слова, слова», набор цитат и вялый пересказ чьих-то мыслей. Слушать и читать это было неловко и стыдно.

А вот его «Слово об Ауэзове» или – особенно – «Слово о Муканове» отличались и живописью, и достоверностью.

Это было и близко, и соразмерно.

Мне вправе сказать: «Ну, а ты-то сам?!»

Верно: я об Абая много писал – и статьи, и эссе, и сборники разные составлял.

А одна из существенных, на мой взгляд, моих книг называется «Гете и Абай». Труд проникновенный, прочувствованный, написанный на выявление разных духовных созвучий титанов поэзии.

Знакомые Паленшеевы и Тугеншеевы могут меня упрекнуть: «А ты-то куда полез? Тебе ли умничать о Гете и Абая? Кто ты такой? Много на себя берешь?! Ты же им никак не ровня! А коли так, разве не разумно оставаться мешку с кизяком?»

Пока никто мне так не сказал. А если скажут, мне – честно! – и крыть нечем. Просто смущенно опущу голову.

Единственное мое утешение: я стараюсь лишний раз не тревожить великих аруахов. Хотя иногда вроде и есть что сказать...

И еще я с годами понял, что вовсе не обязательно говорить все, что приходит в дурную голову.

* * *

В связи с 70-летием окончания Ленинградской блокады (январь 1944 г.) много о том героизме пишут, вспоминают, размышляют.

Ставят вопрос так: надо ли было терпеть в течении 900 дней эти муки мученические или разумнее было бы просто сдать город в те отчаянные, окайненные дни?

Мурашки по спине от самой такой постановки вопроса.

Писатель Виктор Астафьев еще в 70-е года прошлого века резко считал: надо было сдать город врагу.

Кое-кто из нынешних журналистов гневно обрушивается на патриотизм и тогдашнюю идеологию, ссылаясь на мнение Льва Толстого: «Патриотизм – чувство безнравственное», «Патриотизм есть рабство».

Ей-ей, я и не знаю, что сказать по этому поводу.

Думаю, пустое все это. Рассуждать о том, что было более 70 лет назад, рассматривая разные варианты, – нонсенс, блажь.

В то время, скорее всего, никто о каких-то вариантах-возможностях и не помышлял.

Пусть о том скажут сами блокадники.

Кроить шубу по наитию из воздуха – не дело.

Тут напрашивается параллель: разумно и справедливо ли было выселение российских немцев с насиженных мест в 1941-м году?

Мое мнение однозначно: это было глупо и подло. Это было в стиле «чудесного грузина». 23 года спустя это признало правительство, власти СССР, все свалив на культ личности Сталина. Предварительно распустив Республику немцев Поволжья, депортировав российских немцев в Сибирь и Казахстан, уничтожив половину населения в лагерях, ссылке, трудармии, растоптав душу народа, вытравив национальный дух своих же трудолюбивых, законопослушных, верноподданных граждан, служивших России верой и правдой около 200 лет.

Об этой очевидной трагедии, тоже ныне нередко пишут и запоздало предлагают-предполагают разные варианты. Например:

а) Сталин правильно сделал, выслав к черту на рога неблагодарную немчуру;

б) в условиях войны с фашистской Германией этот акт возмездия был справедлив;

в) депортация российских немцев, по сути, спасла их от тотального истребления. То есть, мы, руссланддойче, должны быть благодарны советскому правительству за то, что хотя бы частично уцелели и выжили.

Вот в таком духе обсуждаются в наше время зловещий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года.

Чушь все это!

История не признает «что, если бы...»

Черновиков нет. А чистовик не переиграешь.

А за глупость всегда приходится рассчитывать людскими судьбами.

Десятилетиями, столетиями.

* * *

Тенге рухнул. Повсюду ажиотаж. С утра десятки телефонных звонков: дзинь-дзинь-дзинь.

А вопрос у всех на устах один:

– Оу, бўл не болып кетті?! Как объяснить?

– Маскара! Инфляция, банкрот!..

– А вчера еще говорили: все у нас под контролем...

– Цены взбесились!

– У власти зад оголился.

– Всех нас втихомолку голой задницей усадили на лед.

Говорю:

«Ну, и что? Чего всполошились-то? Другого ожидали? Как бы не так! Черный хабар этот давно витает в воздухе. А какой может быть другой выход? Государству срочно понадобился доход, и оно его получит. Где взять миллиард для «ЭКСПО»? На шоу-свистопляски? На понты-показуху? Каким образом оживить экономику?

Только так! За счет тотального ограбления населения.

Так что, не волнуйтесь, айналаины мои. Все по уму. Все логично. Все на ваше же благо.

Долларов у вас много? Ну, значит, еще выиграли.

Тенге с гулькин нос? Ну, сколько вам можно увеличивать пенсию-зарплату? И вообще зачем вам столько?

Оглянитесь: это было, это есть и – главное – это будет.

То ли еще будет, милые, до 2050 года?!

Власть исхитрится, лапшу на уши повешивает еще – о-го-го!

У нас ведь все стабильно. Тэуба, тэуба, шүкір, шүкір.
Никаких причин для паники.
Верьте!»

12.02.14

* * *

Смотрю трансляцию зимней Олимпиады из Сочи. Конькобежки вихрем проносятся по дистанции пятьсот метров.

Потрясающее зрелище! Буйство красок, молодости, энергии, воли.

Все, как на подбор, юные, статные, длинноногие, упругие создания. Норвежки, голландки, шведки, немки, американки... Ах, прелесть!

Но что-то меня омрачает. Что же? Отсутствие казашек!

За 73 года, что я живу в Казахии, казашки сильно изменились в лучшую сторону. Я имею в виду не нравственно-душевный облик, а чисто физический. Они стали выше, стройнее, более ухоженными и упакованными, осанистыми, броскими и привлекательными.

Глаз радуется, на них глядя.

Увы, большинство видит себя лишь молодками-келиншеками, певуньями, поэтками, токалками, моделью, матерями.

Я не встречал ни одной, которая мечтала бы стать лыжницей, конькобежкой, биатлонистской, фигуристкой, гимнасткой, т.е. спортсменкой.

Я дожил до того, когда казашки стали блестяще играть в шахматы. Лет тридцать-сорок назад такого и представить было невозможно.

Мощный прогресс!

А вот до того, чтобы казашки становились призерами зимних олимпийских игр, я уже не доживу.

Но очень хотел бы, чтобы они стояли на коньках и на лыжах так же великолепно и грациозно, как их зарубежные сверстницы.

В том, что когда-нибудь это случится, – не сомневаюсь

12.02.14

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь двадцать третья	5
Тетрадь двадцать четвертая	81
Тетрадь двадцать пятая	125
Тетрадь двадцать шестая	197

Герольд Бельгер

Төлембе ченуи

ТОМ

3

*Выражаем благодарность
Абдилдабекову Марату Мухтаровичу*

Координатор проекта
Канат Торебай

Тех. редактор
Саят Акылов

Корректор
Жазира Нургожина

ISBN 978-601-06-4568-4

ИП «Спанова А.Б.»

Подписано в печать 18.09.2017 г.
Формат 60х90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18.0. Тираж 5000 экз.
Заказ №2893.

Отпечатано с файлов заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат»
Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.